

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**2025
Т. 25, № 2**

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, социологических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по социологии, истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор),
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И.В.**
(зам. гл. редактора),
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь),
к. филол. н., доц. **Афанасьев А. С.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

2025

Vol. 25, no. 2

SERIES

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, sociological, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in sociology, history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiriyakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyaev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
Исторические науки	
ГЕЙГЕР Н. Н. Ультранационалистические силы в общественно-политической жизни Турции в период 1980–1999 гг.....	6
ГОЛУБОВА А. В., ХУДОБОРОДОВ А. Л. Место и роль Челябинской области в системе современных российских регионов.....	15
РЫБИН Д. В. Государство и легалистская пресса в эпоху конституционной монархии в России.....	24
МОЛОДЦОВА А. В. Историографические оценки присоединения немецкоязычных территорий к Бельгии.....	32
Искусствоведение	
АКУЛЬШИНА М. Л. К вопросу о происхождении иконографии «О тебе радуется».....	41
ЖУК С. А., КУЗНЕЦОВА О. Н. Символизм и живопись В. Э. Борисова-Мусатова.....	50
СИМОНОВА А. В. Раннее искусство буддизма Кореи: к вопросу о специфике художественного языка.....	60
Литературоведение. Журналистика	
БУДАЕВ Э. В., РУЖЕНЦЕВА Н. Б., НАХИМОВА Е. А. Метафора как средство актуализации когнитивных оппозиций в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско».....	67
КЛОПОТЮК Д. И., СЕМЬЯН Т. Ф. Особенности нарративной организации в повести Генриха Сапгира «Армагеддон».....	78
ЛАПШИН М. С., ЛОБОДЕНКО Л. К., ЧЕРЕДНИКОВА А. Б., ШЕСТЕРКИНА Л. П., БАСКОВ А. А. Анализ когнитивной нагрузки и эмоциональной вовлеченности молодежи при чтении медиатекстов по экологии: опыт применения ЭЭГ и айтрекера.....	86
РАДИОНЦЕВА Е. С. Иммерсивные технологии в отражении медиасистемы.....	96
СОЛОВЬЕВА Н. В. Ценностный компонент медиаобраза региона в ракурсе Специальной военной операции (на примере Забайкальского края).....	105
Рецензии	
КАЗАНКОВ А. И. Обретение приватности. О книге Н. Б. Лебиной «Хрущевка. Советское и несоветское в пространстве повседневности» (Москва, 2024).....	112
ПАРХОМЕНКО М. Д. Рецензия на книгу Ричарда Уотмора «Что такое интеллектуальная история?» (Москва, 2023).....	116

CONTENTS

From the Editorial Board	5
Historical studies	
GEIGER N. N. The role of Ultranationalist forces in the social and political life of Turkey in the period 1980–1999.....	6
GOLUBOVA A. V., KHUDOBORODOV A. L. Chelyabinsk region and its place and role in the system of modern Russian regions.....	15
RYBIN D. V. State and legalist press in the era of constitutional monarchy in Russia.....	24
MOLODTSOVA A. V. Historiographical assessments of the annexation of German-speaking territories to Belgium.....	32
Art Criticism	
AKULSHINA M. L. On the origin of <i>All of creation rejoices in you</i> iconography.....	41
ZHUK S. A., KUZNETSOVA O. N. Symbolism and painting of V. E. Borisov-Musatov.....	50
SIMONOVA A. V. Early Buddhist art in Korea: towards the question of specificity of artistic language.....	60
Literary criticism. Journalism	
BUDAEV E. V., RUZHENTSEVA N. B., NAKHIMOVA E. A. Metaphor as a means of actualizing cognitive oppositions in the story “Gentleman from San Francisco” by I. A. Bunin.....	67
KLOPOTYUK D. I., SEMIAN T. F. Features of narrative organization in novel “Armageddon” by Genrikh Sapgir	78
LAPSHIN M. S., LOBODENKO L. K., CHEREDNIKOVA A. B., SHESTERKINA L. P., BASKOV A. A. Analysis of the cognitive load and emotional engagement of young people when reading environmental media texts: the experience of using EEG and eye tracking technologies.....	86
RADIONTSEVA E. S. Immersive technologies in the reflection of the media system.....	96
SOLOVEVA N. V. Value component of the media image of a region in the context of the Special Military Operation (using the example of the Trans-Baikal Territory).....	105
Reviews	
KAZANKOV A. I. Gaining privacy. About N. B. Lebina’s book “Khrushchev. Soviet and Non-Soviet in the space of everyday life” (Moscow, 2024).....	112
PARKHOMENKO M. D. Review of the book by Richard Whatmore “What is intellectual history?” (Moscow, 2023).....	116

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии – представить научному сообществу новейшие исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Раздел «Исторические науки» посвящен актуальным проблемам этой отрасли научного знания и открывается статьей Н. Н. Гейгера «Ультранационалистические силы в общественно-политической жизни Турции в период 1980–1999 гг.», историографической базой для которой послужили труды преимущественно турецких авторов, а также работы отечественных ученых. Авторы статьи «Место и роль Челябинской области в системе современных российских регионов» А. В. Голубова и А. Л. Худобородов проанализировали основные факторы – экономический, политический, социальный, культурный, экологический, – влияющие на место и роль Челябинской области, а также выявили практические шаги, реализуемые в регионе с целью повышения значимости области в будущем в масштабах страны. Статья Д. В. Рыбина «Государство и легалистская пресса в эпоху конституционной монархии в России» посвящена легалистской (юридической) прессе начала XX века. В статье А. В. Молодцовой «Историографические оценки присоединения немецкоязычных территорий к Бельгии» осмыслена проблема присоединения немецкоязычных территорий к Королевству Бельгия в межвоенный и военный периоды XX века.

В разделе «Искусствоведение» представлены исследования, освещающие важнейшие аспекты изучения различных видов искусства. В статье М. Л. Акулишиной «К вопросу о происхождении иконографии “О тебе радуется”» рассматриваются основные этапы развития иконографического типа «О Тебе радуется», связанного с именем богослова Иоанна Дамаскина, а также исследуется образно-смысловое содержание элементов данного типа. В статье С. А. Жука и О. Н. Кузнецовой «Символизм и живопись В. Э. Борисова-Мусатова» актуализируется вопрос понимания мировоззренческих смыслов в искусстве символизма, материал которого характеризуется семантической закрытостью, поэтому в статье используются приемы герменевтической логики, способствующие прочтению глубинных, мировоззренческих смыслов в искусстве условно-символического характера. Статья А. В. Симоновой «Раннее искусство буддизма Кореи: к вопросу о специфике художественного языка» посвящена буддийскому искусству Кореи VI–VII вв., периода, когда художественный язык сакрального искусства региона только формировался.

В разделе «Литературоведение. Журналистика» представлены статьи, освещающие различные аспекты филологической науки. Авторы коллективного исследования «Метафора как средство актуализации когнитивных оппозиций в рассказе И. А. Бунина “Господин из Сан-Франциско”» – Э. В. Будаев, Н. Б. Руженцева, Е. А. Нахимова – при анализе метафор, регулярно используемых в рассказе «Господин из Сан-Франциско» для реализации двух доминирующих когнитивных оппозиций, приходят к выводу, что писатель опирается на архетипические универсальные схемы осмысления мира. В статье Д. И. Клопотюка и Т. Ф. Семьян «Особенности нарративной организации в повести Генриха Сапгира “Армагеддон”» изучено малоисследованное произведение одного из ключевых авторов конца XX века. В коллективной статье М. С. Лапина, Л. К. Лободенко, А. Б. Чередниковой, Л. П. Шестеркиной, А. А. Баскова «Анализ когнитивной нагрузки и эмоциональной вовлеченности молодежи при чтении медиатекстов по экологии: опыт применения ЭЭГ и айтрекера» применены передовые и уникальные методы исследования феномена чтения. В статье Е. С. Радионцевой «Иммерсивные технологии в отражении медиасистемы» показано, что иммерсивные медиапроекты по преимуществу направлены на удовлетворение эстетической потребности, которая позволяет отвлечься от рутины и пережить эмоции, обогащающие внутренний мир личности. В статье Н. В. Соловьевой «Ценностный компонент медиаобраза региона в ракурсе Специальной военной операции (на примере Забайкальского края)» доказывается, что начало СВО побудило журналистов Забайкальского края выбрать созидательную модель деятельности и повернуть вектор работы в сторону конструирования медиаобраза региона, репрезентирующего духовно-нравственные ценности.

Раздел «Рецензии» представлен двумя обзорами. В рецензии А. И. Казанкова «Обретение приватности. О книге Н. Б. Лебиной “Хрущевка. Советское и несоветское в пространстве повседневности” (Москва, 2024)» отмечена актуальность проблематики рецензируемой книги, которая продолжает традиции исследований советской повседневности. В рецензии на книгу Ричарда Уотмора «Что такое интеллектуальная история?» (Москва, 2023) М. Д. Пархоменко рассматривает переведенную на русский язык книгу британского историка, специалиста по интеллектуальной истории.

УЛЬТРАНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ СИЛЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ТУРЦИИ В ПЕРИОД 1980–1999 гг.

Н. Н. Гейгер

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена деятельности ультранационалистических сил Турецкой Республики в период 1980–1999 гг. В первую очередь речь идет о Партии националистического движения (ПНД; с 1983 по 1993 гг. функционировала под другими названиями) и молодежной ультраправой организации «Серые волки». Обе структуры возглавлял Алпарслан Тюркеш – полковник ВС Турции и участник военного переворота 1960 г. После его смерти в 1997 г. лидерство перешло к Девлету Бахчели.

Целью статьи является рассмотрение и анализ различных аспектов деятельности ПНД и «Серых волков» в указанный период. Исследование базируется на принципах историзма, детерминизма и объективности. Применены традиционные для исторического исследования методы (идеографический, историко-генетический и др.). Историографической базой послужили труды преимущественно турецких авторов, при этом задействованы работы отечественных ученых.

В рамках исследования установлены последствия военного переворота 1980 г. для крайне правого движения, обзорно рассмотрены политическая активность ультранационалистических партий и их электоральные достижения в период 1983–1999 гг. В результате исследования автор пришел к выводу, что ультранационалистические структуры, хотя и никогда не являлись доминирующими акторами в Турции, сыграли значимую роль в формировании общественно-политического климата страны. Обострение курдского вопроса на рубеже 1980–1990-х гг., работа над политическим имиджем и неуспехи конкурентов – эти факторы способствовали постепенному росту популярности ПНД в 1990-е гг. и впоследствии позволили ей занять второе место на парламентских выборах 1999 г.

Ключевые слова: Турция, турецкий национализм, Алпарслан Тюркеш, Девлет Бахчели, Партия националистического движения, Серые волки, ультранационалисты, курдский вопрос.

Введение

Во второй половине 1970-х гг. Турция столкнулась с глубоким политическим и экономическим кризисом. Хаос и анархия, вызванные ожесточенным противостоянием ультраправых и левых группировок, стали причиной военного переворота 12 сентября 1980 г., уже третьего в истории Турецкой Республики. Критическую роль в политическом насилии конца 1970-х гг. сыграли ультранационалистические силы. Речь идет о крайне правой, нефашистской Партии националистического движения (ПНД – тур. *Milliyetçi Hareket Partisi*), учрежденной в 1969 г. полковником турецкой армии и участником военного переворота 1960 г. Алпарсланом Тюркешем. Под его покровительством также находилась пантюркистская, антикоммунистическая молодежная организация «Серые волки» (тур. *Bozkurtlar*), члены которой были задействованы в террористических актах и политических убийствах в 1970-е гг. В турецкой историографии боевиков-ультранационалистов чаще всего называют «идеалистами» (тур. *Ülkücüler*), т. е. борцами за достижение «национального идеала», который означал бы консолидацию всех тюрков и создание единого тюркского государства в дальней перспективе.

Цель данной статьи заключается в определении роли ультранационалистического движения Турции в период 1980–1999 гг. Нижней границей исследования принят 1980 г., когда 12 сентября произошел военный переворот. Верхней границей является 1999 г., когда в стране прошли очередные парламентские выборы. В рассматриваемый период республика столкнулась с рядом сложностей: длительным восстановлением политической жизни после переворота 1980 г., обострением курдского вопроса, трудными поисками идеологического вектора развития, а также очередным вмешательством военных в политику в 1997 г.

Соответственно, актуальность исследования объясняется, во-первых, сохранением националистических и консервативных настроений в Турции. В настоящее время упомянутая ПНД входит в правящую коалицию и участвует в принятии основных политических решений Анкары. Во-вторых, военный переворот 1980 г. определил политическую картину республики на десятилетия вперед, поэтому анализ событий 1980–1990-х гг. важен для понимания текущих общественных процессов в Турции.

Обзор литературы

С учетом специфики темы статьи историографическую базу исследования составляют труды преимущественно турецких исследователей. Особое внимание следует уделить монографии Ф. Яшлы, в которой представлена история ультраправого движения в Турции с начала 1940-х до середины 1990-х гг. [1]. Будучи сторонником левых взглядов, Ф. Яшлы акцентирует внимание на антикоммунистической деятельности ПНД и ее структур. Другими прорывными работами по теме исследования являются две коллективные монографии Т. Боры и К. Джана: первая из них охватывает период 1980-х гг. [2], а вторая – 1990-х – начала 2000-х гг. [3]. В данных книгах анализируются различные аспекты деятельности ультраправых, включая идеологическую эволюцию, политическое представительство, курдский вопрос и пр. Роль ПНД в турецкой политике, а также политическая карьера руководителей этой партии описываются в монографии Ш. Ибы [4]. Вышедшая в свет в 2023 г. книга журналиста и писателя М. Янардага затрагивает такие значимые темы, как политический ислам и фашизм в Турции [5]. В статье М. Угур-Чинар и Г. Шенсонмеца анализируются автобиографические сведения из мемуаров крайне правых боевиков «Серых волков», написанных после переворота 1980 г. [6]. Следует также упомянуть труд А. Кузу, в котором подробно рассматривается деятельность ультранационалистического движения при А. Тюркеше [7]. Что касается научной литературы по истории республики, то в аспекте проблематики данного исследования привлекают внимание монографии отечественных туркологов Н. Г. Киреева [8] и Д. Е. Еремеева [9, 10].

Методы исследования

Данное исследование базируется на принципах историзма, детерминизма и объективности. Описание фактов, явлений и событий, происшедших в 1980–1990-е гг. в Турции, обуславливает использование идеографического метода. В статье применяется историко-генетический метод, позволяющий проследить причинно-следственные связи и закономерности развития ультранационалистического движения в Турции. Используются также хронологический, ретроспективный и историко-типологический методы.

Результаты и дискуссия

Военный переворот 1980 г. и его последствия. Военный переворот 12 сентября 1980 г. стал в том числе результатом политического насилия в стране, интенсифицировавшегося в конце 1970-х гг. Ожесточенное противостояние ультралевых и ультраправых группировок, экономическая нестабильность, постоянные правительственные кризисы, снижение уровня жизни населения – все это привело к тому, что армия вмешалась в политическую жизнь Турции. Созданный генералами Совет национальной безопасности (СНБ –

тур. Millî Güvenlik Konseyi) во главе с начальником генерального штаба Кенаном Эвренем распустил парламент, отстранил от власти правительство Сулеймана Демиреля, приостановил деятельность политических партий [8, с. 339]. К. Эврен ясно дал понять, что бывшим политикам нет места в Турции будущего. Сразу после захвата власти СНБ взял под стражу партийных лидеров и некоторых высокопоставленных политиков, объяснив этот шаг обеспечением их безопасности. Председатель Республиканской народной партии (тур. Cumhuriyet Halk Partisi) Бюлент Эджевит и председатель Партии справедливости (тур. Adalet Partisi) Сулейман Демирель были помещены в военный гарнизон Хамзакей на полуострове Галлиполи, а Неджметтин Эрбакан – на остров Узунада [7, s. 122].

Переворот 12 сентября сыграл важную роль в судьбе как сторонников ПНД, так и лично ее лидера Алпарслана Тюркеша. Непосредственно после переворота политика не могли найти несколько дней. В связи с этим по распоряжению К. Эврена 13 сентября было опубликовано заявление, в котором утверждалось, что, если А. Тюркеш не выйдет на связь с новыми властями, его признают виновным в неподчинении директивам СНБ. На следующий день руководитель ПНД связался с центральным командованием вооруженных сил и сообщил о своем местоположении. За время своего отсутствия А. Тюркеш убедился, что переворот совершили не левые силы и не левокемалисты¹, которые имели свое представительство в армии (такой ход событий однозначно означал бы крах ультраправых). Кроме того, политик через своих посредников, по-видимому, получил гарантии безопасности от представителей разведки, уверявших, что на свободе он окажется спустя несколько месяцев [1, s. 353, 355].

Алпарслана Тюркеша сразу же перевезли на остров Узунада, где он находился до 9 октября. Затем его отправили на допрос, после чего политик был арестован и заключен в тюрьму в Анкаре [7, s. 124]. Если Н. Эрбакана действительно освободили через несколько месяцев, то А. Тюркешу предстояло провести под стражей более четырех лет. Сотни членов ПНД и бойцов «Серых волков» были задержаны; перед судом в общей сложности предстали 587 человек. В обвинительном заключении содержалось требование применить смертную казнь для 219 человек, в том числе для А. Тюркеша [1, с. 357]. Обвинение утверждало, что председатель ПНД, прикрываясь борьбой с коммунистами, стремился взять государственные структуры под свой контроль при помощи вооруженных фашистских группировок, стравить турецкое общество между собой. В заключении открыто говорилось об авторитарном характере вла-

¹ Левокемалисты отстаивали позиции антиимпериализма и антифашизма, выступали за независимость республики от западных стран, противодействовали исламизации страны.

сти А. Тюркеша внутри партии, отходе членов партии от принципов демократии, а также о попытках руководства ПНД выстроить «фашистский порядок, основанный на расизме с шовинистическим духом» [1, s. 358–359].

В итоге 16 октября 1981 г. решением СНБ Партия националистического движения была закрыта, а ее активы конфискованы. Из-за проблем с сердцем Алпарслан Тюркеш 29 мая 1983 г. был доставлен в военный госпиталь, где находился под стражей вплоть до выхода на свободу. Председатель ПНД был приговорен к 11 годам, 1 месяцу и 10 дням тюремного заключения, но был освобожден 9 апреля 1985 г. с учетом времени, которое он уже провел под стражей [11]. Сотни боевиков «Серых волков» получили различные тюремные сроки: кто-то из них непосредственно по делу о деятельности ПНД и «идеалистов», кто-то – по сопутствующим уголовным делам. Согласно указанным в ультранационалистической прессе данным, 9 боевиков «Серых волков» были казнены [12, s. 577].

После переворота ультраправых боевиков поместили в военную тюрьму Мамак в Анкаре, известную своими ужасными условиями содержания. Чтобы продемонстрировать успех военной хунты в прекращении идеологической вражды и обеспечить полное господство над заключенными, «Серые волки» содержались вместе с их главным врагом – левыми активистами. Обе стороны подвергались физическим и моральным пыткам, воздействию государственной пропаганды, должны были соблюдать строгую военную дисциплину. Вдобавок ко всему, А. Тюркеш, который мог бы сплотить своих последователей в этой ужасной ситуации, держался в стороне от остальных крайне правых активистов. Тот факт, что лидер ПНД делал упор на индивидуальную ответственность виновных и пытался оправдать себя, подорвал убеждения многих членов «Серых волков» [6, s. 333, 337].

Путь к восстановлению ПНД. После принятия новой конституции в 1982 г. военные власти в намеченные сроки осуществили меры по переходу к гражданскому правлению, и политическая жизнь Турции начала постепенно оживать. Процесс восстановления движения «идеалистов» фактически начался в 1983 г.; однако долгое время (до конца 1980-х гг.) этот процесс был фрагментарным и непоследовательным. Следует отметить, что после переворота 12 сентября 1980 г. ультраправое движение не характеризовалось единством и централизованностью. Часть активистов бежала в Западную Европу, а оставшиеся в Турции «идеалисты» также придерживались разных взглядов. Так, лидеры ПНД и члены «Серых волков», оказавшиеся в тюрьме, выступали против путчистов. Однако значительная часть «идеалистов», хотя и негативно относилась к судебным разбирательствам в отношении товарищей, в целом под-

держала новый режим с его институциональной структурой и политико-идеологическим дискурсом. В данном контексте речь шла, конечно же, о турецком национализме (не пантюркизме) и принципах М. К. Ататюрка, восстановлении авторитета государства и сохранении целостности страны. Многие сторонники А. Тюркеша были убеждены, что ПНД оказалась в ловушке: партия преследовала те же цели, что и путчисты. При этом были и те, кто считал, что А. Тюркеш и его окружение получили по заслугам: лидера ПНД обвиняли в недальновидной политике до 1980 г., невыполнении своих обязательств, несправедливости внутри движения «идеалистов» [2, s. 191–192].

В 1983 г. бывшие сторонники закрывшейся ПНД стали вступать в новые партии. Большинство из них примкнули к Партии Отечества (ПО – тур. Anavatan Partisi), возглавляемой Тургуттом Озалам – сторонником либерально-экономических преобразований. Кроме того, «идеалисты» вступали в ряды правоцентристских Националистической демократической партии (НДП – тур. Milliyetçi Demokrasi Partisi) и Партии Великой Турции (тур. Büyük Türkiye Partisi) – вторая была запрещена спустя несколько месяцев после основания и вновь открылась под названием Партия истинного пути (ПИП – тур. Doğru Yol Partisi) [2, s. 193].

Вместе с тем в 1983 г. ультраправые начали работать над воссозданием своей партии «идеалистов». Алпарслан Тюркеш следил за этими усилиями сначала в тюрьме, а затем на свободе. Первой партией, основанной «идеалистами» после военного переворота, стала Консервативная партия (КП – тур. Muhafazakâr Parti). Хотя новое политическое объединение лишь косвенно заявляло о своей преемственности ПНД, было очевидно, что его костяк формируют именно выходцы из партии А. Тюркеша. КП не могла привлечь на свою сторону значимое число «идеалистов»: ее руководители быстро сменялись, а из-за непрекращавшихся внутренних разногласий партия не внушала доверия.

Съезд членов партии, состоявшийся 29–30 ноября 1985 г., стал первой крупной демонстрацией силы движения «идеалистов» после переворота 1980 г. Нейтральное название «Консервативная партия» было заменено на Националистическую рабочую партию (НРП – тур. Milliyetçi Çalışma Partisi). Лидирующую роль в продвижении новой ультраправой партии сыграл Мухаррем Шемсек – в прошлом один из лидеров «Серых волков», которого даже считали преемником А. Тюркеша [2, s. 260–261]. Идеологическая база партии была слабой и неопределенной, поэтому громкие имена из бывшей ПНД не спешили вступать в НРП и даже делали заявления о том, что новую партию «не стоит воспринимать всерьез». НРП было сложно привлечь на свою сторону избирателей и сочувствующих «идеалистическому» движению. Стали распространяться слухи о том, что даже А. Тюр-

кеш не поддерживал НРП. Такие разговоры подкреплялись тем, что он открыто не агитировал за раскрутку НРП до середины 1986 г. Более того, после выхода из заключения в 1985 г. А. Тюркеш поддерживал контакты с ультраправым крылом ПО, призывая этих депутатов пока «оставаться на своих местах» [2, s. 264–265].

В 1987 г. премьер-министр Турции Т. Озал поручил организовать референдум об отмене статьи конституции, которая запрещала политическую деятельность для лидеров партий, существовавших на момент военного переворота 1980 г. Результаты плебисцита, состоявшегося 6 сентября, позволили А. Тюркешу вернуться в большую политику. Уже 20 сентября он стал членом НРП, а 4 октября был избран председателем партии, получив голоса всех 210 делегатов на внеочередном съезде [1, s. 371].

На парламентских выборах, проходивших 29 ноября 1987 г., НРП получила 2,91 % голосов, не сумев преодолеть 10-процентный барьер. Спустя 4 года, 20 октября 1991 г., НРП баллотировалась в составе альянса с исламистской Партией благоденствия (ПБ – тур. Refah Partisi) и право-консервативной Реформистской демократической партией (тур. Islahatçı Demokrasi Partisi). Альянс набрал 16,9 % голосов, а НРП смогла получить 19 депутатских мест, что стало значительным электоральным успехом для ультранационалистов. А. Тюркеш вновь занял кресло парламентария. Впоследствии депутаты вышли из-под крыла ПБ и приступили к обязанностям от имени НРП [13, s. 154].

Вместе с тем в ультранационалистическом движении назревал раскол. Поводом для размежевания стала ситуация в парламенте, когда 21 ноября 1991 г. депутат НРП Мухсин Языджиоглу и четверо его коллег отказались выражать вотум доверия коалиционному правительству правоцентристской Партии истинного пути и левоцентристской Социал-демократической народной партии (СНП – тур. Sosyaldemokrat Halkçı Partisi), в депутатском списке которой значились представители прокурдской Народной рабочей партии (тур. Halkın Emek Partisi). А. Тюркеш, избрав прагматичный и умеренный курс, был готов закрыть глаза на этот факт и призвал свою фракцию поддержать новое правительство. Во-первых, еще с 1970-х гг. у А. Тюркеша и председателя ПИП Сулеймана Демиреля сложились теплые личные отношения. Во-вторых, лидер НРП рассчитывал на получение финансовых и политических преференций от новой правящей партии [3, s. 26–27]. И действительно, в 1991–1995 гг. ПНД выступала в качестве негласного партнера ПИП, взамен получив возможность внедрения своих кадров в государственные органы, особенно в службы безопасности. В-третьих, поддержка коалиции ПИП и СНП позволяла «устранить» другого конкурента – Партию Отече-

ства, занявшую на выборах второе место. Группа М. Языджиоглу считала политику А. Тюркеша оппортунистской и предательской по отношению к «идеалистическому» движению [1, s. 381].

Раскол в рядах НРП имел не только политический, но и идеологический характер. Еще в 1969 г. руководством ПНД была выбрана концепция «тюркско-исламского синтеза», подразумевавшая неразрывность националистических и исламских ценностей в идеологии партии. Однако же после переворота 1980 г. вопрос религии стал центральным предметом разногласий среди представителей ультранационалистического движения. Дело в том, что многие члены «Серых волков», участвовавшие в политическом насилии 1970-х гг. и оказавшиеся по итогу в тюрьмах после переворота 1980 г., произвели переоценку своих ценностей и обрели в исламе источник своей новой идентичности [6, s. 346].

Хотя А. Тюркеш рассматривал ислам как неотъемлемый компонент турецкой идентичности, он никогда не намеревался установить порядок, основывающийся на религии. В свою очередь, М. Языджиоглу, хотя и не отвергал националистический дискурс, считал ислам высшей ценностью турецкой нации. Он подчеркивал, что светское государство невозможно без построения демократического общества, в котором гражданам гарантирована свобода совести и свобода вероисповедания. Политику была не близка позиция, согласно которой национализм ассоциировался с кемализмом и западничеством, а светскость воспринималась как «форма враждебности к религии» [14, s. 9]. М. Языджиоглу считал, что турецкий национализм должен опираться в первую очередь на культурные и исторические традиции, религиозные ценности.

Разногласия между группами сторонников А. Тюркеша и М. Языджиоглу усиливались, а точки соприкосновения становилось все меньше. В итоге летом 1992 г. 6 депутатов НРП во главе с М. Языджиоглу вышли из состава фракции; за ними последовали многие другие (в общей сложности из состава партии вышли 1843 человека). 29 января 1993 г. покинувшие НРП политики основали Партию великого единства (ПВЕ – тур. Büyük Birlik Partisi), которая существует по сей день. ПВЕ считала себя наследницей идей «идеалистов», при этом отвергала сложившийся культ А. Тюркеша. В противовес НРП, новая партия выступала за экономический подход, который поддерживал снижение роли государства и приватизацию [1, s. 382–383, 385].

Вместе с тем 12 июня 1992 г. власти Турции разрешили вновь создавать политические партии под теми названиями, которые использовались до переворота 12 сентября 1980 г. Данным положением решила воспользоваться группа бывших функционеров ПНД (до 1980 г.) под предводительством Сади Сомунджуоглу, не желавших всту-

пять в НРП и не разделявших ее вектор развития. Бывшие члены партии решили воссоздать ПНД, которая существовала бы отдельно от НРП. Однако эта инициатива была сорвана А. Тюркешем и его соратниками. На внеочередном съезде НРП, состоявшемся 24 января 1993 г., было принято решение о восстановлении прежнего названия – Партии националистического движения (ПНД). Алпарслан Тюркеш был вновь избран ее председателем. Данное решение имело важное символическое значение – движение «идеалистов» может существовать только под крылом ПНД и только под руководством своего лидера А. Тюркеша. В свою очередь, С. Сомунджуоглу, разорвав связи с партией А. Тюркеша, вступил в Партию Отечества и даже был избран депутатом от этой партии в 1995 г. После смерти А. Тюркеша он вернулся в ПНД [4, s. 70].

Курдский вопрос. Одной из главных причин постепенного подъема ультраправого движения в рассматриваемый период стал курдский вопрос, который, хотя и существовал раньше, обострился со второй половины 1980-х гг. Турецкие власти начали жестко подавлять все национальные права курдов: запретили даже в быту говорить по-курдски, отмечать праздник Новруз² и т. д. В ответ на это курды все более решительно стали выступать за автономию Турецкого Курдистана, даже за его независимость. В 1984 г. боевики Рабочей партии Курдистана (РПК)³ усилили повстанческую борьбу с турецким государством в Юго-Восточной Анатолии. К ним примкнули левацкие группировки, не до конца разгромленные военной хунтой [9, с. 195–196].

Партизанская деятельность РПК спровоцировала всплеск турецкого национализма в стране. В кругах националистов, в частности, распространялись теории заговора, согласно которым Запад при помощи курдов готовится разделить или ослабить Турцию. Функционеры ПНД категорически отвергали тезис о полиэтничности Турции и утверждали, что курды являются «тюркским племенем» с другим диалектом [3, s. 91].

Позиция ультра националистов заключалась в решении курдского вопроса военным путем. Так, например, 28 сентября 1993 г. А. Тюркеш заявил в своем выступлении, что, если власти дадут зеленый свет, он будет готов «послать группу из двух – трех человек и принести голову Апо»⁴. Важной

составляющей в противостоянии ультраправых и РПК было то, что последняя являлась левой социалистической военизированной организацией, поэтому в риторике А. Тюркеша можно было проследить антикоммунистический дискурс, доминировавший среди «идеалистов» еще в 1970-х гг. По словам председателя ПНД, А. Оджалана начал свою подрывную деятельность «не для спасения курдов, а для установления коммунистического режима в Турции» [15, s. 348].

А. Тюркеш выступал за стратегию массовой милитаризации общества и ратовал за создание специальной антипартизанской армии численностью 100 тысяч человек и специального разведывательного подразделения. В своем заявлении на частном телеканале 16 февраля 1994 г. председатель ПНД даже потребовал объявления частичной мобилизации в республике [3, s. 103].

Сторонники ПНД устраивали демонстрации против РПК, которые периодически перерастали в агрессию против курдских общин. Шовинистические лозунги «идеалистов» звучали во время национальных праздников, при проводах солдат, на футбольных матчах и похоронах военных. Благодаря связям, установленным с семьями военнослужащих, ПНД распространяла антикурдскую националистическую пропаганду по всей Анатолии [4, s. 73].

Что более существенно, именно «Серые волки» стали костяком специальных подразделений (тур. *Özel tim*), созданных для борьбы с РПК на юго-востоке Турции. Данные отряды, во-первых, проявляли жестокость по отношению к мирному курдскому населению и использовали различные методы устрашения, а, во-вторых, они не внесли существенного вклада в борьбу с сепаратизмом и в глазах армейцев выглядели некомпетентными [3, s. 118–119]. Впрочем, следует отметить, что деятельность «Серых волков» воспринималась значительной частью турецкого населения смешанных по этническому составу провинций (Эрзурум, Эрзинджан и пр.) положительно, что в дальнейшем помогло ПНД расширить свое влияние в восточной Анатолии, где партия ранее не была широко представлена.

Используя курдский вопрос в политических целях, А. Тюркеш был уверен, что на парламентских выборах 1995 г. ПНД преодолет десятипроцентный барьер и пройдет в меджлис. По этой причине он отклонил предложение об альянсе с тогдашним премьер-министром Турции и председателем ПИП Тансу Чиллер, не добившись выгодных для ПНД условий выдвижения своих депутатов. Однако же ставка А. Тюркеша не оправдалась: консервативный электорат Центральной и Восточной Анатолии, на которую опиралась ПНД, поддержал исламскую Партию благодеяния во главе с Неджметтином Эрбаканом. Таким образом, на парламентских выборах, состоявшихся

² Новруз – новый год по иранскому календарю, который приходится на день весеннего равноденствия 21 марта.

³ Рабочая партия Курдистана (курд. *Partiya Karkerên Kurdistanê*) – основанная Абдуллою Оджаланом в 1978 г. организация, которая борется за политические права курдов в Турции и создание курдской автономии. В Турции, США, странах ЕС и других государствах РПК признана террористической и запрещена, в России такого юридического статуса не имеет.

⁴ Слово Апо (курд. *Apo*) с курдского языка переводится как «дядя». Так последователи РПК называли своего лидера Абдуллу Оджалана.

24 декабря 1995 г., ПНД получила солидные 8,18 %, однако этого было недостаточно для прохождения в междлис.

Переход власти к Бахчели. Спустя полтора года после выборов ПНД лишилась своего многолетнего лидера. Алпарслан Тюркеш скончался 4 апреля 1997 г. в возрасте 80 лет. Похороны лидера ПНД состоялись 8 апреля, около 2,5 миллионов человек из разных регионов страны проводили А. Тюркеша в последний путь. На прощальной церемонии присутствовали ведущие политики страны, в том числе Н. Эрбакан, Т. Чиллер, М. Йылмаз, Б. Эджевит (все – в разное время занимали пост премьер-министра) [7, с. 220–227].

После смерти А. Тюркеша борьба за лидерство, которая просматривалась внутри партии в течение многих лет, впервые в истории ПНД проявилась открыто. Временным исполняющим обязанности председателя партии стал сын многолетнего лидера Тугрул Тюркеш, но уже 18 мая 1997 г. состоялся первый тур выборов нового главы ПНД, в котором приняли участие шесть кандидатов. В результате 412 голосов получил Тугрул Тюркеш, а второе место с 359 голосами занял Девлет Бахчели⁵ – давнишний функционер ПНД и связанных с ней структур. Затем все кандидаты, кроме Т. Тюркеша, сняли свои кандидатуры в пользу Д. Бахчели, но из-за разразившихся скандалов между членами партии второй тур голосования было решено перенести на более поздний срок. В итоге 6 июля 1997 г. Девлет Бахчели был избран новым председателем, получив 697 голосов от 1193 делегатов. Тугрул Тюркеш остался на втором месте с 487 голосами [3, с. 392–396]. Спустя год, 27 ноября 1998 г., он основал свою политическую партию, однако, не добившись электоральных успехов, в 2007 г. вернулся в состав ПНД и баллотировался в депутаты парламента от этой партии.

За пять недель до смерти А. Тюркеша в Турции произошло другое крупное событие – «постмодернистский военный переворот». Как известно, в результате выборов 1995 г. по настоянию крупных промышленников и армии к власти пришло коалиционное правительство Партии Отечества и ПИП, которое возглавил председатель ПО Месут Йылмаз. Это было неустойчивое правительство парламентского меньшинства, поэтому спустя несколько месяцев коалиция распалась в результате непрекращавшихся разногласий между Т. Чиллер и М. Йылмазом. Ему на смену 28 июня 1996 г. пришло коалиционное правительство ПБ и ПИП. Нахождение у власти исламистов, хоть и в альянсе

с ПИП, и рост их влияния в стране породили настороженность у армейской верхушки, которая считала себя гарантом и защитницей принципов кемализма, в первую очередь – лаицизма. В результате 28 февраля 1997 г. военные издали меморандум, гарантирующий светский характер государства. Партия благоденствия была распущена, а Н. Эрбакан, в июле того же года оставивший пост премьер-министра, был лишен депутатской неприкосновенности и права заниматься политической деятельностью в течение пяти лет [10, с. 315, 317–318]. При этом не был распущен парламент и не были внесены коррективы в конституцию, поэтому переворот стали называть «постмодернистским».

Изначально последствия переворота 28 февраля напрямую не касались ПНД, которая после потери лидера на протяжении нескольких месяцев погрузилась в свои внутренние дела. Руководство партии заняло нейтральную позицию касательно очередного вмешательства в политическую жизнь страны и лишь подчеркивало свою приверженность принципу светскости государства. Однако ультранационалисты были серьезно озадачены, когда в июле 1997 г. в прессу просочилась информация о том, что Совет национальной безопасности республики внес изменения в стратегию национальной безопасности – «Красную книгу». В документе было указано, что угрозу для Турции представляют не только сепаратизм и религиозный фундаментализм, но и радикальный национализм и «идеалистическая мафия» [3, с. 440–441]. Последний фактор, по-видимому, был связан с недавним Сусурлукским скандалом⁶.

Рост насилия со стороны «Серых волков», связи с мафией и новые правки СНБ – все эти факторы вынудили ПНД провести реорганизацию своих структур и работать над улучшением своего политического имиджа. Чистки коснулись тех, кто ранее был связан с криминальным миром. Около 400 отделений «Серых волков» были закрыты [5, с. 86]. Д. Бахчели осознавал, что в условиях сложившихся после военного меморандума, реорганизация ПНД может позволить ей занять место ведущей правоцентристской партии Турции.

Стратегия Д. Бахчели оправдала себя, и на выборах 18 апреля 1999 г. ПНД добилась небывалого успеха: партия заняла второе место, получив 18 % голосов избирателей. Рост числа голосов был особенно заметен на западе страны: в Мраморноморском (с 4,4 % в 1995 г. до 12,1 % в 1999 г.) и Эгейском регионах (с 7 % до 17 %), где ранее позиции ультраправых были слабыми. В Средиземномор-

⁵ Девлет Бахчели (род. 1948 г.), выходец из семьи крупного землевладельца, уже в студенческие годы участвовал в деятельности националистических организаций. В 1987 г. Д. Бахчели бросил академическую карьеру, когда А. Тюркеш попросил его вернуться к партийной деятельности, и был избран генеральным секретарем НРП. В дальнейшем занимал высокопоставленные должности в высших эшелонах НРП и ПНД.

⁶ В ноябре 1996 г. недалеко от города Сусурлук произошла автомобильная авария, которая вызвала широкий общественный резонанс: в одной машине оказались находящийся в розыске бывший лидер «Серых волков», депутат от ПИП и полицейский. В ходе скандала вскрылись связи между правительственными структурами и мафией.

ском и Центрально-Анатолийском регионах количество граждан, проголосовавших за ПНД, выросло с 13,4 % до 25,6 % и с 11,6 % до 25,6 % соответственно [3, s. 468]. Можно выделить несколько причин успеха ПНД на выборах 1999 г. Во-первых, коррупционные скандалы, связанные с лидерами ПИП и ПО Т. Чиллер и М. Йылмазом, подорвали доверие избирателей к этим партиям, вследствие чего правый электорат счел выгодным поддержать ПНД. Во-вторых, часть голосов консервативных жителей Восточной и Центральной Анатолии перешла ПНД, поскольку новая исламистская Партия добродетели (тур. Fazilet Partisi) не была убедительна в своих попытках дистанцироваться от риторики закрытой после переворота Партии благоденствия [4, s. 88–89]. В-третьих, подъем националистических настроений, как отмечалось ранее, был связан с курдской проблемой, которая в 1990-е гг. рассматривалась исключительно с точки зрения борьбы с терроризмом, а любые разговоры о правах меньшинств воспринимались как попытки разжигать сепаратизм. Симпатии народа к «Серым волкам» невольно росли на фоне гибели турецких военных в зонах проведения операций против РПК, а поимка А. Оджалана в феврале 1999 г. сыграла на руку ПНД. Миграция курдов в крупные города как из-за военных действий, так и вследствие экономических причин способствовала взрыву турецкого национализма среди населения наиболее благополучных регионов страны. Этим во многом и объяснялся рост электората ПНД в Эгейском и Средиземноморском регионах [16].

Согласно итогам голосования, на первое место вышла Демократическая левая партия (ДЛП – тур. Demokratik Sol Partisi). Ее лидер Б. Эджевит провел переговоры с Д. Бахчели и М. Йылмазом, которые ознаменовались созданием правительственной коалиции ДЛП – ПНД – ПО. Несмотря на идеологическую разрозненность – социал-демократы (левоцентристы), ультра националисты, правоцентристы – правительство Б. Эджевита продержалось у власти три с половиной года. Сам Д. Бахчели занял пост заместителя премьер-министра, а к его партии отошли несколько министерских портфелей, включая должность главы оборонного ведомства. Должность министра обороны, которую занял Сабахаттин Чамакоглу, была важна для выстраивания отношений с армией и Советом национальной безопасности. В целом следует отметить, что большинство министров от ПНД были выбраны из числа тех членов партии, которые не имели отношения к организации «Серые волки», и в глазах правоцентристской и государственной общественности были уважаемыми и солидными людьми [3, s. 473].

Выводы

По итогам исследования можно сделать вывод, что ультра националистические силы сыграли важную роль в формировании политического

ландшафта Турецкой Республики в период 1980–1999 гг. Так, ПНД (с 1983 по 1993 гг. функционировала под другими названиями), хотя никогда не побеждала на выборах, стала значительным политическим объединением, собравшим под своей крышей граждан крайне правых убеждений. Вместе с тем молодежная организация «Серые волки», преодолев упадок после переворота 1980 г., вновь проявила себя как на полях курдского конфликта, так и на улицах крупных городов. Таким образом, анализ деятельности ультра националистов в Турции в рассматриваемый период позволяет сделать более частные выводы:

- после переворота 1980 г. ультра националистическое движение было разобщенным и дезорганизованным. Попытки консолидировать бывших членов ПНД и «Серых волков» долгое время не достигали результата, и лишь возвращение А. Тюркеша в большую политику дало ультраправым второе дыхание;

- на рубеже 1980–1990-х гг. вопрос религии стал серьезным предметом разногласий среди бывших членов «Серых волков». В то время как многие из них продолжали ассоциировать себя с НРП – ПНД, выделилась группа, которая выдвигала исламскую идентичность на первый план. Идеологический кризис привел к тому, что группа депутатов во главе с М. Языджиоглу вышла из состава НРП и организовала свою партию, которая отрицала сложившийся культ А. Тюркеша;

- курдский вопрос способствовал всплеску националистических чувств в республике и, как следствие, привел к возвышению ПНД и «Серых волков» в общественно-политическом пространстве Турции. Радикальная риторика функционеров НРП – ПНД касательно решения конфликта находила отклик в турецком обществе и, как показали выборы 1999 г., способствовала росту электората не только среди консервативных граждан в Центральной и Восточной Анатолии, но и среди светских жителей крупных городов;

- хотя военный меморандум 1997 г. напрямую не повлиял на деятельность ПНД, сложившаяся в республике политическая обстановка вынудила нового председателя Д. Бахчели реорганизовать ультра националистические структуры и приступить к улучшению их имиджа (кадровые чистки, разрыв отношений с мафией и пр.). Вместе с тем коррупционные скандалы, ударившие по конкурентам ПНД, помогли партии Д. Бахчели перетянуть на свою сторону значительную долю правого электората на выборах 1999 г.

В заключение следует добавить, что успех на парламентских выборах 1999 г. в дальнейшем не был развит руководством ПНД, которая состояла в правящей коалиции на протяжении трех с половиной лет. Серьезная экономическая нестабильность, внутренние разногласия среди ультраправых, а также неспособность Д. Бахчели удержать

свои позиции на фоне политического кризиса в начале 2000-х гг. – все эти факторы негативно сказались на репутации ПНД. В итоге 2 ноября 2002 г. состоялись досрочные выборы, по итогам которых к власти пришла Партия справедливости и развития (ПСР – тур. Adalet ve Kalkınma Partisi), а ПНД не смогла преодолеть десятипроцентный барьер. Тем не менее сейчас партия Д. Бахчели активно задействована в политической жизни страны и даже состоит в альянсе с правящей ПСР, возглавляемой Реджепом Тайипом Эрдоганом.

Литература

1. Yaşlı, F. Antikommünizm, Ülkücü Hareket, Türkiye. Türkiye ve Soğuk Savaş / F. Yaşlı. – İstanbul : Yordam Kitap, 2019. – 416 s.
2. Bora, T. Devlet, Ocak, Dergâh. 12 Eylül'den 1990'lara Ülkücü Hareket / T. Bora, K. Can. – İstanbul : İletişim Yayınları, 2000. – 606 s.
3. Bora, T. Devlet ve Kuzgun. 1999'lardan 2000'lere MHP / T. Bora, K. Can. – İstanbul : İletişim Yayınları, 2004. – 559 s.
4. İba, Ş. Türkiye'den Bahçeli'ye MHP'nin Devletle Bitmeyen Dansı / Ş. İba. – İstanbul : Pencere Yayınları, 2017. – 301 s.
5. Yanardağ, M. İslamo-faşizm / M. Yanardağ. – İstanbul : Kırmızı Kedi, 2023. – 184 s.
6. Ugur-Cinar, M. Making Sense of Senseless Times: Religious Narratives and Identity in the Memoirs of Far-right Militants in Turkey / M. Ugur-Cinar, M. Şensönmez // Politics, Religion & Ideology. – 2022. – Vol. 23, № 3 – P. 327–348.
7. Kuzu, A. Alparslan Türkeş. Dokuz Işık. Ülkücü Hareketin Tarihi / A. Kuzu. – İstanbul : Kariyer Developer, 2017. – 632 s.
8. Киреев, Н. Г. История Турции XX век / Н. Г. Киреев. – М. : Крафт+ ИВ РАН, 2007. – 608 с.
9. Еремеев, Д. Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990) / Д. Е. Еремеев. – М. : Академия гуманитарных исследований, 2005. – 220 с.
10. Еремеев, Д. Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней / Д. Е. Еремеев. – М. : Квадрига, 2017. – 376 с.
11. Öner, S. Aramızdan Ayrılışının 23. Yılında Anılarla Alparslan Türkeş – 11 / S. Öner // Milli Devlet Gazetesi. – İstanbul, 2020. – 3 Kasım. – URL: millidevletgazetesi.net/KoseYazisi/aramizdan-ayrilisinin-23-yilinda-anilarla-alparslan-turkes-11-3618 (дата обращения: 10.08.2024).
12. Can, K. Seksenli Yıllarda Ülkücü Hareket: Travma Sonrası Stres Testi / K. Can // Türkiye'nin 80'li Yılları. – İstanbul : İletişim Yayınları, 2023. – S. 575–596.
13. Cengiz, O. Alparslan Türkeş ve Dokuz Işık / O. Cengiz. – İstanbul : Bilge Oğuz, 2015. – 664 s.
14. TBMM'de Bir Lider Muhsin Yazıcıoğlu. TBMM Konuşmaları Yasama ve Denetim Çalışmaları. – Ankara : TBMM Kültür, Sanat ve Yayın Kurulu Yayınları, 2010. – 364 s.
15. Turgut, H. Türkiye'in anıları. Şahinlerin Dansı / H. Turgut. – İstanbul : ABC Basın Ajansı Yayınları, 1995. – 508 s.
16. Arslan, E. 18 Nisan Seçimleri ve MHP: İlteber Devletten Muteber Devlete / E. Arslan // Birlik. – 1999. – № 21. – S. 43–48.

Гейгер Николай Николаевич – аспирант кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), e-mail: nikolaigeiger997@gmail.com. ORCID 0009-0002-2625-7878

Поступила в редакцию 18 декабря 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh250201

THE ROLE OF ULTRANATIONALIST FORCES IN THE SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF TURKEY IN THE PERIOD 1980–1999

N. N. Geiger

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

The article discusses the activities of the ultranationalist groups in the Turkish Republic in the period 1980–1999, specifically focusing on the Nationalist Movement Party (NMP; it functioned under various names between 1983 and 1993) and the Grey Wolves youth organization. Both organizations were led by Alparslan Türkeş, a former colonel in the Turkish military and participant in the military coup of 1960. After his death in 1997, the leadership passed to Devlet Bahçeli.

The purpose of the article is to examine and analyze various aspects of the activities of the NMP and the Grey Wolves in the specified period. The study is based on the principles of historicism, determinism, and objectivity. Traditional methods of historical research (idiographic,

historical-genetic, etc.) are used. The historical background for this study is formed by works primarily written by Turkish scholars, and the works of Russian researchers are also considered.

The study examines the consequences of the 1980 military coup for the far-right movement in Turkey and reviews the political activities of the ultranationalist parties, as well as their electoral performance in the period 1983–1999. The author concludes that, although ultranationalist organizations have never been the dominant actors in Turkish politics, they played a significant role in shaping the political and social climate of the country. The exacerbation of the Kurdish issue at the turn of the 1980s and 1990s, the efforts of the party leaders to create a positive political image and the failures of rivals contributed to the gradual rise in support for the NMP in the 1990s. This allowed the party to emerge as a major force in Turkish politics and even take second place in parliamentary elections in 1999.

Keywords: Turkey, Turkish nationalism, Alparslan Türkeş, Devlet Bahçeli, Nationalist Movement Party, Grey Wolves, ultranationalists, Kurdish issue.

References

1. Yaşlı F. Antikommünizm, Ülkücü Hareket, Türkeş. Türkiye ve Soğuk Savaş. İstanbul: Yordam Kitap, 2019. 416 s.
2. Bora T., Can K. Devlet, Ocak, Dergâh. 12 Eylül'den 1990'lara Ülkücü Hareket. İstanbul: İletişim Yayınları, 2000. 606 s.
3. Bora T. Can K. Devlet ve Kuzgun. 1999'lardan 2000'lere MHP. İstanbul: İletişim Yayınları, 2004. 559 s.
4. İba Ş. Türkeş'ten Bahçeli'ye MHP'nin Devletle Bitmeyen Dansı. İstanbul: Pencere Yayınları, 2017. 301 s.
5. Yanardağ M. İslamo-faşizm. İstanbul: Kırmızı Kedi, 2023. 184 s.
6. Ugur-Cinar M., Şensönmez M. Making Sense of Senseless Times: Religious Narratives and Identity in the Memoirs of Far-right Militants in Turkey // *Politics, Religion & Ideology*. 2022. Vol. 23. № 3. P. 327–348.
7. Kuzu A. Alparslan Türkeş. Dokuz Işık. Ülkücü Hareketin Tarihi. İstanbul: Kariyer Developer, 2017. 632 s.
8. Kireev N.G. Istoriya Turtsii XX vek [History of Turkey 20th century]. Moscow: Kraft+ IOS RAS, 2007. 608 s.
9. Eremeev D.E. Turtsiya v gody Vtoroy mirovoy i «kholodnoy» voyn (1939–1990) [Turkey during the Second World War and the Cold War (1939–1990)]. Moscow: Academy of Humanitarian Studies, 2005. 220 p.
10. Eremeev D.E. Istoriya Turetskoy Respubliki s 1918 goda do nashikh dney [The History of the Turkish Republic from 1918 to the Present Day]. Moscow: Kvadriga, 2017. 376 p.
11. Öner S. Aramızdan Ayrılışının 23. Yılında Anılarla Alparslan Türkeş – 11 // *Milli Devlet Gazetesi*. 3 Kasım 2020. URL: millidevletgazetesi.net/KoseYazisi/aramizdan-ayrilisinin-23-yilinda-anilarla-alparslan-turkes-11-3618 (date of accessed: 10.08.2024).
12. Can K. Seksenli Yıllarda Ülkücü Hareket: Travma Sonrası Stres Testi // *Türkiye'nin 80'li Yılları*. İstanbul: İletişim Yayınları, 2023. S. 575–596.
13. Cengiz O. Alparslan Türkeş ve Dokuz Işık. İstanbul: Bilge Oğuz, 2015. 664 s.
14. TBMM'de Bir Lider Muhsin Yazıcıoğlu. TBMM Konuşmaları Yasama ve Denetim Çalışmaları. Ankara: TBMM Kültür, Sanat ve Yayın Kurulu Yayınları, 2010. 364 s.
15. Turgut H. Türkeş'in anıları. Şahinlerin Dansı. İstanbul: ABC Basın Ajansı Yayınları, 1995. 508 s.
16. Arslan E. 18 Nisan Seçimleri ve MHP: İlteber Devletten Muteber Devlete // *Birikim*. 1999. № 21. S. 43–48.

Nikolai N. Geiger – Postgraduate Student of the Department of History of the Middle East Countries, The Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University (St. Petersburg), e-mail: nikolaigeiger997@gmail.com

Received December 18, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Гейгер, Н. Н. Ультранационалистические силы в общественно-политической жизни Турции в период 1980–1999 гг. / Н. Н. Гейгер // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 6–14. DOI: 10.14529/ssh250201

FOR CITATION

Geiger N. N. The role of Ultrnationalist forces in the social and political life of Turkey in the period 1980–1999. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 6–14. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250201

МЕСТО И РОЛЬ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

А. В. Голубова, А. Л. Худобородов

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Российская Федерация*

Современная эпоха характеризуется глобальной трансформацией общества, переходом на новую ступень развития, связанную с повсеместным внедрением искусственного интеллекта, развитием инновационной экономики, изменением геополитической ситуации в мире, масштабным противостоянием России и стран Запада. В этих обстоятельствах регионы страны, которые в наибольшей степени обеспечивают потребности государства в этих процессах, выходят на первый план. Челябинская область, безусловно, является таким регионом. Южный Урал – это промышленное сердце страны. Цель статьи – изучить факторы, определяющие место и роль Челябинской области в системе современных российских регионов. Методы исследования: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, историко-системный. В результате исследования авторы статьи проанализировали основные факторы: экономический, политический, социальный, культурный, экологический, – влияющие на место и роль Челябинской области, а также выявили практические шаги, реализуемые в регионе с целью повышения значимости области в будущем в масштабах страны. Сформулированные выводы позволят использовать данные научные результаты для совершенствования процесса управления на региональном уровне, модернизации экономики, внедрения новых технологий, решения социальных и экологических проблем в рамках обеспечения национальных интересов современной России.

Ключевые слова: регионы Российской Федерации, Челябинская область, модернизация, военно-промышленный комплекс, инвестиции, искусственный интеллект, геополитика.

Введение

В состав современной Российской Федерации входит 89 субъектов. Все они в разной степени отражают экономическое, политическое, социально-культурное многообразие нашей страны. Челябинская область является одним из крупных российских регионов (ее площадь составляет 88 тысяч квадратных километров [1]), это крупнейший промышленный и культурный центр страны, в области очень развита транспортная инфраструктура. Важной отличительной чертой региона является многонациональный и многоконфессиональный состав населения, что придает Челябинской области особую культурную и социальную значимость. На территории области проживает более 10 национальностей, среди которых более 80 % составляют русские, а также представлены такие национальности, как татары, башкиры, украинцы, казахи, немцы, нагайбаки и другие [1]. По данным управления Министерства юстиции РФ по Челябинской области на территории области зарегистрированы религиозные организации 8 конфессий: православия, ислама, иудаизма, католичества, протестантизма, буддизма, индуизма и нетрадиционных конфессий [2].

В связи с изменившимися внутренними и внешними экономическими условиями, на которые, безусловно, повлиял санкционный режим стран Запада во главе с США, а также геополитическая и военно-политическая обстановка – проведение Специальной военной операции, возросла необходимость мобилизации внутренних ресурсов стра-

ны, с другой стороны, стала очевидной переориентация сотрудничества России на Азиатский регион, где одними из ключевых партнеров для страны стали Китай, Индия и Турция.

Челябинская область с точки зрения экономического развития обладает большим потенциалом. Урал – это промышленный центр страны, где широко развиты такие отрасли, как машиностроение, металлургия и металлообработка, расположено очень много предприятий военно-промышленного комплекса. Урал – это один из самых высокоурбанизированных регионов страны [3], самыми крупными городами Челябинской области являются Челябинск, Магнитогорск, Миасс. Общая численность населения Челябинской области на 1 января 2024 г. составила 3 395 798 человек [4]. Современное политическое развитие Челябинской области демонстрирует устойчивое развитие. Так, на выборах губернатора Челябинской области, которые состоялись осенью 2024 г. победу, как и на предыдущих выборах, со значительным отрывом одержал действующий глава субъекта А. Л. Текслер (81,28 % голосов) [5].

Цель статьи – изучить факторы, определяющие место и роль Челябинской области в системе современных российских регионов.

Авторы статьи в рамках проведенного исследования решили важную научную задачу – выявили место и роль Челябинской области среди современных российских регионов в контексте реформирования и модернизации экономики России с учетом новых исторических реалий и специфики

региона. Это во многом может помочь привлечению новых инвестиций, развитию бизнеса и социальной политики в области, а также выработке стратегических решений в развитии России.

Обзор литературы

Изучение российских регионов вызывает глубокий практический и научный интерес среди современных ученых. Внимание зарубежных исследователей в основном сосредоточено на анализе экономических и социальных проблем, с которыми сталкиваются различные регионы России. Среди зарубежных авторов можно отметить работы британского ученого Ричарда Коннолли, который исследует региональную экономику России, включая проблемы развития российских регионов, влияние федеральной политики на региональные экономические процессы в связи с введением западных санкций и возможностью проведения экономических реформ внутри страны [6]. Британский профессор Кэтлин Смит анализирует развитие России в современный период, делая акцент на изучении социально-экономических процессов в российских регионах, включая вопросы экономического роста, инноваций и инфраструктуры, также автор обращает внимание на то, что такое быть русским и что определяет русскую идею [7].

Американские исследователи Генри Конорс [8] и Натаниэль Трамбулл [9] специализируются на исследовании российской политики, экономики и культуры, изучая регионы России по уровню жизни и инвестиционной привлекательности, вопросы взаимодействия между центром и регионами, прежде всего в экономическом контексте, а также особое внимание привлекает исследование такого региона, как Санкт-Петербург, и его культурное развитие.

Данная проблематика находит отражение и в исследованиях отечественных ученых, которые активно участвуют в анализе и оценке состояния и перспектив развития российских регионов.

М. А. Лысенкова в своей диссертации исследует в сравнительном контексте регионы России и других стран на основе теории производства, при этом автор выявляет основные факторы социально-экономического развития регионов, оказывающие влияние на уровень их инновационного развития: масштаб экономики, уровень специализации, уровень индустриализации и др. [10].

Изучением проблем экономического роста, инноваций и оценки инфраструктуры в различных регионах России занимается А. В. Кравец [11]. Он исследует факторы экономического роста российских регионов, ключевым из которых является формирование в стране нового технологического уклада с привлечением бизнеса, использованием инноваций и формированием кластеров.

Непосредственно Челябинскую область, в том числе в сравнительном контексте с другими регионами, в своих работах изучают такие авторы, как

А. С. Годовых, А. В. Самохина, А. Л. Худобородов, И. Г. Свичкарь [12–14]. Ученые на основе применения разных методов исследуют экономический, социальный, политический, историко-культурный потенциал области.

Однако необходимо отметить, что комплексное изучение места и роли Челябинской области среди других российских регионов на современном этапе отсутствует, что в еще большей степени актуализирует наше исследование.

Методы исследования

В данной научной статье авторы использовали положения модернизационного подхода для анализа регионального развития. Дело в том, что современный век – это век качественно нового этапа развития человечества – цифрового. И с позиции теории модернизации очень важно посмотреть, насколько Челябинская область среди других регионов России отвечает этим темпам развития, прежде всего в сфере экономики, а также какие тенденции модернизации оказались определяющими для региона.

С одной стороны, сравнительно-исторический метод позволяет проиллюстрировать развитие Челябинской области в экономике, политике, социальной сфере, культуре в разные исторические периоды, с другой стороны – это еще и возможность сравнить Челябинскую область с другими регионами России. Проблемно-хронологический метод использовался для сосредоточения внимания на конкретных проблемах, которые реально существовали и существуют в Челябинской области, и на том, как это влияло и влияет на место и роль региона. Историко-системный метод предполагал изучение событий и процессов как причинно обусловленных и функционально связанных, он дал возможность определить место и роль Челябинской области в контексте вызовов, с которыми столкнулась современная Россия в противостоянии со странами Запада.

Эти методы исследования позволили осуществить глубокий анализ формирования и эволюции места и роли Челябинской области в контексте современных российских регионов, учитывая исторические, социальные, экономические и политические аспекты этого процесса.

Результаты и дискуссия

По итогам 2023 г. Челябинская область вошла в двадцатку лучших регионов России по качеству жизни, заняв 15 место, оказавшись среди таких регионов, как Москва, Санкт-Петербург, Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ и др. [15]. В предыдущие годы область находилась за пределами двадцатки. Стоит отметить, что при составлении рейтинга учитывались показатели по 141 параметру, среди которых медобслуживание, образование, жилье и инфраструктура, потребление и досуг, чистота и экология, безопасность, соци-

альная защита и др. В группу лидеров не вошли такие регионы, как Орловская, Брянская области, республика Тыва, республика Крым, Алтайский край и др.

В изучении места и роли Челябинской области и перспектив ее развития важным элементом, безусловно, является понимание исторического пути, который прошла область с момента ее основания и до сегодняшнего дня. Наш регион имеет богатое историческое наследие, неразрывно связанное с развитием страны, включая период промышленной индустриализации, Великую Отечественную войну, период послевоенного восстановления и модернизации, влияние перестройки и общероссийских реформ. Область сыграла значимую роль во всех этих процессах. Исторические факторы оказали влияние на социально-экономические, политические, культурные процессы в регионе и, безусловно, отразились на современном состоянии.

Экономическое положение Челябинской области, потенциал ее развития и конкурентоспособность прежде всего связаны с ее промышленностью. В настоящее время в условиях проведения Специальной военной операции, когда по заявлению президента РФ В. В. Путина страна фактически переходит на мобилизационный тип экономики и военные расходы на оборону растут [16], развитие промышленного производства выходит на первый план. В свою очередь Челябинская область является крупным центром металлургической, химической, машиностроительной и пищевой промышленности. Присутствие высокотехнологичных, в том числе оборонных предприятий в области, таких как АО «НПО «Электромашина», ООО «Челябинский тракторный завод – УРАЛТРАК», ООО «Станкомаш» (г. Челябинск), АО «Государственный ракетный центр имени академика В. П. Макеева» (г. Миасс), создает преимущество по сравнению с другими регионами.

Важной экономической отраслью в Челябинской области является добыча природных ресурсов: угля, газа, железной руды, рудного золота, никеля, меди, кремния, марганца и других полезных ископаемых. Известными добывающими и обрабатывающими предприятиями являются ОАО «Новатэк-Челябинск», АО «Челябинский электрометаллургический комбинат», НПРО «Урал», «Южуралзолото ГК», ОАО «Челябинская угольная компания» и др. Это еще в большей степени увеличивает роль области в масштабах страны.

В 2000-е гг. Челябинская область прошла через значительные трансформации в связи с изменениями в экономике и общественной жизни России. В современный период происходит развитие новых экономических отраслей, таких как информационные технологии, телекоммуникации и услуги, развитие новых форм предпринимательства, стимулирование инноваций. В 2023 г. было прове-

дено комплексное исследование рынка креативных индустрий Челябинской области. Прежде всего, это IT-технологии, индустрия моды, архитектурная деятельность и урбанистика, производство кино- и видеопродукции, промышленный дизайн, исполнительские искусства и фестивальная деятельность. Развитие этих отраслей стало важной частью экономики региона в дополнение к традиционной промышленности. В свою очередь, это привело к разнообразию экономической базы области и увеличению объемов производства и предоставляемых услуг.

Одним из основных экономических показателей, отражающих общую экономическую активность региона, является валовой региональный продукт (ВРП). ВРП определяется объемами производства промышленной продукции, сельского хозяйства, услуг и других видов экономической деятельности. По итогам 2023 г. ВРП Челябинской области превысил 2,5 трлн руб. с ростом в сопоставимых ценах на 7,8 % к 2022 г. Индекс физического объема ВРП за последние пять лет увеличился на 15,3 % [17]. Положительная динамика ВРП обусловлена прежде всего ростом промышленного производства, которое в структуре ВРП занимает порядка 40 %. Индекс промышленного производства по итогам 2023 г. составил 110,8 % к 2022 г., в основном за счет роста обрабатывающих производств на 13 %, в том числе стабильной работы предприятий металлургии (+9,9 % к 2022 г.) [17].

Несмотря на сложность текущей ситуации в стране, Челябинской области удалось сохранить стабильность в работе базовых отраслей за счет постепенного процесса импортозамещения, ориентира на внутрисредний спрос, внедрения новых производств, реализации инвестиционных проектов, выстраивания новых логистических цепочек, а также переориентации на новые рынки сбыта и поиска новых партнеров за пределами страны.

Динамика внешней торговли Челябинской области позволяет оценить уровень интеграции региона в мировую экономику, а также его экспортный и импортный потенциал. За последние пять лет на Южном Урале на четверть выросло количество экспортеров. Партнерские отношения налажены со 114 странами мира. За 2023 г. фиксируется рост экспорта в Китайскую Народную Республику, Республику Таджикистан, Киргизскую Республику, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовскую Аравию [17]. Существенный вклад в развитие экспортной деятельности вносит региональный проект «Системные меры развития международной кооперации и экспорта в Челябинской области», который предполагает ежегодное внедрение инструментов Регионального экспортного стандарта 2.0. [18]. По итогам 2023 г. два предприятия Челябинской области вошли в число победителей Всероссийской премии в области международной кооперации и экспорта «Экспортер года

2023»: «Уральская металлообрабатывающая компания» (производитель строительных металлических конструкций) и компания «Равани-Рус» (экспортирует трубопроводную арматуру под брендом LD).

На экономическое и социальное развитие региона существенное влияние оказывает наличие инфраструктуры и высокая транспортная доступность. Различные виды транспорта обеспечивают связь региона с другими регионами России и за ее пределами, а инфраструктура создает благоприятные условия для жизни, работы и развития бизнеса. Так, Челябинская область является важным железнодорожным узлом. Южно-Уральская железная дорога является веткой Транссибирской магистрали. Развитая система автомобильных дорог и шоссе обеспечивает связь городов и районов в пределах области и соседних регионов, способствуя развитию транспортной доступности и обеспечивая поток товаров и пассажиров. По территории Челябинской области проходят автомобильные дороги федерального значения – М5 «Урал», М36, М51. Аэропорты Челябинской области обеспечивают воздушное сообщение с городами России, а также международные авиарейсы. Так, из международного аэропорта «Челябинск» (Баландино) имени И. В. Курчатова совершаются рейсы в Турцию, Египет, Таиланд, Таджикистан, Кыргызстан, Армению, Грузию, Азербайджан, Казахстан, Тунис. Безусловно, это способствует развитию туризма, бизнес-туризма, международных деловых связей, обеспечивает доступ к рынкам сбыта и ресурсам.

Территориальное положение Челябинской области, наличие природных ресурсов, хорошо развитой промышленной базы, инфраструктуры и квалифицированной рабочей силы создают благоприятные условия для развития экономики и позволяют рассматривать регион как перспективную зону для инвестиций и развития бизнеса. Динамика инвестиций в основной капитал является важным индикатором экономического развития региона, а также отражает интерес инвесторов к Челябинской области. За 2023 г. в Челябинской области объем инвестиций по полному кругу предприятий составил 446,1 млрд руб., темп роста – 107,8 % к 2022 г. в сопоставимых ценах. Рост за последние пять лет – порядка 50 % в номинальном выражении [17]. Сохранению инвестиционной активности в Челябинской области способствует планомерная работа регионального правительства по формированию комфортных условий ведения бизнеса, включая предоставление широкого комплекса мер поддержки по снижению налогового бремени на бизнес, а также развитие финансовых и имущественных инструментов. На сегодняшний день в ведении Министерства экономического развития Челябинской области и регионального центра «Мой бизнес» находится более 200 инвестиционных проектов различного масштаба с об-

щим объемом инвестиций порядка 500 млрд руб., в рамках которых планируется создание порядка 20 тыс. рабочих мест [17]. Наиболее крупные из них реализуются в обрабатывающей отрасли и отрасли добычи полезных ископаемых: строительство завода минеральных удобрений в Карабаше (ввод в 2024 г.), строительство цинкового электролизного завода в Верхнем Уфалее (ввод в 2025 г.), разработка и освоение производства перспективного модельного ряда ведущих мостов и передних осей автомобилей «УРАЛ» (ввод в 2026 г.). В 2023 г. Челябинская область вошла в число пилотных регионов по развитию зарядной инфраструктуры для электромобилей. Введено в эксплуатацию 13 объектов: в Челябинске, Миассе и Пласте. Так, из приведенных примеров мы видим, что Челябинская область играет значимую роль в экономике России.

Важными для изучения являются социальные и культурные факторы, которые в целом отражают состояние общества, демографическую ситуацию в регионе, а также позволяют выявить уникальные особенности области по сравнению с другими субъектами.

По переписи населения на 1 января 2024 г. в Челябинской области проживает 3 395 798 человек, из которых мужчин – 1 млн. 572 тыс., женщин – 1 млн. 858 тыс. [4]. По числу жителей Челябинская область занимает 3 место в Уральском федеральном округе после Свердловской и Тюменской областей и 10 место по стране в целом. Средний возраст мужчин – 39,2 года, женщин – 43,9 года. Самая многочисленная группа южноуральцев – это люди в возрасте 35 – 39 лет (302 тыс. человек) при этом в трудоспособном возрасте сейчас находятся 1,9 млн жителей [19], что говорит о высоком проценте экономически активного населения.

Процент грамотного населения в Челябинской области составляет 45 % человек, т. е. это люди, у которых есть дипломы об образовании, при этом большинство южноуральцев имеют дипломы о среднем профессиональном образовании – 29 % человек, дипломы о высшем образовании – 16 % человек соответственно. При этом в области созданы все условия для получения качественного образования в различных областях знания. Челябинская область является крупным образовательным центром, где расположен ряд ведущих университетов и академий, например, Южно-Уральский государственный университет, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Южно-Уральский государственный медицинский университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Челябинский филиал) и другие вузы. Челябинская область активно поддерживает инновационные программы и технологические стартапы. Примером может служить раз-

витие инновационного центра «Сколково» в Челябинской области, который способствует развитию высоких технологий и стимулированию инновационной деятельности.

Здравоохранение региона является важным фактором, который определяет здоровье и благополучие жителей Южного Урала. При этом повышение доступности и качества медицинской помощи для населения является очень важной задачей. Необходимо отметить, что за последние 30 лет Челябинская область достигла наибольшей ожидаемой продолжительности жизни – 72,5 года [20]. По итогам 2023 г. в регионе зафиксирован наименьший показатель смертности за последние 30 лет – 12,7 % на 1 тыс. населения (в 1993 г. – 19,2 %), при этом младенческая смертность снизилась с 19 % на 1 тыс. детей, родившихся живыми в 1993 г., до 4,4 % в 2023 г. [20], что свидетельствует, с одной стороны, о повышении качества предоставляемых медицинских услуг, в том числе, за счет развития высоких технологий, а с другой стороны, об улучшении качества жизни населения.

В Челябинской области функционирует порядка 411 медицинских организаций федерального, регионального и муниципального подчинения. Плановая медицинская помощь, в том числе высокотехнологичная, оказывается населению в амбулаторных и стационарных условиях.

В регионе продолжается работа в рамках национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография», приоритетных федеральных проектов, региональной программы «Модернизация первичного звена здравоохранения», а также государственной программы «Развитие здравоохранения». В результате реализации этих проектов и программ происходит строительство новых больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, поликлиник, осуществляется ремонт ныне действующих, а также закупка нового транспорта и оборудования, лекарственных препаратов, получило развитие телемедицинское консультирование.

Челябинская область как субъект РФ образована по территориальному принципу и представляет собой пример мультикультурного общества – многонационального и многоконфессионального. В регионе проживают представители различных этнических групп. Среди наиболее крупных этнических общностей можно выделить русский, казахский, башкирский, татарский, украинский и белорусский народы. В области также проживает немалое количество представителей меньшинств, включая молдаван, армян, узбеков, киргизов, немцев, евреев и других этнических групп. Это многообразие создает уникальную культурную среду, отражающуюся в традициях, обычаях, народных праздниках, музыке, кухне, языках, религиозных верованиях, народных ремеслах, архитектуре и искусстве, которые являются важной частью культурной жизни области.

Основа для разработки и реализации стратегий экономического, социального и культурного развития, политический порядок в регионе, а также обеспечение хорошего уровня жизни населения Челябинской области зависят от эффективности регионального управления. С этой точки зрения очень важным является политический фактор. В целом Челябинская область имеет типичную для российских регионов структуру управления, включающую главу региона, областную администрацию и законодательный орган – Законодательное собрание Челябинской области. В настоящий момент область возглавляет А. Л. Текслер, который занял свою должность в 2019 г. Необходимо отметить, что в современный период Челябинская область возглавлялась разными губернаторами – В. П. Соловьевым, П. И. Суминым, М. В. Юревичем, Б. А. Дубровским, результаты деятельности которых для населения региона имеют противоречивый характер. А. Л. Текслер сохраняет лидерство в рейтинге сильнейших глав регионов, в декабре 2023 г. он занял 10 место [21]. Из руководителей субъектов Уральского федерального округа здесь также отмечен А. В. Моор, глава Тюменской области. Соответственно, степень доверия к действующему главе региона у населения продолжает оставаться высокой [22]. Данный показатель свидетельствует о стабильном и уверенном развитии Челябинской области на данный момент.

Одновременно с этим региону, безусловно, необходимо решать проблемы экологического характера, т. к. по этому показателю пока по итогам весны 2023 г. Челябинская область заняла 85 место в национальном экологическом рейтинге регионов РФ [23]. Это совпадает с оценками жителей Челябинской области, которые считают, что «экологическая обстановка в регионе неблагоприятная или близка к катастрофе» [24]. Похожее мнение высказали только еще жители Ленинградской области. Вместе с тем почти 78 % южноуральцев отмечают улучшение экологической обстановки в последние 5 лет [24]. Конечно, необходимо учитывать, что это «цена» высокого уровня развития промышленного производства, однако это не повод не улучшать экологическую обстановку для обеспечения более здорового развития области.

Челябинская область разрабатывает планы и программы по модернизации и улучшению своего положения с целью привлечения инвестиций, улучшения инфраструктуры, создания благоприятной деловой среды, оздоровления экологии и повышения качества жизни населения. Шаги, реализуемые в этом направлении, включают в себя:

1) программы стимулирования и поддержки инвестиций в различные отрасли экономики: металлургию, машиностроение, химическую промышленность, а также развитие инфраструктуры,

Исторические науки

например, создание зон особого экономического развития (ОЭЗ) и промышленных парков, предоставление налоговых преференций для инвесторов;

2) программы модернизации производства промышленных предприятий Челябинской области на основе собственного опыта и использования передовых технологий с целью увеличения производительности, сокращения издержек, снижения вредного воздействия на окружающую среду и повышения качества продукции, например, реализация государственной программы «Развитие промышленности, новых технологий и природных ресурсов Челябинской области» (Постановление от 19 декабря 2019 г. № 551-П);

3) программы по развитию транспортной инфраструктуры, предполагающие расширение и модернизацию автодорог, железных дорог, аэропортов, например, проект строительства или реконструкции транспортных артерий трассы М5 «Урал»;

4) программы социально-экономического развития, направленные на совершенствование системы здравоохранения, образования, социальной защиты населения и развитие культурной сферы, например, программы строительства и реконструкции социальных и медицинских организаций, а также реализация проектов по созданию новых образовательных и культурных объектов – строительству междууниверситетского кампуса мирового уровня на ул. Братьев Кашириных (г. Челябинск).

Выводы

Челябинская область обладает значительным потенциалом для развития, включая формирование инновационной экономики, расширения транспортных и логистических возможностей, укрепления социальной инфраструктуры и обороны страны, улучшения качества жизни населения. Место региона в будущей системе российских регионов может быть определено его вкладом в общее экономическое развитие страны, интеграцией в международные экономические связи, а также развитием инновационной среды и высоких технологий.

Челябинская область всегда являлась и является опорным краем России. В современных условиях развитие области, безусловно, определяется приоритетными направлениями развития страны в целом. С учетом изменившихся геополитических реалий Челябинская область может улучшить свое положение среди российских регионов как внутри страны, так и на международной арене. Так, расположение Челябинской области в центральной части России и близость к перспективным рынкам потребления, таким как Китай и Юго-Восточная Азия, – это только одно из таких направлений развития. Наличие промышленного потенциала, укрепление и модернизация этой сферы положительно повлияют на обороноспособность страны и на противостояние России санкционной войне со странами Запада.

В заключение отметим, что, безусловно, все эти направления развития, а также увеличение роли и значимости Челябинской области напрямую связаны с качеством управления и эффективным использованием ресурсов, а также прозрачностью бюджетных процессов в регионе. В связи с этим особое внимание власти должно быть сосредоточено на борьбе с коррупцией и противодействие коррупции.

Литература

1. Челябинская областная универсальная научная библиотека. – URL: <https://chelreglib.ru/pages/kray/chelregion/general/> (дата обращения: 30.05.2024).

2. На Южном Урале чтут традиции всех народов // Южноуральская панорама. – URL: <https://up74.ru/articles/compatriots/136242/> (дата обращения: 30.05.2024).

3. Население Урала – URL: https://foxford.ru/wiki/geografiya/naselenie-urala-9?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 30.05.2024).

4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области – URL: rosstat.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

5. Текслер побеждает на выборах губернатора Челябинской области // Известия – URL: <https://iz.ru/1755948/2024-09-09/teksler-pobezhdaet-na-vyborakh-gubernatora-cheliabinskoi-oblasti> (дата обращения: 30.05.2024).

6. Connolly, R. Russia's economy is failing, but that gives it a chance to reform / R. Connolly. – URL: [birmingham.ac.uk](https://www.birmingham.ac.uk) (дата обращения: 16.04.2024).

7. Smith, K. E. Mythmaking in the new Russia: politics and memory during the Yeltsin era / K. E. Smith. – London : Cornell University Press, 2002. – 223 s.

8. Connors, H. Ranking of Russian regions in terms of living standards and investment attractiveness / H. Connors. – URL: <https://fashionrebelsbook.com/17303801-rating-of-russian-regions-in-terms-of-living-standards-and-investment-attractiveness> (дата обращения: 30.05.2024).

9. Trumbull, N. Culture-led Development and Conflict over Urban Space: Refashioning St. Petersburg, Russia / N. Trumbull // *Geografiska Annaler, Series B*. – 2014. – № 96 (1). – P. 1–22.

10. Лысенкова, М. А. Сравнительный анализ инновационной активности регионов на основе концепции стохастической границы : дис. ... канд. экон. наук / М. А. Лысенкова. – М., 2022. – 200 с.

11. Кравец, А. В. Инновационная экономика России: проблемы и перспективы экономического роста / А. В. Кравец // *Креативная экономика*. – 2016. – № 1. – С. 22–35.

12. Годовых, А. С. Оценивание экономической политики органов власти субъектов РФ как инструмент управления экономикой региона

(на примере Челябинской области) : дис. ... канд. экон. наук / А. С. Годовых. – Челябинск, 2014. – 179 с.

13. Самохина, А. В. На крутых поворотах российской истории: становление политической элиты Челябинской области. 1990–2000 / А. В. Самохина, А. Л. Худобородов. – Челябинск : Край Па, 2018. – 156 с.

14. Свичкарь, И. Г. Деятельность государственных органов власти и общественных организаций по сохранению историко-культурного наследия на Южном Урале в середине 1960-х – начале 2010-х годов (по материалам Челябинской области) : дис. ... канд. ист. наук / И. Г. Свичкарь. – Челябинск, 2014. – 210 с.

15. Челябинская область оказалась среди лучших регионов России по качеству жизни // МК Челябинск. – URL: <https://chel.mk.ru/social/2023/02/10/chelyabinskaya-oblast-okazalas-sredi-luchshikh-regionov-rossii-po-kachestvu-zhizni.html> (дата обращения: 30.05.2024).

16. Переход к мобилизационной экономике. Путин обозначил структурные изменения. – URL: <https://s30047791749.mirtesen.ru/blog/43662868625/Perehod-k-mobilizatsionnoy-ekonomike-Putin-oboznachil-strukturny> (дата обращения: 30.05.2024).

17. Итоги работы Министерства экономического развития Челябинской области в 2023 году. – URL: <https://mineconom.gov74.ru/mineconom/activity/itogi2023.htm> (дата обращения: 30.05.2024).

18. Паспорт регионального проекта «Систем-

ные меры развития международной кооперации и экспорта в Челябинской области» – URL: <https://goo.su/p8Zt4> (дата обращения: 30.05.2024).

19. Наглядное пособие: изучаем портрет типичного челябинца. Узнаете в нем себя. – URL: <https://74.ru/text/gorod/2023/01/28/72009848/> (дата обращения: 30.05.2024).

20. Итоги работы Министерства здравоохранения Челябинской области в 2023 году. – URL: zdrav74.ru (дата обращения: 30.05.2024).

21. Алексей Текслер сохраняет лидерство в рейтинге сильнейших глав регионов. – URL: <https://chel.mk.ru/politics/2024/01/05/aleksey-teksler-sokhranyaet-liderstvo-v-reytinge-silneyshikh-glav-regionov.html> (дата обращения: 30.05.2024).

22. Самохина, А. В. Губернаторы Челябинской области: типологические черты (проблемные и дискуссионные вопросы) / А. В. Самохина, А. Л. Худобородов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2019. – № 4. – С. 58–66.

23. Челябинская область заняла 85 место в экологическом рейтинге регионов. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6028382> (дата обращения: 30.05.2024).

24. Елисеев Виктор Челябинская область вошла в тройку самых экологически неблагополучных регионов по оценке жителей – URL: <https://newdaynews.ru/chelyabinsk/790620.html> (дата обращения: 30.05.2024).

Голубова Анна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: samokhinaav@csru.ru. ORCID 0000-0001-9669-9925

Худобородов Александр Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: hudoborodoval@csru.ru. ORCID 0000-0003-4825-8927

Поступила в редакцию 12 октября 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh250202

CHELYABINSK REGION AND ITS PLACE AND ROLE IN THE SYSTEM OF MODERN RUSSIAN REGIONS

A. V. Golubova, A. L. Khudoborodov

*South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk,
Russian Federation*

The modern era is characterized by the global transformation of society, a transition to the new stage of development associated with the widespread introduction of artificial intelligence, the development of innovative economy, changes in the global geopolitical situation, and a large-scale confrontation between Russia and Western countries. In this environment, the regions of the country that best meet public needs in these processes come to the fore. The Chelyabinsk region is certainly such a region. The Southern Ural is the industrial heart of the country. The purpose of the article is to study the factors determining the place and role of the Chelyabinsk region in the system of modern Russian regions and to identify its position relative to other

constituent entities of the Russian Federation. The research is based on comparative-historical, problem-chronological, and historical-systemic methods. The study analyzed the main factors – economic, political, social, cultural, and environmental – that influence the place and role of the Chelyabinsk region and identified practical measures being taken to promote the region on a national scale. The conclusions will allow using these scientific results to improve the management process at the regional level, modernize the economy, introduce new technologies, as well as solve social and environmental problems to ensure the national interests of modern Russia.

Keywords: regions of the Russian Federation, Chelyabinsk region, modernization, military-industrial complex, investments, artificial intelligence, geopolitics.

References

1. Chelyabinskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka [Chelyabinsk Regional Universal Scientific Library]. URL: <https://chelreglib.ru/ru/pages/kray/chelregion/general/> (date of accessed: 30.05.2024).
2. Na Yuzhnom Urale chtut tradicii vsekh narodov [The Traditions of All Peoples are Honored in the Southern Urals]. URL: <https://up74.ru/articles/compatriots/136242/> (date of accessed: 30.05.2024).
3. Naselenie Urala [Population of the Urals]. URL: https://foxford.ru/wiki/geografiya/naselenie-urala-9?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (date of accessed: 30.05.2024).
4. Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Chelyabinskoj oblasti [Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Chelyabinsk Region]. URL: rosstat.gov.ru (date of accessed: 30.05.2024).
5. Teksler pobezhdaet na vyborah gubernatora Chelyabinskoj oblasti [Texler Wins the Election of the Governor of the Chelyabinsk Region]. URL: <https://iz.ru/1755948/2024-09-09/teksler-pobezhdaet-na-vyborah-gubernatora-cheliabinskoi-oblasti> (date of accessed: 30.05.2024).
6. Connolly R. Russia's Economy is Failing, but that Gives it a Chance to Reform. URL: [birmingham.ac.uk](https://www.birmingham.ac.uk) (date of accessed: 30.05.2024).
7. Smith Kathleen E. Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory during the Yeltsin era. London: Cornell University Press. 2002. 223 p.
8. Connors H. Ranking of Russian Regions in Terms of Living Standards and Investment Attractiveness. URL: <https://fashionrebelsbook.com/17303801-rating-of-russian-regions-in-terms-of-living-standards-and-investment-attractiveness> (date of accessed: 30.05.2024).
9. Trumbull N. Culture-led Development and Conflict over Urban Space: Refashioning St. Petersburg, Russia // *Geografiska Annaler. Series B*. 2014. Vol. 96 (1). P. 1–22.
10. Lysenkova M.A. Sravnitel'nyj analiz innovacionnoj aktivnosti regionov na osnove koncepcii stohasticheskoj granicy [Comparative Analysis of Innovative Activity of Regions based on the Concept of Stochastic Frontier]: dis. ... cand. ekon. nauk. Moscow, 2022. 200 p.
11. Kravets A.V. Innovacionnaya ekonomika Rossii: problemy i perspektivy ekonomicheskogo rosta [Innovative Economy of Russia: Problems and Prospects for Economic Growth] // *Kreativnaya ekonomika*. 2016. Vol. 1. P. 22–35.
12. Godovykh A.S. Ocenivanie ekonomicheskoy politiki organov vlasti sub'ektov RF kak instrument upravleniya ekonomikoj regiona (na primere Chelyabinskoj oblasti) [Assessing the Economic Policy of the Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation as a Tool for Managing the Regional Economy (Using the Example of the Chelyabinsk Region)]: dis. ... cand. ekon. nauk. Chelyabinsk, 2014. 179 p.
13. Samokhina A.V., Khudoborodov A.L. Na krutyh povorotah rossijskoj istorii: stanovlenie politicheskoy elity Chelyabinskoj oblasti. 1990–2000 [On the Steep Turns of Russian History: The Formation of the Political Elite of the Chelyabinsk Oblast. 1990–2000]. Chelyabinsk: Krai Ra, 2018. 156 s.
14. Svychkary I.G. Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov vlasti i obshchestvennykh organizacij po sohraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya na Yuzhnom Urale v seredine 1960-h – nachale 2010-h godov (po materialam Chelyabinskoj oblasti) [The Activities of State Authorities and Public Organizations in Preserving the Historical and Cultural Heritage of the Southern Urals in the Mid 1960s to Early 2010s (Based on Materials from Chelyabinsk Region)]: dis. ... cand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2014. 210 p.
15. Chelyabinskaya oblast' okazalas' sredi luchshih regionov Rossii po kachestvu zhizni [The Chelyabinsk Region Was among the Best Regions of Russia in Terms of Quality of Life]. URL: <https://chel.mk.ru/social/2023/02/10/chelyabinskaya-oblast-okazalas-sredi-luchshikh-regionov-rossii-po-kachestvu-zhizni.html> (date of accessed: 30.05.2024).
16. Perehod k mobilizacionnoj ekonomike. Putin oboznachil strukturnye izmeneniya [The Transition to a Mobilization Economy. Putin Outlined Structural Changes]. URL: <https://s30047791749.mirtesen.ru/blog/43662868625/Perehod-k-mobilizatsionnoj-ekonomike-Putin-oboznachil-strukturnye> (date of accessed: 30.05.2024).

17. Itogi raboty Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Chelyabinskoy oblasti v 2023 godu [Outcomes of the Ministry of Economic Development of Chelyabinsk Region in 2023]. URL: <https://mineconom.gov74.ru/mineconom/activity/itogi2023.htm> (date of accessed: 30.05.2024).
18. Pasport regional'nogo proekta «Sistemnye mery razvitiya mezhdunarodnoj kooperacii i eksporta v Chelyabinskoy oblasti» [Project Passport “Systemic Measures for the Development of International Cooperation and Export in Chelyabinsk Region”]. URL: <https://goo.su/p8Zt4> (date of accessed: 30.05.2024).
19. Naglyadnoe posobie: izuchaem portret tipichnogo chelyabince. Uznaete v nem sebya [Instructional Material: Analyzing the Portrait of a Typical Chelyabinsk Resident. Learn about yourself in it]. URL: <https://74.ru/text/gorod/2023/01/28/72009848/> (date of accessed: 30.05.2024).
20. Itogi raboty Ministerstva zdravoohraneniya Chelyabinskoy oblasti v 2023 godu [Outcomes of the Ministry of Health of Chelyabinsk Region in 2023]. URL: zdrav74.ru (date of accessed: 30.05.2024).
21. Aleksej Teksler sohranyaet liderstvo v rejtinge sil'nejshih glav regionov [Alexei Tkssler Maintains Leadership in the Ranking of Regional Heads]. URL: <https://chel.mk.ru/politics/2024/01/05/aleksej-teksler-sokhranyaet-liderstvo-v-rejtinge-silneyshikh-glav-regionov.html> (date of accessed: 30.05.2024).
22. Samokhina A.V., Khudoborodov A.L. Gubernatory Chelyabinskoy oblasti: tipologicheskie cherty (problemnye i diskussionnye voprosy) [Governors of Chelyabinsk Region: Typological Features (Problematic and Discussion Questions)] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Social'no-gumanitarnye nauki”*. 2019. Vol. 4. P. 58–66.
23. Chelyabinskaya oblast' zanyala 85 mesto v ekologicheskom rejtinge regionov [Chelyabinsk Region Ranked 85th in the Ecological Rating of Regions]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6028382> (date of accessed: 30.05.2024).
24. Eliseev Viktor Chelyabinskaya oblast' voshla v trojku samyh ekologicheski neblagopoluchnyh regionov po ocenke zhitelej [Eliseev Victor: Chelyabinsk Region Enters the Top Three of the Most Ecologically Unhealthy Regions According to Residents' Assessment]. URL: <https://newdaynews.ru/chelyabinsk/790620.html> (date of accessed: 30.05.2024).

Anna V. Golubova – Cand. Sc. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History and Law, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: samokhinaav@cspu.ru

Alexander L. Khudoborodov – D. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of National History and Law, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: hudoborodov@cspu.ru

Received October 12, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Голубова, А. В. Место и роль Челябинской области в системе современных российских регионов / А. В. Голубова, А. Л. Худобородов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 15–23. DOI: 10.14529/ssh250202

FOR CITATION

Golubova A. V., Khudoborodov A. L. Chelyabinsk region and its place and role in the system of modern Russian regions. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 15–23. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250202

ГОСУДАРСТВО И ЛЕГАЛИСТСКАЯ ПРЕССА В ЭПОХУ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ

Д. В. Рыбин

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

В начале XX века видную роль в российском освободительном движении играла легалистская (юридическая) пресса. Ее ведущие издания исповедовали принципы законности и правопорядка. Собственно, сам термин Порядок появился благодаря одноименной газете, а сторонники легализма именовались «людьми правового порядка». Актуальность работы заключается в том, что в ней представлена история взаимоотношений государства и умеренных изданий, выступающих с поддержкой принципа правового государства. В годы первой русской революции либеральные издания некоторое время приветствовали ее как «неизбежное зло». Легалисты критиковали как государство, так и радикальные силы, выступающие против него. Несмотря на пропаганду правового государства и стабильной политической системы легалистские издания оставались под подозрением у государства. Как следствие они подвергались непрерывным преследованиям со стороны полицейских и контролирующих органов МВД: им назначали штрафы, на них заводили уголовные дела. Тем не менее, легалисты встречали поддержку со стороны судов и крупных финансистов. Каждый из них по своим соображениям поддерживал умеренную юридическую прессу.

Ключевые слова: легалисты, цензура, «Вестник Европы», «Русские Ведомости», «Страна», М. М. Ковалевский, Е. Н. Трубецкой.

Введение

В советской и современной исторической литературе опубликовано значительное количество работ, посвященных противостоянию прессы и государства в дореволюционной России. В настоящее время множатся публикации по данной теме, однако в то же время в немногих работах рассматривается взаимодействие юридических изданий и цензурных учреждений в последние годы империи. В нашей работе мы представим краткую историю борьбы с государством юридических и общественно-политических изданий, в которых преобладали юристы с умеренными либеральными взглядами. Раскрытие истории противостояния легалистской прессы с цензурными и полицейскими органами в 1905–1917 гг. является целью данного исследования.

Обзор литературы

В научной литературе существует много научных работ, посвященных либеральной прессе Российской империи во второй половине XIX века. В то же время их количество существенно уменьшается применительно к началу XX века. В нашем обзоре мы остановимся только на тех исследованиях, которые посвящены изданиям, выпускаемым юристами (легалистами). Особенно много внимания в науке было уделено «Вестнику Европы», что связано с той значимой ролью, которую сыграл журнал в освободительном движении. Многие статьи по истории журнала мы опускаем, так как они лишь косвенно связаны с нашей темой. Основные публикации, посвященные «Вестнику Европы», охватывали, главным образом, период до 1905 года. Важную информацию по истории

легализма мы можем почерпнуть в монографии В. Е. Кельнера о М. М. Стасюлевиче и его издательском деле [1].

Известны работы следующих современных авторов. О газете «Русская молва» вышла статья Е. И. Орловой [2]. В современной науке была исследована история отдельных журналов, например, была защищена диссертация Н. А. Балашовой [3]. О «Московском еженедельнике» пишет Т. И. Сиденко [4]. В работах А. П. Соповой изложена история цензурных учреждений империи в начале XX века [5]. Краткие справки о периодических изданиях правовой прессы содержатся в энциклопедии «Политические партии России» под редакцией В. В. Шелохаева [6].

В конце XX века вышло несколько монографий в которых освещалась история либеральной прессы, в том числе, работа С. Я. Махониной (об эволюции либеральных изданий между двумя революциями) [7], А. Ф. Бережной (кратко описана легалистская пресса в мировой войне) [8] и пр.

Методы исследования

В основу работы был положен принцип историзма. Основным используемым методом стал проблемно-хронологический подход. История отдельных изданий рассматривалась в хронологической последовательности. Проблемный подход позволил выявить основные трудности, с которыми сталкивались либеральные издания в межреволюционный период. Также в работе применяется метод сравнительного анализа.

При подготовке статьи были изучены центральные (ГАРФ, РГИА, РГАЛИ), а также регио-

нальные архивы (ЦГА г. Москва, ЦГИА г. Санкт-Петербург, РО ИРЛИ).

Результаты и дискуссия

Наступивший 1905 год поверг цензоров в ужас. Даже легалистская пресса стала печатать резкие категоричные отзывы, предрекала неминуемый крах старого режима. Примером может служить Административная хроника 2 выпуска «Вестника Права» за 1905 год. Автор хроники не находил ни одного положительного выхода из сложившейся ситуации для государства и, соответственно, считал государственный строй обреченным. Выход журнала был остановлен. Редакторы возражали цензорам, что закрытость журнала, его умеренный тон никак интересам государства не повредит. Им удалось легко добиться отмены запрета [9, л. 40, 41, 48, 68–71, 78, 83, 84, 102, 116, 117, 122, 124–151].

Редакция «Российских Ведомостей» (старейшая легалистская газета) стала в 1906 году основой для московского отделения партии демократических реформ (ПДР) во главе с редактором В. Ю. Скалоном. В 1907 году новый редактор «Русских Ведомостей» Г. Б. Йоллас был убит. В новом послереволюционном мире газета с правыми либеральными взглядами (правых кадетов) не пользовалась популярностью. Тиражи падали, и она стала убыточной с 1914 года [10, с. 819]. После неоднократных редакторских перестановок в 1912 году был изменен состав товарищества (полного) по изданию «Русских Ведомостей». В его состав входили А. А. Чупров, Н. И. Астров, А. А. Кизветтер, М. В. Сабашников, А. А. Федотов и другие деятели. Несмотря на разность количества паев каждый товарищ не мог иметь более 8 голосов. Главным редактором подчинялись редакционный и хозяйственный комитеты [11, л. 5–9]. Газету стал финансировать П. И. Рябушинский.

После ухода М. М. Стасюлевича в 1908 году редактором-издателем старейшего издания – «Вестника Европы» – стал М. М. Ковалевский. Политику журнала осуществляла коллегия редакторов: К. К. Арсеньев, Д. Н. Овсянко-Куликовский и А. С. Посников. В 1912 году Ковалевский уговаривал старейшего сотрудника К. К. Арсеньева остаться соредактором «Вестника Европы» [12, л. 1, 2]. После ухода Арсеньева (он остался публицистом журнала) в 1912 году был подписан товарищеский договор по изданию «Вестника Европы». Собственниками на паях (товарищество на вере) стали Д. Н. Овсянко-Куликовский (более 50 % паев), А. С. Посников и Ю. С. Гамбаров [11, л. 1–4]. Последний редакторский состав включал в себя в 1916–1918 гг. Д. Д. Гримма и Д. Н. Овсянко-Куликовского. Государство оставило журнал в покое, его «направление» уже устраивало цензурные органы. Тиражи издания постепенно снижались.

После долгого перерыва были предприняты попытки восстановить журнал «Юридический

Вестник». Наконец разрешение на издание было дано, и Вестник возобновил работу в 1913 году, но былой славы уже приобрести не смог. Он по-прежнему обслуживал Московское Юридическое общество. Главным редактором стал Б. А. Кистяковский. Окончательно журнал был закрыт в 1917 году [13, л. 1–4; 14, л. 1–4].

На смену старым изданиям «рвались» новые.

«Страна» – издание, основанное М. М. Ковалевским в 1906–1907 гг., – стала рупором Партии демократических реформ, в ней публиковались все лидеры легализма, включая А. Ф. Кони. Сразу же легалистское издание вызвало недовольство государственных органов. Цензурный комитет (вскоре Комитет по делам печати) Петербурга, рассматривая заметку «Что подельывает этика?» (№ 7, 1906 г. «Страны»), усмотрел в ней наличие состава преступления, предусмотренного статьей 6, отделения 8 закона от 24.11.1905 года (о печати). Заметка содержала резко негативную характеристику высшей бюрократии с призывом отправить ее «на смарку». Скоро поступило предложение возбудить ответственность за публикацию заметки «Недоразумения» (Страна, № 35, 1906 г.); «Голос военный» (Страна, № 70, 1906 г.), «СПб. Клуб о погроме» (Страна, № 92, 1906), «Роспуск Государственной Думы» (Страна, № 121, 1906), «Собрание в Выборге» (Страна, № 122, 1906 г.), «В университете. Народно-социалистическая партия» (Страна, № 237, 1906 г.), «Новый рескрипт» (Страна, № 2, 1907 г.)

Уголовные дела были возбуждены на М. М. Ковалевского, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гусакова и И. И. Иванюкова (15 раз по данным Н. Б. Хайловой [10, с. 918]). Номера газеты часто арестовывались, что не позволяло ей получать прибыль. На газету сыпались жалобы из Одессы, Ярославля, Волыни, Олонца, Архангельска и пр. на искажение информации о событиях на местах. Ковалевскому приходилось часто печатать опровержения. Правда, большинство уголовных дел было закрыто за отсутствием состава преступления. Аресты газеты снимались. В июле-августе выход газеты был приостановлен. Вместо нее выходила газета «Равенство». Наконец, 13 января 1907 года по определению Санкт-Петербургской Судебной Палаты издание Страны было вновь приостановлено. Формально за последнюю «неправильную» статью – «Новый рескрипт» (в ней царь сравнивался с королями-неудачниками Англии) [15, л. 1–137].

История со «Страной» имела продолжение в виде непрерывных уголовных дел в отношении редакторов. Так, по публикации от 06.02.1906 № 7 «Что подельывает этика (мысли вслух)» Ковалевский обвинялся в «оскорблении войска и сообщении в печати ложных сведений, возбуждающих враждебное у нему отношение»; по статье о Севастополе (№ 21 от 15.05.1906) «призыв к бунту»; по статье «Издательство над узниками» (№ 57

от 27.04.1906) «ложь о варшавских властях»; по статье «СПб клуб о погроме» (№ 92 от 07.06.1906) «ложь об участии административных властей в погроме в Белостоке». Защитником ученого выступал профессор М. П. Чубинский. 19 декабря 1909 года дело слушалось в Санкт-Петербургском окружном суде. Ковалевский обвинялся в нарушении пп. 3, 4, 5 ст. 1634 Уложения о наказаниях (далее УН). Редактор признался частично в собственной вине, но при этом отмечал, что был введен в заблуждение ложной информацией, поступающей с мест. Ковалевский был приговорен к 2 месяцам тюрьмы, которые он и отбыл [16, л. 118; 17, л. 4–7].

Еще до этого акта вышел приговор Петербургского окружного суда по ст. 1535 УН. Приговором от 30.11.1909 Судебная палата признала Ковалевского, Иванюкова и Гусакова невиновными в двух обвинениях (не нашла в деяниях редакторов признаков клеветы) и утвердила приговор Санкт-Петербургского окружного суда лишь в части. Вскоре поступила жалоба поверенного П. Ф. Булацеля на приговор Петербургской судебной палаты по обвинению М. М. Ковалевского, по 1535 статье УН (в 1910 году). По его мнению, этот приговор нарушал прямой смысл 1535 статьи УН, Судебная Палата извратила понятие клеветы. Неправильно интерпретировала факты о связях Гурко и Лидваля (дело 1906 года о массовых хищениях зерна). Судебная палата установила, что редакторы «Страны», распространяя слухи, позорящие честь Гурко, сомневались в их правдивости.

Адвокат просил отменить приговор Палаты как извращающий понятие клеветы. «Нельзя оставить в силе такой судебный приговор, коим признается, что Ковалевский, Иванюков и Гусаков вели травлю против Гурко на столбцах “Страны” и, повторяя со своими прибавлениями “инсинуации” газеты “Волгаря”, оказали этим услугу для восстановления чести Гурко и хотели этим указать лишь на большую его отзывчивость на нужды крестьян». Во время защиты клиентов адвокат Булацель путался, грубил, ругал суд [18]. В жалобе адвокату было отказано.

Еще одним легалистским изданием была газета «Слово», выходившая в 1904–1909 годах. Газету создавали левые октябристы, которые откололись в 1906 году, и с того момента газета стала органом мирнообновленцев. Соответственно, правые либералы: М. М. Ковалевский, К. К. Арсеньев, В. Д. Кузьмин-Караваев, В. А. Маклаков, Е. Н. Трубецкой и пр. – принимали в ее работе самое активное участие [10, с. 857–859]. В момент закрытия газеты в последнем номере было отмечено, что появление подобного издания преждевременно и оно не пользуется широкой поддержкой. Это может служить общим рефреном для идей легализма в тот момент [19, с. 61].

Свое издание – «Московский Еженедельник» – основал «Гамлет русской революции» – Е. Н. Трубецкой (предшественником считается журнал «Московская неделя», издаваемая С. Н. Трубецким). Еженедельный журнал выходил с 1906 по 1910 г. Его наполняли видные правые либералы: Е. Н. Трубецкой, П. Б. Струве, В. А. Маклаков, Н. В. Давыдов, С. А. Котляревский и др. Финансирование поступало от московских деловых кругов (Рябушинского, Вишнякова, Коновалова и прочих). Журнал стал еще одним изданием ПМО. В ней излагались важные идейные основы партии центра. Наибольшему натиску журнал подвергался в 1907 и 1909 гг., когда были арестованы отдельные номера (4 по данным Н. Хайловой) и возбуждались уголовные дела, вскоре отмененные [10, с. 599–602; 6, с. 372].

Например, в 1907 году московский комитет по делам печати возбудил в отношении братьев Трубецких судебное преследование за публикацию «Из недавнего прошлого нашей внешней политики» (№ 32, 33). В ней император (косвенно) и бюрократия (прямо) обвинялись в развале России, приведшем к поражению в войне с Японией [20, л. 2–7]. В № 9 «Московского Еженедельника» за 1909 год Трубецкой опубликовал статью «Ближайшие перспективы». В ней он, по мнению цензоров, «ярко подчеркивал зло самодержавия». 1 мая 1909 года прокурор Московского окружного суда возбудил уголовное дело по ст. 1284 УН. Далее дело 4 месяца лежало в суде без движения [21, л. 2–6].

В 1908 году Департамент полиции МВД собирал сведения о «Московском Еженедельнике». По мнению московской полиции, «академический» журнал разбавлялся «бойкими» статьями братьев Трубецких. В 1908 году главный редактор два раза подвергался уголовному преследованию, но оба раза суд прекращал дело. 32, 33 номера журнала за 1907 год были арестованы генерал-губернатором. По мнению полиции, журнал отличался «полонофильским направлением» [22, л. 1–8, 113–115]. Он был закрыт по инициативе редакции из-за низкой популярности. Кроме того, прекратилась финансовая поддержка со стороны богатой вдовы М. К. Морозовой.

В 1912 году после ликвидации партий ПДР и ПМО легалистская пресса обслуживала в основном партию прогресса (ПП). В 1912–1913 годах выходила прогрессистская газета «Русская молва». Большинство легалистов принимали в ее работе активное участие. Но газета не смогла окупиться и после штрафов от государства была вынуждена закрыться [10, с. 811–813]. В 1909–1912 годах при активном участии М. М. Ковалевского и Р. М. Бланка выходил ежедневный прогрессистский журнал «Запросы жизни. В нем печатались ведущие легалисты империи. Журнал себя не оправдал и закрылся.

В 1907, 1909–1918 годах выходила газета ПМО, а затем ПП – «Утро России». Издание находилось под пристальным вниманием полиции как «газета вредного направления». Уже в 1907 году новая газета получила несколько предупреждений, подвергалась штрафам, номера арестовывались, и ее выпуск был приостановлен в октябре 1907 года. Редактор-издатель И. Ф. Родионов был привлечен к уголовной ответственности по ст. 129 Уголовного Уложения за публикацию в № 21 фельетона «Как я сделался сенатором» [23, л. 5–7, 11–15].

Возобновившаяся в 1909 году газета быстро набирала популярность за счет оппозиционности. Она стала одним из немногих праволиберальных изданий, которому удалось достичь тиража в 40000 экземпляров.

В 1909 году крестьянин Родионов вновь получил разрешение печатать газету при поддержке П. П. Рябушинского и при редакторстве адвоката С. Ф. Плевако, который в отличие от отца сблизился с либеральными группами (позже редактором стал В. Я. Крылов). Так как редакторы не «исправились», на них снова посыпались денежные штрафы за неправильные публикации. Рябушинский оплачивал. В 1911 году редактор В. Я. Крылов подвергся тюремному заключению на 3 месяца (был арестован через месяц после своего назначения, находясь в тюрьме, он получал новые уголовные дела). Возбуждались уголовные дела за карикатуру, за провокационные заметки. Скандал вызвала публикация работы Л. Н. Толстого «Два закона» в № 294 за 1910 год. Так как цензоры «проспали» выход статьи, началось служебное расследование, сопровождавшееся большой перепиской и нервотрепкой. При этом прокуратура настаивала на уголовном преследовании, а цензоры считали, что состава преступления нет. П. А. Слепцов, член Главного управления по делам печати МВД (ГУДП), энергично отстаивал свою точку зрения о том, что преследовать цензоров не за что. Полемика по этому вопросу отражала старую проблему цензурных органов – сложность определения грани преступного в трудах либеральных издателей. Спор осложнялся конфликтом внутри ГУДП.

Это дело стало причиной ухода редактора С. Ф. Плевако. Прокуратура добивалась возбуждения уголовного дела, но Московская Судебная Палата ей отказала. Газета подвергалась частым арестам. Новым временно исполняющим обязанности редактора после ареста Крылова стал В. Е. Ермилов. Но и на него уже через месяц пытались возбудить уголовное дело [23, л. 16–30, 37–39, 47, 51, 55, 62, 70, 74–77, 91–98, 106–145, 152–155, 171–176, 181–189, 197, 201–225, 234, 245, 247, 251–255, 258–283].

Отбиваясь от уголовных дел, Сергей Плевако подал жалобу на приговор Московской Судебной Палаты по обвинению его по ч. 2 ст. 1024 УН (приговор от 20.12.1911). Он был признан виновным и приговорен к аресту в тюрьме на 3 дня

и штрафу в 10 рублей. Дело касалось статьи с «негативными фразами» в адрес в. к. Александра Михайловича. Плевако отрицал негатив. Анализируя приговор, адвокат С. Ф. Плевако указывал, что, если применять толкование Судебной Палаты, любое упоминание великого князя в прессе вело бы к уголовной ответственности! [24]

В 1912 году продолжались аресты номеров газеты (№ 8, 19, 22, 27, 60, 62, 87, 183, 212, 266, 293), возбуждались уголовные преследования в отношении редакторов В. Я. Крылова, А. А. Николаева, С. М. Протопопова, В. Н. Петрова и В. К. Садкова (по ст. 281-1, 1002, 1034-4, 1038 Уложения о наказаниях, ст. 128, 129 Уголовного Уложения). Половина из редакторов были крестьянами, вторая половина мещанами. В тени за ними оставался настоящий редактор И. Ф. Родионов. Та же ситуация продолжалась и в 1913 году. Что интересно, окружные суды часто отменяли аресты умеренных изданий, предпринятые полицией. Вышестоящие прокуроры отменяли возбужденные уголовные дела.

Сложилась система подсадных редакторов, отсидивающих за деньги срок в тюрьме. В 1913 году основным методом наказаний стали многочисленные большие штрафы, которые П. И. Рябушинский систематически выплачивал.

Регулярные аресты редакторов, отбывающих сроки по 3 месяца, приводили к тому, что периодически редактора не было в наличии (С. М. Протопопов сидел в тюрьме несколько раз по 3 месяца), тогда И. Ф. Родионов вновь подписывал газету и в свою очередь также подпадал под действие статьи 1012-2 Уложения о наказаниях. Только статьи публициста Т. Ардова (В. Г. Тардова) несколько раз приводили к возбуждению уголовных дел, арестам номеров и назначению штрафов для редакторов [25, л. 29–40, 48–52, 58–60, 66–70, 86–88, 115, 136, 137, 160, 180, 213, 219–227, 234, 240, 246–249, 255, 258, 269, 272, 279–282, 296, 309, 313, 316–320; 24, л. 7–9, 19, 24, 34, 49–51, 71–79, 85, 111–121].

В годы войны фактическим «гайным» редактором газеты становится поэт А. П. Алексеевский. В 1916 году оппозиционность газеты резко выросла. Появлялись критические заметки в адрес правительства, публикации, которые было запрещено печатать (о Распутине и пр.). Цензоры требовали в феврале 1917 года закрыть издание [26, л. 152–168, 174, 178, 184, 197–200, 208, 211, 216, 221–226, 242, 243, 265–271; 27, л. 14–23, 29–31, 45].

По данным А. П. Соповой, в 1911 году все временные издания были оштрафованы 268 раз на 73,45 тыс. рублей, в 1912 году 317 раз на 96,8 тыс. рублей [5]. Издание «Русское слово» задалось вопросом, сколько же взысканий налагалось за правонарушения, совершенные газетами? Оказалось, что за 9 месяцев 1913 года в империи было наложено 275 штрафов на 107125 рублей. За тот

же период 1912 года было наложено 259 штрафов на 69150 рублей, а в 1911 году соответственно 220 штрафов на 57200 рублей. В Петербурге газета «День» (кадетская) была оштрафована за 9 месяцев 1913 года 17 раз на 9300 рублей, «Русская молва» – 16 раз на 7950 рублей, «Речь» (кадетская) – 9 раз на 4200 рублей, «Биржевые Ведомости» – 4 раза на 2000 рублей; в Москве: «Утро России» – 8 раз на 3500 рублей, «Русские Ведомости» – 6 раз на 2800 рублей, «Раннее Утро» – 2 раза на 1000 рублей. Взысканию часто подвергались редакторы, в том числе «Русской молвы» и других либеральных изданий [28, л. 7].

Война усложнила работу изданий. Так, были введены военно-цензурные комиссии, повсеместно внедрялась предварительная цензура. Основные правила не менялись. Резко выросли штрафы. Сначала штраф «за предосудительную публикацию» вырос с 500 до 1000 рублей, а потом до 3000 рублей. Номера изданий часто уничтожались. Штрафы сыпались «как из рога изобилия». Так уже в январе 1917 года редактор «Утра России» подвергся двум штрафам, а редактор «Русского Слова» получил за заметку «Момент наступил» (о продовольственных проблемах) 11 января штраф на 2000 рублей [28, л. 40, 42].

Отдельного упоминания заслуживают региональные издания юристов. В то время расцветала партийная пресса. Легалисты из-за своей немногочисленности имели мало местных изданий. С ростом движения росло и число изданий. Одним из первых изданий стала «Варшавская судебная газета» (выходила с 1879 года), которая стала с 1906 года рупором Польской прогрессивной партии, в которую входили польские юристы и экономисты праволиберальной направленности.

В 1906–1914 годах многочисленные региональные кадетские издания, аффилированные с правыми либералами, подвергались непрерывному давлению и рано или поздно закрывались: «Тульская жизнь» (и ее многочисленные продолжатели), «Финляндия» и пр. Так, «Тульская жизнь» только за первые два года (1906–1908 годы) сменила шесть названий и 12 редакторов [10, с. 956].

Например, «террору» со стороны государства подвергся «Уфимский вестник» – умеренно-либеральное издание, выходившее в 1906–1910 годах. Так, в 1907 году по жалобе поверенного Павла Матвеевича Сокурова на приговор Казанской Судебной Палаты по обвинению Сокурова в преступлении по п. в отд. 8 ст. 7 Временных правил о повременных изданиях (1905) Казанская Судебная Палата (КСП) приговорила Сокурова к штрафу в 100 рублей за распространение заведомо ложных сведений о деятельности должностных лиц, возбуждающих в населении вражду. Сокуров разоблачал спекуляции. КСП не обсуждала, ложными ли были сведения, не обсуждала факты, доказывающие, что они были не ложными. Также

КСП не установила, подрывали ли указанные сведения доверие к спекулянту Эверсману (наживался на спекуляции хлебом). Сокуров просил отменить приговор [29]. Вскоре возникло новое дело на редактора, был вынесен приговор (октябрь 1907 года). Сокуров перепечатал заметку «маленькие законодатели» (вышла в № 240) из газеты «Речь». Перепечатанная статья не была запрещена никаким судом. Однако сначала Уфимский окрсуд, а затем КСП нашли признаки состава преступления по п. в. ст. 5 отд. 8 Временных правил от 24.11.1905 года. Это была история с заведомо ложным сообщением [30].

Позже в Сенат поступила жалоба нового редактора «Уфимского вестника» Ивана Трубникова на приговор КСП по обвинению его по ст. 1040 и 1044 УН. КСП утвердила 12.11.1916 приговор Уфимского окружного суда, назначив штраф в 100 рублей и арест редактора на 2 недели. В статье содержался оскорбительный отзыв о губернаторе. Намек на губернатора (якобы он был виноват в повышении таксы на молоко) был недопустим и попал в газету «по недосмотру». Трубников просил отменить приговор [31].

В тех регионах, где легалистские организации имели политическое влияние, создавались региональные издания, в которых доминировали правые либералы. Например, к таковым можно отнести «Одесские новости». Они также подвергались давлению со стороны полицейских органов, которые с трудом отличали легалистов от кадетов. В годы Первой мировой войны появились праволиберальные издания: «Русская воля» (1916–1917 годы), «Республиканец» (1917 год) в Старой Руссе и пр.

Газеты Рябушинского и другие легалистские издания в начале марта 1917 года приветствовали революцию. В 1918 году все легалистские издания были постепенно закрыты большевиками.

Выводы

В начале XX века в Российской империи существовал интересный феномен – развитая юридическая пресса. Журналы и газеты разделялись на сугубо научные и общественно-политические. Так как юристы были вовлечены в общественную жизнь страны, они часто не могли удержаться в рамках научных журналов и переходили к общественно-полемической деятельности, обличая недостатки режима и строя планы по переустройству государства. Государственное давление на издания ослабло. Стоит отметить, что, когда в силу закона уголовное дело о преступлениях редакторов изданий доходило до суда, в большинстве случаев суд вставал на сторону редакторов. Так, суд или строго следовал закону, ссылаясь на трудность определения вины на основании неясных формулировок в публикациях, или тайно сочувствовал преследуемым, которые состояли с судьями в одной социальной группе.

Время революции легалистские издания принимали с большим облегчением. Старые издания по-

степенно устаревали и приходили в упадок («Русские Ведомости», «Вестник Европы»), им на смену приходили новые, современные («Страна», «Утро России» и пр.). Государственный контроль видоизменился. Основной упор теперь был сделан не на предварительную цензуру, а на систему штрафов, арестов и конфискации. Издания придумывали новые способы для того, чтобы обойти полицейское давление. После относительного упадка, пережитого легалистской прессой в 1907–1914 гг., в годы мировой войны они испытали новый рост популярности, который был прерван массовым закрытием всех либеральных изданий России в 1918 году.

Литература

1. Кельнер, В. Е. Человек своего времени (М.М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция) / В. Е. Кельнер. – СПб. : РНБ, 1993. – 316 с.
2. Орлова, Е. И. К истории либеральной печати: газета «Русская молва» (1912–1913) / Е. И. Орлова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – № 6. – С. 3–20.
3. Балашова, Н. А. Журнал «Московский еженедельник» (1906–1910 гг.) на арене политической борьбы в России в начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Балашова. – М., 1976. – 16 с.
4. Сидненко, Т. И. «Новый» либерализм в России в начале XX в.: к истории создания и выхода в свет «Московского Еженедельника» / Т. И. Сидненко // Общество и власть : материалы всероссийской научной конференции. – СПб. : СПбГУКИ, 2006. – С. 161–166.
5. Сопова, А. П. Функционирование цензурных учреждений в Российской империи в 1905–1914 гг. / А. П. Сопова // История российской государственности : доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н. П. Ерощкина. – М. : РГГУ, 2021. – С. 262–268.
6. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 1996. – 800 с.
7. Махонина, С. Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914) / С. Я. Махонина. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.
8. Бережной, А. Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны / А. Ф. Бережной. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 152 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 776. – Оп. 4. – Д. 505.
10. Российский либерализм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2010. – 1086 с.
11. Рукописный отдел Института Российской литературы и искусства (РО ИРЛИ). – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 1154.
12. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 56.
13. РГИА. – Ф. 776. – Оп. 17. – Д. 26.
14. РГИА. – Ф. 776. – Оп. 17. – Д. 33.
15. РГИА. – Ф. 776. – Оп. 9. – Д. 45.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 539. – Оп. 1. – Д. 1302.
17. ГАРФ. – Ф. 124. – Оп. 48. – Д. 754.
18. РГИА. – Ф. 1363. – Оп. 4. – Д. 619.
19. Русская периодическая печать (1895 – февраль 1917). Справочник. – М. : Гос. изд-во пол. лит., 1957. – 351 с.
20. Центральный государственный архив г. Москва (ЦГА, г. Москва). – Ф. 16. – Оп. 95. – Д. 154, т.6.
21. ГАРФ. – Ф. 124. – Оп. 1084. – Д. 47.
22. ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 1908. – Д. 1036.
23. РГИА. – Ф. 776. – Оп. 16. – Д. 1030.
24. РГИА. – Ф. 1363. – Оп. 4. – Д. 1478.
25. РГИА. – Ф. 776. – Оп. 16. – Д. 1031.
26. РГИА. – Ф. 776. – Оп. 16. – Д. 1032.
27. РГИА. – Ф. 776. – Оп. 16. – Д. 1033.
28. ГАРФ. – Ф. 1723. – Оп. 1. – Д. 105.
29. РГИА. – Ф. 1363. – Оп. 3. – Д. 754.
30. РГИА. – Ф. 1363. – Оп. 6. – Д. 1293.
31. РГИА. – Ф. 1363. – Оп. 6. – Д. 1219.

Рыбин Данил Вячеславович – директор, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)» (Санкт-Петербург), e-mail: danilarybin@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-4851-2235

Поступила в редакцию 9 декабря 2024 г.

STATE AND LEGALIST PRESS IN THE ERA OF CONSTITUTIONAL MONARCHY IN RUSSIA

D. V. Rybin

St. Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)", Saint. Petersburg, Russian Federation

In the early 20th century, the legalist (legal) press played a prominent role in the Russian liberation movement. Its leading publications professed the principles of legality and law and order. In fact, the term Order itself appeared thanks to the newspaper of the same name, and supporters of legalism were called "people of legal order". The relevance of the work lies in the fact that it presents the history of the relationship between the state and moderate publications that support the principle of the rule of law. During the years of the first Russian revolution, liberal publications for some time welcomed it as an "inevitable evil". Legalists criticized both the state and the radical forces opposing it. Despite the propaganda of the rule of law and a stable political system, legalist publications remained under suspicion of the state. As a result, they were subjected to continuous persecution by the police and the controlling bodies of the Ministry of Internal Affairs. Fines and criminal cases rained down on the editors of publications like "from a cornucopia". Nevertheless, legalists found support from the courts and major financiers. Each of them, for their own reasons, supported the moderate legal press.

Keywords: legalists, censorship, Vestnik Evropy, Russkie Vedomosti, Strana, M. M. Kovalovsky, E. N. Trubetskoy.

References

1. Kelner V.E. Chelovek svoyego vremeni (M.M. Stasyulevich: izdatel'skoye delo i liberal'naya opozitsiya) [A Man of His Time (M.M. Stasyulevich: Publishing and Liberal Opposition)]. Saint Petersburg: RNL, 1993. 316 p.
2. Orlova E.I. K istorii liberal'noy pechati: gazeta "Russkaya molva" (1912-1913) [On the History of the Liberal Press: the Newspaper "Russian Molva" (1912–1913)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2021. № 6. P. 3–20.
3. Balashova N.A. Zhurnal «Moskovskiy yezhenedel'nik» (1906–1910 gg.) na arene politicheskoy bor'by v Rossii v nachale XX veka [The magazine "Moscow Weekly" (1906–1910) in the Arena of Political Struggle in Russia at the Beginning of the Twentieth Century]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1976. 16 p.
4. Sidnenko T.I. "Novyy" liberalizm v Rossii v nachale XX v.: k istorii sozdaniya i vykhoda v svet "Moskovskogo Yezhenedel'nika" ["New" Liberalism in Russia at the Beginning of the 20th Century: on the History of the Creation and Publication of the "Moscow Weekly"] // *Obshchestvo i vlast': materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Saint. Petersburg: SPbGUKI, 2006. P. 161–166.
5. Sopova A.P. Funktsionirovaniye tsenzurnykh uchrezhdeniy v Rossiyskoy imperii v 1905-1914 gg. [Functioning of Censorship Institutions in the Russian Empire in 1905–1914] // *Istoriya rossiyskoy gosudarstvennosti: doklady mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora N.P. Eroshkina*. Moscow: RSUH, 2021. P. 262–268.
6. Politicheskiye partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka [Political Parties of Russia. Late 19th – First Third of the 20th Century]: encyclopedia. Moscow: ROSSPEN, 1996. 800 p.
7. Makhonina S.Y. Russkaya dorevolutsionnaya pechat' (1905–1914) [Russian Pre-Revolutionary Press (1905–1914)]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1991. 205 p.
8. Berezhnoy A.F. Russkaya legal'naya pechat' v gody pervoy mirovoy voyny [Russian Legal Press during the First World War]. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1975. 152 p.
9. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 776. Op. 4. D. 505.
10. Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka [Russian Liberalism of the Mid-18th – Early 20th Centuries]: encyclopedia / red. V.V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 2010. 1086 p.
11. Rukopisnyy otdel Instituta Rossiyskoy literatury i iskusstva (RO IRLI) [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature and Art (MD IRLA)]. F. 135. Op. 1. D. 1154.
12. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art (RSALA)]. F. 496. Op. 1. D. 56.

13. RGIA [RSHA]. F. 776. Op. 17. D. 26.
14. RGIA [RSHA]. F. 776. Op. 17. D. 33.
15. RGIA [RSHA]. F. 776. Op. 9. D. 45.
16. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archives of the Russian Federation (SARF)]. F. 539. Op. 1. D. 1302.
17. GARF [SARF]. F. 124. Op. 48. D. 754.
18. RGIA [RSHA]. F. 1363. Op. 4. D. 619.
19. Russkaya periodicheskaya pechat' (1895 – fevral' 1917) [Russian Periodical Press (1895 – February 1917)]: spravochnik. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1957. 351 p.
20. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv g. Moskva (TSGA, g. Moskva) [Central State Archives of Moscow (CSA, Moscow)]. F. 16. Op. 95. D. 154, t. 6.
21. GARF [SARF]. F. 124. Op. 1084. D. 47.
22. GARF [SARF]. F. 63. Op. 1908. D. 1036.
23. RGIA [RSHA]. F. 776. Op. 16. D. 1030.
24. RGIA [RSHA]. F. 1363. Op. 4. D. 1478.
25. RGIA [RSHA]. F. 776. Op. 16. D. 1031.
26. RGIA [RSHA]. F. 776. Op. 16. D. 1032.
27. RGIA [RSHA]. F. 776. Op. 16. D. 1033.
28. GARF [SARF]. F. 1723. Op. 1. D. 105.
29. RGIA [RSHA]. F. 1363. Op. 3. D. 754.
30. RGIA [RSHA]. F. 1363. Op. 6. D. 1293.
31. RGIA [RSHA]. F. 1363. Op. 6. D. 1219.

Danil V. Rybin – Director, St. Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)”, St. Petersburg (Saint Petersburg), e-mail: danilarybin@rambler.ru

Received December 9, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Рыбин, Д. В. Государство и легалистская пресса в эпоху конституционной монархии в России / Д. В. Рыбин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 24–31. DOI: 10.14529/ssh250203

FOR CITATION

Rybin D. V. State and legalist press in the era of constitutional monarchy in Russia. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 24–31. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250203

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ К БЕЛЬГИИ

А. В. Молодцова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Проблема присоединения немецкоязычных территорий к Королевству Бельгия в межвоенный и военный периоды XX века по сей день остается малоизученной темой в отечественной историографии. Однако есть ряд российских ученых, рассматривавших вопрос присоединения кантонов Эйпен-Мальмеди к Бельгии в контексте изучения истории государства в 1918 и 1939–1945 годах, лингвистического раскола и последствий Первой и Второй мировых войн.

Интерес к проблематике в зарубежной историографии обусловлен вневременной актуальностью темы для самого государства, ее политических и научных деятелей, связанной с изменением национальной границы в истории Бельгии. Это особенно актуально для небольшого региона на границе Германии и Бельгии, история которого за последние 100 лет была настолько насыщенной, что эта территория оформилась в полноценное немецкоязычное сообщество и полвека уже является территорией с законодательным суверенитетом и наделена неоформленным статусом автономии.

В рамках работы впервые проводится историографическое исследование, связанное с изучением проблемы присоединения немецкоязычных территорий Эйпен-Мальмеди к Бельгии. Данная статья призвана показать степень изученности вопроса как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

Ключевые слова: немецкоязычные территории, Эйпен-Мальмеди, Первая мировая война, Вторая мировая война, историография, Бельгия.

Введение

Проблема, связанная с присоединением кантонов Эйпен-Мальмеди в Бельгии и адаптацией проживающего там населения к внутренним условиям страны, все еще остается малоизученной в отечественной историографии. В то же время зарубежная историография насчитывает немало исследований, посвященных истории присоединения Эйпен-Мальмеди к Бельгии, особенностям передачи этих территорий и проблематизации языкового вопроса в государстве.

Цель данной статьи является подготовка историографического обзора, посвященного вопросу изучения бельгийских территорий Эйпен-Мальмеди. В рамках исследования поставлена задача выявления лагун, связанных с изучением присоединения к Бельгии немецкоязычных территорий в период с 1918 по 1945 год.

Актуальность исследования связана с необходимостью более глубокого изучения данной проблематики, что может способствовать лучшему пониманию исторических и социальных процессов, происходивших в Бельгии, в контексте присоединения немецкоязычных кантонов.

Обзор литературы

Весомый вклад в изучение истории Бельгии внесла А. С. Намазова, работы которой были использованы в качестве анализа бельгийской государственности и введения в проблематику по истокам языковых разногласий на территории государства [1–3]. В статье также рассматриваются труды А. О. Хоросевой, необходимые для изуче-

ния положения Бельгии и гарантий безопасности государства в межвоенный и военный периоды XX века [4–6].

В отечественной историографии недостаточно освещена тема присоединения немецкоязычной территории к Бельгии. Предпосылки и ход политической истории немецкоязычной коммуны отражены в трудах следующих ученых: К. Брюлля [7–9], П. Квадфлига [12], Д. Менникена [12], Т. Мюлля [12], В. О'Коннелла [13–14], К. Пабста [15–16], Р. Роркампа [12], Э. Херребута [12], М. Шерера [12].

Методы исследования

В процессе исследования был использован комплекс методов, основными являются системно-структурный и описательный, которые используются для изучения немецкоязычной территории как одного из регионов Бельгии. При написании статьи применялись сравнительный и аналитический методы для детального изучения внутренних проблем Бельгии, представленных в историографии.

Результаты и дискуссия

Известный российский историк А. С. Намазова, стоящая у истоков отечественного изучения истории Королевства Бельгия, исследует специфику языкового конфликта, анализируя историю бельгийской государственности и роль страны в межвоенный и военный периоды XX века. В частности, она обращает внимание на языковой конфликт и раскол страны из-за присоединенной немецкоязычной территории Эйпен-Мальмеди [1]. Исследователь отмечает, что зарождению нацизма в Бельгии способствовал лингвистический раскол

в стране: «...в Бельгии ощущалось заметное финансовое и организованное политическое влияние фашистских режимов, в частности Германии, которая оказывала существенное воздействие на проживавшее в государстве немецкоязычное население» [3, с. 256].

В межвоенный период немецкоязычное население было особенно уязвимо, поскольку не чувствовало особой поддержки со стороны бельгийской власти и местной администрации в Эйпен-Мальмеди: «...среди бельгийского руководства было распространено мнение о невозможности ассимиляции местного населения» [3, с. 266]. В связи с этим немецкоязычная территория становилась инструментом воздействия и управления нацистской Германии, превращаясь в «инкубатор нацистской подрывной деятельности» в годы Второй мировой войны. Прогерманская агитация усилилась на немецкоязычных землях после прихода к власти Гитлера в Германии. На территории Эйпен-Мальмеди после их присоединения к Бельгии в 1930-х гг. создавались специальные патриотические организации, которые имели связи с Германией, поддерживали немецкие культурные и языковые интересы и вскоре трансформировались в объединения националистического толка, использовавшиеся Германией для распространения идей нацизма.

Как отмечает А. С. Намазова, распространение фашистских настроений и антиправительственных движений в Бельгии было обусловлено множеством факторов, в том числе «неэффективной работой существующих политических институтов» [1, с. 259]. Итоги Парижской мирной конференции 1919–1920 годов вызвали недовольство экономической и политической элиты Бельгии, в частности из-за аннексии немецких земель – Эйпен, Мальмеди и Сен-Вит, что еще более усугубило продолжающийся лингвистический конфликт [2]. Также ситуацию осложняло разделение государства на три языковые области, три языковых сообщества: франкоязычное, фламандскоязычное и немецкоязычное.

Исследования А. С. Намазовой способствовали более глубокому пониманию языкового конфликта в Бельгии и его влиянию на политическую ситуацию в стране, особенно в контексте германской агитации в межвоенный период. Особую роль в нацистской пропаганде сыграли Эйпен-Мальмеди, так как немецкоязычное население этих территорий стало уязвимым объектом манипуляций со стороны нацистской Германии.

Другой российский специалист по истории Бельгии, внутренней и внешней политике государства в XIX–XX веках А. О. Хорошева в исследованиях обращает внимание на проблему бельгийского нейтралитета и причины отказа от него, детально анализируя положение Бельгии до и после Первой мировой войны [4]. Исследователь также рас-

сматривает вопрос репараций в рамках Версальского договора. На Парижской мирной конференции бельгийское правительство должно было решить проблему репараций, обеспечив свое государство «новыми гарантиями безопасности» [5, с. 242]. Важно отметить, что у Королевства имелись некоторые территориальные претензии. Бельгия планировала получить области Моресне и Мальмеди в качестве компенсации за понесенный ущерб, а также германскую территорию Эйпен, которую Бельгия считала своим «старым владением» [7, 12].

Бельгийский король Альберт открыто заявлял о необходимости компенсации ущерба, нанесенного стране, путем территориального расширения – возвращения исторических территорий. В военном, политическом и географическом плане государство должно было укрепиться по итогам Первой мировой войны и стать «более крепкой страной с международной точки зрения, более крупной географически» [5, с. 246].

А. О. Хорошева также отмечает, что кантоны Эйпен и Мальмеди ранее, до присоединения к Пруссии в 1815 году, входили в состав бельгийских провинций и преимущественно относились к Валлонии: вся область Мальмеди и кантон Сен-Вит были заселены валлонами¹. Более того, после окончания Первой мировой войны франкоговорящие жители этих территорий выступали за присоединение к Бельгии. «В области Эйпен преобладал германский диалект, присоединение этой территории было не столь оправданным с культурной точки зрения» [5, с. 252]. Тем не менее, Эйпен имел важное экономическое значение для Бельгии благодаря богатым лесным ресурсам и месторождениям свинца и цинка. Наличие леса и свинца не помогало в обороне. Со стратегической точки зрения присоединение Эйпена способствовало укреплению обороноспособности государства [5, с. 252].

Все требования бельгийцев были официально зафиксированы в меморандуме от 17 января 1919 года, в котором шла речь о пересмотре отмены нейтралитета, создании военно-морской базы в Антверпене и других вопросах, связанных с суверенитетом. Кроме того, бельгийское правительство волновал вопрос формирования эффективной системы безопасности и защиты границ в условиях утраченного нейтралитета и, соответственно, доверия к союзникам. Обеспечение защиты рубежей Бельгия видела в создании оборонительной пограничной зоны, а именно в присоединении соседних с Бельгией немецких областей: Моресне, Эйпен и Мальмеди [6].

¹ Валлоны – это народ, проживающий преимущественно в Валлонии, южной части Бельгии, где они составляют значительную часть населения. Они говорят на валлонском диалекте французского языка и культурно тесно связаны с французскими традициями.

Для решения поставленных задач и с учетом требований страны была создана специальная Комиссия по делам Бельгии 12 февраля 1919 года, куда вошли представители академического сообщества Франции, США и Великобритании, по решению которой были пересмотрены договоры 1839 года, а также положительно рассмотрены требования Бельгии по передаче германских территорий: нейтральной области Моресне и областей Эйпен-Мальмеди. Верховный совет² 8 марта 1919 года утвердил решение Комиссии [6].

Важно отметить, что Бельгия имела также притязания на нидерландские области: Фландрию и южную часть Лимбурга. При этом предполагалось, что Нидерланды получат территориальные компенсации со стороны Германии в обмен на аннексию Бельгией голландских областей. Этот вопрос должен был рассматриваться совместно с Нидерландами, однако государство не приняло участия в работе Парижской мирной конференции, поскольку имело нейтральную позицию во время Первой мировой, а неучастие в конфликте сделало его менее активным в вопросах, обсуждаемых на Конференции [12, с. 14].

16 апреля был собран «Совет четырех»³ по вопросу территориальных компенсаций Бельгии в контексте более широкого вопроса о послевоенном устройстве Европы. Великобритания не поддерживала присоединение нидерландских и особенно немецких территорий к Бельгии, так как корона опасалась появления значительного количества этнических немцев на территории Бельгии. Область Мальмеди находилась в зоне оккупации Великобритании, а британское командование всячески поддерживало прогерманские настроения – запреты на распространение бельгийских газет, на вывешивание бельгийского флага и т. д.

А. О. Хорошева оценивает бельгийскую дипломатию во время и после Первой мировой войны как неудачную: государство было вовлечено в войну, стало неполитическим игроком, поставлен вопрос об отмене нейтралитета. Несмотря на присоединение немецкоязычной территории Эйпен-Мальмеди, Нейтрального Моресне и Сен-Вит, Бельгия не получила территориальные компенсации в полном объеме, ее нейтралитет был упразднен, и страна не обрела гарантии своей национальной безопасности в случае нападения врага [5, с. 266].

² Верховный совет (Верховный военный совет) – орган, объединяющий союзников во время Первой мировой войны. Функционировал с 1917 по 1920 год. Располагался в Версале. Его целью являлось обсуждение условий будущего перемирия и решений, которые должны были быть приняты после заключения мирного договора.

³ «Совет четырех», или Большая четверка, состоял из стран-победительниц Первой мировой войны: США, Великобритании, Франции и Италии. Этот Совет играл ключевую роль в формировании послевоенного порядка и обсуждении вопросов, связанных с территориальными компенсациями и восстановлением Европы после войны.

А. С. Намазова и А. О. Хорошева представляют ценные исследования, способствующие пониманию ключевых аспектов истории Королевства Бельгии, включая языковые конфликты и политику нейтралитета. А. С. Намазова подчеркивает, что лингвистический раскол в стране был одной из причин влияния нацистской идеологии на немецкоязычное население, особенно в контексте оккупации территории Германским рейхом в период Второй мировой войны. Это поднимает важные вопросы о необходимости изучения межэтнических конфликтов и политического дисбаланса. С другой стороны, А. О. Хорошева представляет результаты разгрома и изменения национальных границ Бельгии и то, как государство оказалось уязвимым, не сумев обеспечить надежные гарантии своей безопасности.

Несмотря на то что отечественные исследователи сделали большой прорыв в изучении истории Бельгии, ее государственности, внутренней и внешней политики, а также международных отношений, однако остается лакуна в изучении немецкоязычных территорий. Наибольший вклад в изучение истории территории Эйпен-Мальмеди внесли зарубежные исследователи. Их работы, основанные на обширных архивных материалах и сравнительном анализе, позволили глубже понять динамику этнических и языковых процессов, позволив оценить влияние немецкоязычного населения на общую историю Бельгии и ее культурное и языковое разнообразие.

В зарубежной историографии особую роль играют научные работы бельгийского историка К. Пабста, который одним из первых начал изучать отношение политического руководства государства к немецкоязычному населению, а также эти территории в период Второй мировой войны. К. Пабст проводит анализ политических сил, которые в течение Интербеллума удерживали Эйпен-Мальмеди, переданные Бельгии по Версальскому договору, находившиеся в политической неопределенности между «старым» и «новым» отечеством. По его мнению, модель Эйпен-Мальмеди показывает столкновение концепций государства и нации, которое определялось национальным мышлением и в конечном счете могло быть преодолено через пересмотр традиционных национальных идей [15].

Проблема централизма законодательной и исполнительной ветвей власти, подчеркнутая К. Пабстом, особенно проявилась с аннексией Эйпен-Мальмеди в 1919 году. Население немецкоязычных кантонов выросло «в политической атмосфере» Германской империи и стало еще более тесно связано с ней благодаря опыту Первой мировой войны. Однако аннексия территорий поставила вопрос перед населением: следовать немецкому образцу национального государства и отстаивать свою старую национальную принадлежность или

признать бельгийскую государственную идею, которая предполагала политическую лояльность и внимание к языковым и культурным корням в рамках концепции «бельгийской нации» [16, с. 209–210]. Эта концепция является частью национального государства Бельгии, где, несмотря на многоязычие, нет указаний на различия между отдельными национальными группами, что отражено в бельгийской Конституции 1831 года. В частности, в статье 25 говорится о «нации» в политическом и конституционном смыслах [10].

Внутренняя проблема бельгийского государства, противоречия его конституционного устройства, особенности этнолингвистического состава ставят под сомнение то, в какой степени конституция, традиции и политическое устройство способствовали или препятствовали ассимиляции населения Эйпен-Мальмеди.

В этом контексте К. Пабст поднимает вопросы, связанные с возможностью эволюции политической структуры, которая учитывала бы этнолингвистические особенности Эйпен-Мальмеди и проживающего там населения, связанные с существованием старобельгийского языка на этой территории.

С присоединением Эйпен-Мальмеди внутренние проблемы государства и «бельгийской нации» стали очевидными. Требования к языковой и политической толерантности «старых» национальностей, а также гибкости конституционного и языкового права являлись проверкой практической эффективности государственной идеи, основанной на концепции «микрокосма Западной Европы», разработанной историком Анри Пиренном. Согласно его взглядам, этнокультурные особенности населения Бельгии сформировались под воздействием Франции и Германии. Благодаря расположению на фронтире римской и германской «рас», у жителей региона сложилась самобытная культура, впитавшая особенности соседних народов. В исследованиях А. Пиренна эти преобразования получили название «единство социальной жизни» [17].

Также К. Пабст затрагивает сложные аспекты национального вопроса в Бельгии, особенно в контексте отношений между Фландрией, Валлонией и впоследствии немецкоязычным регионом Эйпен-Мальмеди. Историк уделяет внимание политическим и культурным изменениям, произошедшим в результате интеграционных процессов и растущего влияния национал-социализма. В частности, подчеркивается, что применение принципа большинства к национальному вопросу, предполагающего регулирование Бельгией использования официального языка посредством законодательства, входило в идеи основателей бельгийского государства, однако оспаривалось теоретиками гражданского права.

Таким образом, немецкоязычное население Эйпен-Мальмеди оказалось в централизованном

государстве, что значительно ограничивало его политические права. Сложившуюся ситуацию, в которой оказались бельгийские немцы, смогла бы улучшить только поддержка хотя бы одной крупной старой бельгийской партии. От отношения к немецкоязычному населению двух крупных старых бельгийских народов, их партий и правительства зависело восприятие в Эйпен и Мальмеди идеи бельгийского государства как альтернативы идее национального государства, которыми являлись Германская империя и Веймарская республика [15].

На основании проведенного с использованием источников анализа К. Пабст выделял три исторических этапа интеграции немецкоязычной территории в состав Бельгии, которые характеризуются разными взаимоотношениями между Эйпен-Мальмеди, Германией и «старой Бельгией» [16, с. 211–212].

«Переходный период» между 1920 и 1925 годом характеризуется стремлением интегрировать кантоны Эйпен-Мальмеди в национальную политическую систему и культурную среду. Эти территории имели особый статус, выходящий за рамки бельгийской конституции, и находились под прямым управлением Парламента: под руководством Верховного комиссара восточных кантонов Бельгии Германа Балтии законодательство, экономика и система образования постепенно были приведены в соответствие с бельгийскими стандартами [16, с. 212].

Межвоенный период с 1925 по 1933 год характеризуется восстановлением политической жизни немецкоязычного региона, что было обусловлено упразднением временной администрации. На этом этапе наметилось разделение населения на «немецкое» и «бельгийское» по лингвокультурным особенностям. Также возросло влияние бельгийской национальной идеи, а прогерманское национал-социалистическое течение «Движение за родину» (Heimatabewegung)⁴ приобрело прочную организационную форму [16, с. 212].

Наконец, период после 1933 года К. Пабст охарактеризовал усилением национал-социалистической идеологии в регионе, поэтому выбор между Германией и Бельгией: между национальным (моноэтническим) (Nationalstaat) и многонациональным (полиэтническим) государством (Nationalitätenstaat), неоднократно накладывался на мировоззренческий выбор: за или против национал-социализма. Бельгийская политика пыталась адаптироваться под «Движение за родину», которое с 1933 года становилось все более радикальным [16, с. 212].

К. Пабст смог выявить влияние исторически сложившейся формы государственного устройства

⁴ «Движение за родину» (Heimatabewegung) – движение конца XIX века в Германии, целью которого было укрепление национальной идентичности и которое в конечном счете привело к созданию многочисленных региональных ассоциаций.

и культурной политики, проводимой Королевством, на процесс становления бельгийской и немецкой идентичности с 1920 по 1933 год. Исследователь подчеркивал, что на языковые и культурные права сообществ значительное влияние оказывали различные политические течения и идеологии.

Бельгийский историк К. Брюль рассуждает о том, что положение Эйпен-Мальмеди и его жителей является результатом обострения национализма не только немецкого, но и бельгийского, а также следствием слабости и хрупкости демократии [8]. Среди территорий, которые Германия была вынуждена уступить Бельгии после Первой мировой войны, особую роль играет кантон Мальмеди. Две трети его населения говорили по-французски (на валлонском диалекте). Языковая ситуация в Мальмеди отличалась от ситуации в двух других приобретенных Бельгией немецкоязычных кантонах – Эйпене и Сен-Вите. Ученый пытается проследить политическую и социальную историю трех Восточных регионов: Эйпена, Мальмеди и Сен-Вит за годы, предшествовавшие окончанию Первой мировой войны, и до Второй мировой войны, уделяя при этом особое внимание ситуации в Мальмеди.

К. Брюль пишет об образе Бельгии как «государстве-мученике» применительно к вторжению в страну в августе 1914 года, когда ее нейтралитет был нарушен Германией. В связи с этим автор указывает на понимание среди стран-союзников ситуации относительно бельгийских требований по планам в отношении репараций.

Бельгийская делегация, направленная на Парижскую мирную конференцию в 1919 году для решения вопросов репараций и территориальных компенсаций в отношении государства, во главе с министром иностранных дел Полем Имансом, министром юстиции Эмилем Вандервельде и дипломатом Жюлем ван ден Хёвелем, понимала, что планы по присоединению фламандской части Нидерландов и Люксембурга не будут осуществлены [11]. Однако «деаннексия» в прошлом прусских территорий проходила успешно и была исторически обоснована: территория нейтрального Моресне, которая ранее находилась в совместном ведении Бельгии и Пруссии, отошла к Бельгии без обсуждения. После тяжелых переговоров к территории Бельгии были присоединены немецкие кантоны Эйпен-Мальмеди. По мнению К. Брюлля, «деаннексия» Мальмеди была оправдана «валлонским характером» [7, с. 5].

Согласно Версальскому договору, заключенному 28 июня 1919 года, кантоны Эйпен-Мальмеди были переданы в ведение Бельгии, а статья 34 гласила, что «Германия отказывается от всех прав и претензий на всю территорию кантонов Эйпен и Мальмеди в пользу Бельгии» [18]. К. Брюль пишет, что «для сохранения видимости

права народов на самоопределение» население Эйпен-Мальмеди могло письменно заявить свое несогласие с этим решением [7, с. 5]. До ратификации Версальского договора 10 января 1920 года территория находилась под суверенитетом Германии.

Так, население Эйпен-Мальмеди могло письменно опротестовать аннексию этих территорий путем поименной регистрации голосов их жителей. Результаты голосования правительство Эйпен-Мальмеди должно было изложить Лиге Наций, которая бы приняла окончательное решение по вопросу инкорпорации земель в состав Бельгии.

Присоединение немецкоязычных кантонов было сложным процессом, не поддерживавшимся основной массой населения Эйпен-Мальмеди. Первые протесты против присоединения региона к Бельгии были опубликованы в газете *Le Peuple* [7, с. 8]. В частности, позиция была отражена Луи де Брукером, членом Бельгийской рабочей партии, который заявил, что от Германии отходят целых два кантона без предварительной консультации с местным населением, разрешая зарегистрировать свои возражения в реестрах, контролируемых бельгийским правительством, где «основные державы» будут иметь подавляющее большинство и учтут возражения по своему усмотрению [7, с. 8]. Опасения выразителей общественного мнения в журналах нашли свое отражение в результатах голосования: из 33 726 местных жителей только 271 представитель немецкоязычных территорий выразился против присоединения к Бельгии и планировал вернуться в Германию в случае аннексии.

К. Брюль отмечает роль главы правительства Эйпен-Мальмеди, Верховного комиссара, который обладал полномочиями как исполнительной, так и законодательной власти, благодаря чему имел неограниченные полномочия в регионе. Первым Верховным комиссаром был назначен Герман Балтия (1863–1935 гг.), повлиявший на развитие немецкоязычных территорий и разрешение языкового вопроса. Г. Балтия уважал культурные ценности региона и проживавшего там населения и благодаря его содействию была выпущена прокламация, в которой были прописаны гарантии уважения немецкого языка, религии и государственного образования. Однако Брюль указывает на то, что цензура прессы была латентная, а неофициальная, что влияло на пересмотр последствий Первой мировой войны и Версальского договора [9].

С вступлением в силу закона от 6 марта 1925 года территория Эйпен-Мальмеди окончательно была присоединена к Королевству Бельгия, а временная администрация Балтии была прекращена.

Не менее существенный вклад в изучение вопроса присоединения к Бельгии немецкоязычных территорий внес ирландский историк Винсент О'Коннелл, который анализирует историю немецкоязычного населения Бельгии под другим углом.

Его исследования посвящены истории формирования понятия «Эйпен-Мальмеди», основанного на разделении территорий по лингвистическим признакам, формировании языковых меньшинств и установлении новых традиций и ценностей [13].

Он подчеркивает, что история Эйпен-Мальмеди отражает не только изменение политических границ, но и сложные культурные и языковые аспекты, оставившие след на идентичности местного населения, которое неоднозначно отреагировало на аннексию немецкоязычных территорий. С одной стороны, жители стремились к сохранению своей культурной идентичности и языка. С другой стороны, они были готовы принять вхождение в состав нового государства, но испытывали опасения насчёт сохранения своей немецкой идентичности [14].

В период нахождения Эйпен-Мальмеди в составе Германии в регионе была реализована культурная политика, направленная на формирование культурно однородной немецкой нации⁵. Были введены запреты на употребление всех языков, кроме немецкого, а нарушители преследовались по закону. Указанные требования распространялись и на школы, в которых осуществлялось организованное подавление французского и валлонского языков: образовательная политика заключалась не в сохранении языков национальных меньшинств, а в популяризации немецкого. После начала Первой мировой войны судьба приграничных кантонов вновь оказалась под вопросом. Некоторые жители этих регионов приветствовали инициативу стать бельгийскими гражданами, но большинство понимало, что существует высокий риск утраты принятой ими немецкой идентичности [13, с. 7].

На Парижской мирной конференции бельгийские представители имели высокие ожидания по компенсациям из-за понесенного ущерба в ходе Первой мировой войны. В результате Версальского договора к Бельгии отошли немецкие пограничные территории Эйпен-Мальмеди, а также Мореснет. Историк Винсент О'Коннелл рассматривает эти территории как «не более чем скудные крохи утешения, упавшие со стола послевоенных переговоров» [13, с. 15]. Более того, будущий губернатор Эйпен-Мальмеди Герман Балтия считал, что передача Бельгии столь незначительной части земель сродни «предоставлению гурману кости для жевания» [13, с. 15]. Однако, несмотря на все изменения и политические маневры, экономические и культурные факторы привели к тому, что переданные территории стали источником конфликтов как внутри самого государства, так и между Бельгией и Германией.

В исследованиях Винсента О'Коннелла подчеркивается важность исторического контекста, в них рассматриваются проблемы идентичности, культурной и языковой политики, которые остаются проблемными областями и в современной Бельгии.

В сборнике документов из государственных архивов в Эйпене и Ахене, составленном бельгийскими учёными Элс Херребут, Томасом Мюллером, Питером Квадфлигом, вышедшем в 2020 году под редакцией Рене Роркампа, подчеркивается мысль о том, что кантоны Эйпен-Мальмеди являются историческими территориями Королевства и изначально входили в состав бельгийских земель, которые были ошибочно переданы Пруссии [12]. Этот вопрос включает в себе несколько проблем, требующих глубокого анализа.

Составители сборника пришли к следующим выводам: последствия положений Версальского договора отразились на целостности Бельгии; была присоединена территория Эйпен-Мальмеди с этническим немцами в качестве компенсации за нанесенный Германским рейх ущерб. Это показывает, как малые государства формируют свои стратегические интересы и апеллируют к истории для оправдания территориальных требований.

Во-первых, следует уделить внимание исторической принадлежности территорий, входивших в состав Германской империи с 1871 года. Важным аспектом является то, что границы административного округа Аахен и прусской Рейнской провинции формировали не только геополитическую ситуацию в регионе, но и определенные экономические и культурные связи. При этом нейтральная территория Моресне, статус которой не был определен на Венском конгрессе 1815 года и которая находилась в Condominiumе между Германией и Бельгией с момента независимости Бельгии от Нидерландов, оставалась важным элементом в понимании конфликта между этими двумя странами [12, с. 10].

Во-вторых, с началом Первой мировой войны восточная граница Бельгии превратилась в жесткий закрытый барьер. Все действия Германии против Бельгии, а именно военное вторжение на территорию государства, которое нарушило международное право, оккупация, военные преступления и другие незаконные действия положили конец дипломатическим отношениям двух стран.

В-третьих, по результатам Версальского договора Бельгия получила территориальные компенсации за ущерб, причиненный ей Германией в ходе Первой мировой войны. Территориальные интересы Бельгии заключались в расширении национальных границ за счет включения в состав страны кантонов Эйпен, Мальмеди и частей округов Шлейден и Битбург. Программа максимальных требований предусматривала аннексию или, по крайней мере, федеративное присоединение всей

⁵ Осуществление этой политики происходило в рамках «Культуркампа», инициированного О. Бисмарком и включала в себя требования по «германизации» всех сфер общественной деятельности, в том числе культурной, а также борьбу против власти католической церкви в Германской империи.

немецкой территории на левом берегу Рейна и включение Великого Герцогства Люксембург и голландской провинции Лимбург в состав Бельгии [12, с. 14].

Помимо стратегических соображений, направленных на защиту от германской агрессии, эти требования основывались также на экономических, лингвистических и исторических соображениях. В частности, в отношении кантонов Эйпен и Мальмеди утверждалось, что их присоединение к Бельгии будет являться «деаннексией» территорий, изначально принадлежавших Королевству, которые были ошибочно переданы Пруссии Венским конгрессом в 1815 году [12, с. 14].

Изучение территориальных притязаний Бельгии на немецкоязычные области Эйпен-Мальмеди в контексте Версальского договора подчеркивает сложную сеть исторических, культурных и политических факторов, повлиявших на формирование внешней политики Королевства. Данный анализ позволяет глубже понять, как малые государства формируют свои стратегические интересы в условиях конфликтных ситуаций и как историческая справедливость может служить оправданием для территориальных требований в рамках сложившейся политической конъюнктуры.

Выводы

Краткий обзор отечественной историографии по вопросу присоединения немецкоязычных территорий Эйпен-Мальмеди к Бельгии показывает, что вопреки изученности отдельных аспектов проблемы комплексное исследование ранее не проводилось, несмотря на научную необходимость этого. В трудах как российских, так и зарубежных ученых зачастую не обозначены трудности и особенности, связанные с передачей немецкоязычной территории Бельгии, не учитывается правовой аспект присоединения регионов, связанных с языком, образованием, социальной и другими сферами, необходимыми для обеспечения жизнедеятельности немецкоязычных кантонов Эйпен-Мальмеди.

Обзор зарубежной историографии выявляет широкий спектр существующих лагун, в частности, потребность в изучении эволюции положения немецкоязычного меньшинства в Королевстве Бельгия и изучении архивных документов межвоенного периода на немецкоязычных территориях. Проведение комплексного анализа присоединения немецкоязычных территорий Эйпен-Мальмеди, фундированного на архивных материалах, позволит сделать существенный вклад в изучение истории Королевства Бельгия в Новейшее время.

Таким образом, актуальность и значимость исследования территориальных притязаний Бельгии на немецкоязычные кантоны Эйпен-Мальмеди состоят в том, что не до конца исследована языковая политика, повлиявшая на развитие национал-социалистических идей; не освещена проблема

голосования местного населения за или против вхождения в Бельгию; не рассмотрены языковые вопросы, повлиявшие на культурную жизнь региона; не изучена общественно-политическая жизнь местных немцев в межвоенный период. Существующие проблемы подчеркивают необходимость дальнейшего изучения как историко-правовых, так и культурно-языковых аспектов вопроса присоединения немецкоязычных территорий к Бельгии.

Литература

1. Намазова, А. С. Бельгия: эволюция государственности в XVIII–XX веках / А. С. Намазова. – М. : Наука, 2008. – 390 с.
2. Намазова, А. С. Германские планы в отношении Бельгии и их осуществление накануне Первой и Второй мировых войн / А. С. Намазова // Феномен мировых войн в истории XX века : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. – Воронеж : Научная книга, 2017. – С. 51–59.
3. Намазова, А. С. Лингвистический раскол и особенности распространения фашизма в Бельгии (1919–1945 гг.) / А. С. Намазова // Фашизм, неофашизм и их преступная практика : сборник статей памяти Елены Дмитриевны Строгановой ; отв. ред. А. А. Богдашкин. – М. : Весь Мир, 2021. – С. 256–281.
4. Хорошева, А. О. Бельгия после Версальского мира: от нейтралитета к политике независимости / А. О. Хорошева // Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие : сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции. – Воронеж : Научная книга, 2018. – С. 178–194.
5. Хорошева, А. О. Внешняя политика Бельгии накануне и во время Первой мировой войны / А. О. Хорошева. – М. : ИВИ РАН, 2007. – 295 с.
6. Хорошева, А. О. От Версаля до Локарно: Бельгия в системе международных отношений после Первой мировой войны / А. О. Хорошева // История. – 2019. – Вып. 11 (85). – С. 10.
7. Brüll, C. 'Eupen-Malmedy 1918–1945 : Le temps des déchirures' in *Hommage à Henri Bragard, 1877–1944* / C. Brüll // *Scientific Congresses and Symposiums : Collection 'Mémoire wallonne'*. – 2009. – 13. – P. 11–37.
8. Brüll, C. *Un passé mouvementé: l'histoire de la Communauté germanophone de Belgique* / C. Brüll // *La Communauté germanophone de Belgique* ; ed. K. Stangherlin. – Bruxelles : La Chartre, 2005. – P. 17–47.
9. Brüll, C. *Zoom 1920–2010. Nachbarschaften neun Jahrzehnte nach Versailles* / C. Brüll. – Eupen : Grenz-Echo, 2012. – 207 p.
10. *Constitution belge, 1831*. – URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/be1831.htm>.
11. Devleeshouwer, R. *L'opinion publique et les*

revendications territoriales belges à la fin de la Première Guerre mondiale 1918–1919 / R. Devleeshouwer // Sur l'histoire et le present: Liber amicorum. – 1968. – P. 207–238.

12. Herrebout, E. Zwischen Belgien und Deutschland: Quellen aus dem Stadtarchiv Aachen und dem Staatsarchiv in Eupen zum Staatswechsel Eupen-Malmedys 1919–1925 / E. Herrebout, P. M. Quadflieg, T. Müller, R. Rohrkamp. – Aachen : Stadtarchiv Aachen, 2020. – 245 p.

13. O'Connell, V. "Left to Their Own Devices". Belgium's Ambiguous Assimilation of Eupen-Malmedy (1919-1940) / V. O'Connell // Journal of Belgian History. – 2013. – № 43 (4). – P. 10–45.

14. O'Connell, V. The Annexation of Eupen-Mal-

medy: Becoming Belgian, 1919–1929 / V. O'Connell. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2017. – 331 p.

15. Pabst, K. Das Problem der deutsch-belgischen Grenze in der Politik der letzten 150 Jahre / K. Pabst // Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins. – 1966. – Bd. 77. – S. 183–210.

16. Pabst, K. Eupen-Malmedy in der belgischen Regierungs- und Parteienpolitik 1914–1940 / K. Pabst. – Aachen : Metz, 1964. – 309 p.

17. Pirenne, H. Histoire de Belgique. Des origines au commencement du XIVe siècle / H. Pirenne. – Bruxelles : Henri Lamertin, 1900. – 431 p.

18. The Versailles Treaty June 28, 1919. – URL: https://avalon.law.yale.edu/subject_menus/versailles_menu.asp (дата обращения: 26.06.2022).

Молодцова Анна Васильевна – аспирант кафедры всеобщей истории, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: a-molodtsova99@mail.ru

Поступила в редакцию 9 апреля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250204

HISTORIOGRAPHICAL ASSESSMENTS OF THE ANNEXATION OF GERMAN-SPEAKING TERRITORIES TO BELGIUM

A. V. Molodtsova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

The problem of the annexation of German-speaking territories to the Kingdom of Belgium in the interwar and war periods of the 20th century remains a poorly studied topic in Russian historiography to this day. However, there are a number of Russian scientists who have touched upon the issue of the annexation of the Eupen-Malmedy cantons to Belgium in the context of studying the history of the state in 1918 and 1939–1945, the linguistic split and the consequences of the First and Second World Wars.

Interest in the issue of foreign historiography is due to timeless relevance of the topic for the state itself, its political and scientific figures, associated with the change of the national border in the history of Belgium. This is especially relevant for a small region on the border of Germany and Belgium, the history of which over the past 100 years has been so rich that this territory has formed into a full-fledged German-speaking community and for half a century has been a territory with legislative sovereignty and endowed with an unregistered status of autonomy.

Within the framework of the article, the author for the first time conducts a historiographical study related to the study of the problem of the annexation of the German-speaking territories of Eupen-Malmedy to Belgium. The scientific article is intended to show the degree of study of the issue in both domestic and foreign historiography.

Keywords: German-speaking territories, Eupen-Malmedy, the First World War, the Second World War, historiography, Belgium.

References

1. Namazova A.S. Bel'gija: jevoljucija gosudarstvennosti v XVIII–XX vekah [Belgium: the Evolution of Statehood in the 18th–20th Centuries]. Moscow: Science. 2008. 390 s.
2. Namazova A.S. Germanskie plany v otnoshenii Bel'gii i ih osushhestvlenie nakanune Pervoj i Vtoroj mirovyh vojn [German Plans for Belgium and Their Implementation on the Eve of the First and Second World

Wars] // *Fenomen mirovykh voin v istorii XX veka: materialy Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii*. Voronezh: Science book, 2017. S. 51–59.

3. Namazova A.S. Lingvisticheskij raskol i osobennosti rasprostraneniya fashizma v Bel'gii (1919–1945 gg.) [Linguistic Split and Features of the Spread of Fascism in Belgium (1919–1945)] // *Fashizm, neofashizm i ikh prestupnaya praktika: sbornik statei pamyati Eleny Dmitrievny Stroganovoi*; otv. red. A.A. Bogdashkin. Moscow: All World, 2021. P. 256–281.

4. Horosheva A.O. Bel'gija posle Versal'skogo mira: ot nejtraliteta k politike nezavisimosti [Belgium after the Versailles Peace: from Neutrality to a Policy of Independence] // *Itogi i posledstviya Pervoi mirovoi voiny: vzglyad cherez stoletie: sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii*. Voronezh: Science book, 2018. S. 178–194.

5. Horosheva A.O. Vneshnjaja politika Bel'gii nakanune i vo vremja Pervoj mirovoj vojny [Foreign Policy of Belgium before and during the First World War]. Moscow: IVI RAN. 2007. 295 p.

6. Horosheva A.O. Ot Versalja do Lokarno: Bel'gija v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij posle Pervoj mirovoj vojny [From Versailles to Locarno: Belgium in the System of International Relations after the First World War] // *Istoriya*. 2019. № 11 (85). P. 10.

7. Brüll C. 'Eupen-Malmedy 1918–1945: Le Temps des Déchirures' in Hommage à Henri Bragard, 1877–1944 // *Scientific Congresses and Symposiums: Collection 'Mémoire wallonne'*. 2009. 13. P. 11–37.

8. Brüll C. Un Passé Mouvementé: L'histoire de la Communauté Germanophone de Belgique // *La Communauté germanophone de Belgique*; ed. K. Stangherlin. Bruxelles: La Charte. 2005. P. 17–47.

9. Brüll C. ZOOM 1920–2010. Nachbarschaften neun Jahrzehnte nach Versailles. Eupen: Grenz-Echo. 2012. 207 p.

10. Constitution belge, 1831. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/be1831.htm>.

11. Devleeshouwer, R. L'opinion publique et les revendications territoriales belges à la fin de la Première Guerre mondiale 1918–1919 // *Sur l'histoire et le présent: Liber amicorum*. 1968. P. 207–238.

12. Herrebout E. [et al.]. Zwischen Belgien und Deutschland: Quellen aus dem Stadtarchiv Aachen und dem Staatsarchiv in Eupen zum Staatswechsel Eupen-Malmedys 1919–1925. Aachen: Stadtarchiv Aachen. 2020. 245 p.

13. O'Connell V. "Left to Their Own Devices". Belgium's Ambiguous Assimilation of Eupen-Malmedy (1919–1940) // *Journal of Belgian History*. 2013. № 43 (4). P. 10–45.

14. O'Connell V. The Annexation of Eupen-Malmedy: Becoming Belgian, 1919–1929. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. 331 p.

15. Pabst K. Das Problem der Deutsch-Belgischen Grenze in der Politik der Letzten 150 Jahre // *Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins*. 1966. Bd. 77. S. 183–210.

16. Pabst K. Eupen-Malmedy in der belgischen Regierungs- und Parteienpolitik 1914–1940. Aachen: Metz. 1964. 309 p.

17. Pirenne H. Histoire de Belgique. Des Origines au Commencement du XIVe Siècle. Bruxelles: Henri Lamertin. 1900. 431 p.

18. The Versailles Treaty June 28, 1919. URL: https://avalon.law.yale.edu/subject_menus/versailles_menu.asp (date of accessed: 26.06.2022).

Anna V. Molodtsova – Postgraduate Student of the Department of World History, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), e-mail: a-molodtsova99@mail.ru

Received April 9, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Молодцова, А. В. Историографические оценки присоединения немецкоязычных территорий к Бельгии / А. В. Молодцова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 32–40. DOI: 10.14529/ssh250204

FOR CITATION

Molodtsova A. V. Historiographical assessments of the annexation of German-speaking territories to Belgium. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 32–40. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250204

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИКОНОГРАФИИ «О ТЕБЕ РАДУЕТСЯ»

М. Л. Акульшина

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Изучение гимнографических текстов остается актуальной проблемой в отечественной и зарубежной науке. В данной статье акцентируется внимание на гимне «О Тебе радуется» и соответствующем иконографическом изображении с аналогичным названием. В ходе анализа рассматриваются основные этапы развития иконографического типа «О Тебе радуется», связанного с именем богослова Иоанна Дамаскина, а также исследуется образно-смысловое содержание элементов данного типа. К важным концепциям, применяемым в исследовании, относится иконологический метод, который позволяет глубже понять символику изображений и их взаимосвязь с текстами гимна. Этот подход позволяет не только анализировать визуальные элементы, но и интерпретировать их в контексте культурных и исторических традиций, что раскрывает новые горизонты в понимании взаимосвязи между текстом и изображением. Таким образом, работа подчеркивает значимость взаимосвязи между гимнографией и иконографией как важнейшей частью духовной и культурной традиции. Исследование данной взаимосвязи позволяет расширить понимание средневековой культуры и религиозного искусства. Изучение гимнографических текстов и иконографических изображений способствует более глубокому пониманию духовного наследия и его влияния на современное искусство и культуру.

Ключевые слова: гимнографическое произведение, икона, иконография, «О Тебе радуется», гимнография.

Введение

История образа иконы «О Тебе радуется» – чудотворной иконы Божией Матери – уходит своими корнями в далекие VII–VIII вв., во времена, когда жил богослов преп. Иоанн Дамаскин. Именно он считается автором гимнографического текста, священной песни, прославляющей Богородицу. На основании этого гимна, но позже был написана иконографическая композиция, получившая название по первой строке песнопения «О Тебе радуется». Цель статьи – рассмотреть вопрос о происхождении иконы «О Тебе радуется», отметить основные вехи в истории её иконографии.

Термин «иконаграфия» охватывает не входящие в Библию поэтические тексты, которые созданы для исполнения в конкретные моменты христианского богослужения. В соответствии с церковным Уставом, эти тексты читаются, либо если они положены на распевы, то исполняются вокально, хорами певчих. Таким образом, иконаграфия представляет собой религиозную поэзию, сочиненную для использования в храмах [1]. Произведения иконаграфии представляют собой песнопения различных жанров, возникших благодаря труду церковных авторов – иконографов. Иконаграфия собрала в себе многовековой духовный опыт Церкви и отразила его в процессе исторического развития. В отличие от песен, записанных в Священном Писании и появившихся ещё в библейские времена, иконаграфические произведения не обладают тем же статусом, что и библейские тексты,

однако они демонстрируют богатое наследие духовной практики и служения Церкви. Иконаграфия не только служит важным элементом богослужений, но и отражает уникальные аспекты вероисповедания и духовной культуры.

Вернемся к тексту гимна «О Тебе радуется», послужившего основой иконаграфии соответствующего иконописного образа, посвященного Божией Матери. Преподобным Иоанном Дамаскином [2] он был включен в состав богослужебной книги Октоих, которая включает в себя различные гимнографические сборники и циклы. Воскресные песнопения Октоиха, особенно *стихиры*, занимают особое место в православной иконаграфии. Эти тексты получили широкое признание благодаря их духовной ценности и высокому художественному уровню. Существует устойчивая точка зрения, что ключевые песнопения были созданы святым Иоанном Дамаскином, хотя как сборник Октоих содержит произведения различных авторов. Мотивом к написанию хвалебной песни «О Тебе радуется» стало чудесное исцеление Богородицей руки преподобного. В житийной литературе можно найти поразительное повествование о том, как он не только обрел божественное исцеление по молитвам к Богородице, но и впоследствии стал иконографом, создающим церковные песнопения. Рассказ об этом содержится также во «Временнике» Григория Монаха («Хроника» Георгия Амартола), а также самостоятельно прослеживается в рукописной традиции [3]. Высокое произведение

великого гимнографа и послужило основой для происхождения иконы «О Тебе радуется».

Обзор литературы

Одним из первых на этот иконографический тип обратил внимание А. Грабар, рассматривавший его среди сюжетов, возникших на Руси и получивших затем распространение в поствизантийском искусстве и позднесредневековом искусстве Балкан [4]. Еще раньше основные истоки этой иконографии были проанализированы в статье Е. В. Георгиевской-Дружининой [5], посвященной композициям на иконографические тексты в росписях Ферапонтова монастыря. Этой теме также была посвящена работа Е. В. Дувакиной, в которой обозначается связь композиции «О Тебе радуется» с центральным моментом литургии [6], что объясняет ее особую распространенность в иконографии. Некоторые ценные наблюдения были высказаны Т. В. Толстой. Исследователь ссылается на предыдущие исследования, уточняя причины появления иконографии «О Тебе радуется» в конце XV – начале XVI вв. [7]. Л. В. Нерсисян конкретизирует описания икон, а также выделяет новые причины распространенности данной иконографии, связанные с содержанием гимна и особенностями его интерпретации в определенном историческом и культурном контексте [8]. Статья А. В. Васильевой посвящена идейному переосмыслению алтарной композиции «О Тебе радуется», обусловленному богослужебным контекстом. Автор утверждает, что иконография «О Тебе радуется» имеет собирательный образ Божественной литургии, Богородица являет собой обобщенный образ богослужения, а фреска имеет символику Жертвы Христовой [9]. В монографии Д. Н. Беловой дается подробное описание духовно-эстетических основ образа Богородицы в живописи Древней Руси [10]. Л. Б. Сукина вносит принципиально новый аспект в изучение иконографии «О Тебе радуется», рассматривая композицию через призму православного средневекового социума в московской культуре конца XV – начала XVI вв. Автор указывает на историческую связь икон «О Тебе радуется» с социокультурной и религиозной действительностью Московского государства [11].

Методы исследования

В основе исследования лежит иконографический метод, задачей которого является построение типологически близких рядов композиций «О Тебе радуется». В нашей работе мы прослеживаем историю происхождения иконографии «О Тебе радуется», ее преобразований, которые вносили различные иконописцы как на Руси, так и в других странах [12].

Результаты и дискуссия

Тема происхождения иконографического типа «О Тебе радуется» продолжает интересовать исследователей. Н. П. Кондаков высказывал мнение о том, что его корни лежат в византийском искус-

стве, откуда он распространился в русские иконописные школы в XV в. [13]. Большинство ученых утверждает, что появление русских икон под названием «О Тебе радуется» приходится на период между концом XV и началом XVI в. [8]. Эти религиозные произведения были едины в композиционном устройстве: в верхней части изображалась Пресвятая Богородица, восседающая на троне, на Ее коленях – благословляющий Иисус, держащий в руках свиток. Их фигуры окружены сиянием и ангельским воинством. Позади этой группы художники размещали пятиглавый храм в райских садах. Символическое изображение небосвода в форме полукруга венчает всю композицию. Земную часть иконы занимают ряды всех святых, выстроенные в несколько ярусов согласно церковной иерархии. Среди них особое место отведено создателю песнопения, Иоанну Дамаскину, который держит развернутый свиток. Такая иконографическая схема воплощает основную мысль песнопения о грядущем райском блаженстве праведников в Небесном Царстве [8].

Наиболее древние упоминания о данном художественном произведении относятся к началу XVI в. и связаны с фреской, находящейся в соборе Рождества Богородицы, который является частью Ферапонтова монастыря, датируемого 1502 г. (рис. 1). Эта фреска, расположенная в непосредственной близости от изображения «Покрова Богородицы», играет ключевую роль в акцентировании идеи защиты и покровительства Пресвятой Богородицы [8].

Рис. 1. Дионисий. О Тебе радуется. Ферапонтов монастырь. Фреска. 1502

Fig. 1. Dionysius. All Creation Rejoices. Ferapontov Monastery. Fresco. 1502

В XVI столетии образ «О Тебе радуется» получил значительное распространение в русской иконописи. В этот период Московская школа иконописи (нач. XVI в.) испытывала сильное воздействие иконографии Успенского собора Московского Кремля (рис. 2). Это влияние признавалось и в работах других мастеров, например, в иконе из Успенского собора в Дмитрове и в творчестве

Дионисия, чья композиция в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря демонстрировала смешение элементов, характерных для новгородской школы иконописи. За пять веков изображение «О Тебе радуется» не появлялось в храмовой живописи и на иконостасах. Мастер Дионисий стал одним из зачинателей этой иконографической темы, стремясь через неё высказать концепции национального согласия в рамках византийской эстетики. Это было основано на концепте симфонии между государством и церковью, заложенном императором Юстинианом. Н. Покровский, однако, замечает интересную подробность: «Композиция “О Тебе радуется” появилась в древнерусской иконописи в конце XV в. и получила широкое распространение в искусстве XVI–XVII вв. Древнерусские мастера, вероятно, первыми объединили классические византийские иконографические элементы, создав уникальную интерпретацию образа Богоматери. При этом каждый отдельный компонент композиции сохранил свои традиционные корни» [14].

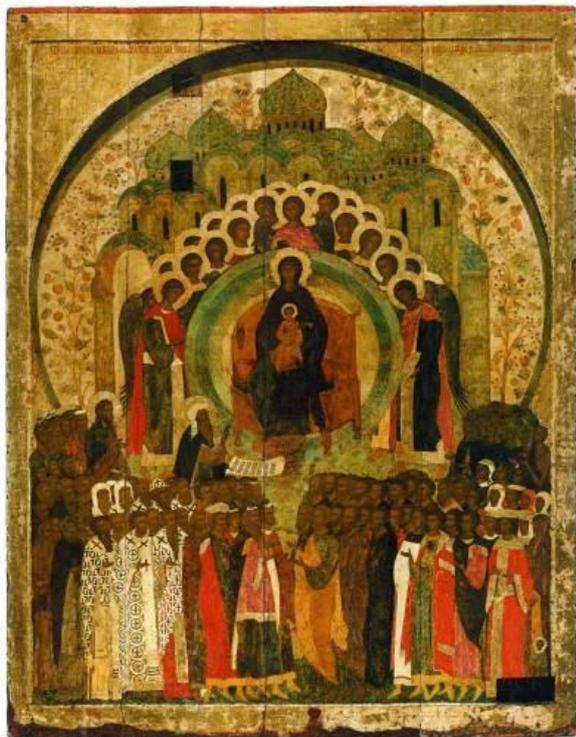

Рис. 2. Неизвестный иконописец. О Тебе радуется. Икона. Окл. 1500 г. Успенский собор Московского Кремля
Fig. 2. Unknown icon painter. All Creation Rejoices. Icon. Around 1500. Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin

В XVI столетии иконописцы центральной Руси, хотя и были знакомы с традициями псковской школы, при создании масштабных икон преимущественно следовали канонам новгородского письма. Творческое переосмысление композиционных решений XV в. можно наблюдать в иконописных работах, хранящихся сегодня в нескольких

музеях: Государственной Третьяковской галерее (иконы из Пафнутьево-Боровской обители), Муромском историко-художественном музее, а также в собрании Государственного музея-заповедника «Коломенское». В XVI столетии псковские земли обогатились образцом, объединившим традиции московской и новгородской школ. Что касается Новгорода, то здесь композиция «О Тебе радуется» не только обрела дополнительные детали, но и существенно видоизменилась в плане художественного исполнения. Живописные работы и небольшие скульптуры вологодских мастеров опирались на традиционные композиционные решения.

В Московском государстве во второй половине XVI в. произошло значительное развитие иконописного сюжета «О Тебе радуется». Изображение обогатилось новыми элементами – чином Небесных сил, которые располагались полукругом вокруг «словесного рая». Тема спасения души также нашла отражение в этой иконографии. В частности, на двух известных иконах того периода – в Соловецком монастыре (конец XVI в.) и в Ильинской церкви Вологды (1550–1575 гг.) – можно увидеть сотериологические элементы иконографии – изображения праведных душ и невинноубиенных, представленных в образе младенцев. Эти работы сейчас хранятся в Государственном музее Московского Кремля и Вологодском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике соответственно.

Иконописцы Новгорода и Средней Руси внесли значительные изменения в традиционное изображение. Они начали представлять ангельские крылья в распахнутом виде, подчеркивая тем самым важность небесного посредничества между человечеством и Всевышним. Также мастера отказались от изометрического изображения храма, предпочитая фронтальный ракурс, что особенно заметно на иконе, созданной в Пафнутиевом Боровском монастыре. В этих работах сфера с образом Богоматери поддерживается ангелами, чьи расправленные крылья стали характерной особенностью новой иконописной традиции. В истории христианства особая роль отводилась Русской Церкви, что наглядно отражалось в иконописи. Мастера Новгорода и центральной Руси подчеркивали это, помещая изображения почитаемых русских святых на передний план среди других предстоящих фигур (рис. 3). Примерами такой традиции служат как икона из Государственного Русского музея, так и образ, созданный около 1558 г. для церкви святых апостолов Петра и Павла в Кожевниках, ныне хранящийся в Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике [15].

Две иконы конца XVI в. демонстрируют интересную особенность – присутствие образа святого Иоанна Крестителя как Ангела пустыни. Это изображение, ставшее традиционным для иконографии «О Тебе радуется» только в XVII столетии,

появилось здесь раньше, вероятно, из-за патрональных соображений. Речь идет о произведениях из разных регионов: одна икона хранится в Архангельском музее изобразительных искусств и происходит из церкви Богоявления села Ухтостров, другая находится в Успенском соборе Свяяжского Богородицкого монастыря и предположительно создана московским мастером. Несмотря на различия в художественной манере и трактовке образов, эти иконы объединяет расположение фигуры Иоанна Крестителя – над предстоящими, напротив святого Иоанна Дамаскина.

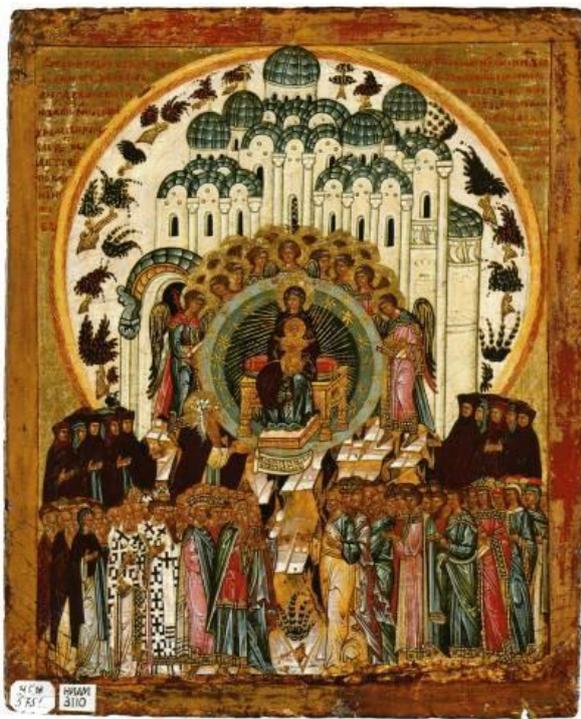

Рис. 3. Неизвестный иконописец. О Тебе радуется. Икона. К. XV – нач. XVI в. Новгород
Fig. 3. Unknown icon painter. All Creation Rejoices. Icon. Late 15th – early 16th centuries. Novgorod

Иконописцы часто размещали композицию «О Тебе радуется» в нижнем местном ряду иконостаса. На рубеже XVI–XVII столетий мастера начали включать этот сюжет в изображения, связанные с архангельскими праздниками и пасхальными событиями. Примером такого сочетания служит работа годуновских иконописцев, некогда хранившаяся в коллекции И. С. Остроухова, а ныне находящаяся в Третьяковской галерее.

В период с XVI до начала XVII столетия несколько храмов были расписаны композицией «О Тебе радуется». Среди них особенно примечательны Благовещенский собор в Кремле Москвы и Свяяжский Успенский собор Богородицкого монастыря. В первом случае роспись (1547–1551 гг.) разместили на западной стене, северней портала. Во втором храме около 1605 г. на западной стене вместо привычного «Страшного Суда» появилась

вариация «Что Ти принесем». Эта композиция вобрала в себя характерные элементы «О Тебе радуется», дополнив их уникальными деталями. Художники изобразили волхвов, следующих за звездой, а также символические фигуры земли и моря, возвращающих умерших. На переднем плане представлена сцена поклонения Богородице с Младенцем, где среди праведников выделяются значимые фигуры: царь Константин, князь Владимир и киевские святые Борис и Глеб.

В XVII столетии иконы с сюжетом «О Тебе радуется» получили особую популярность из-за их связи с апокалиптическими настроениями того времени. В этих произведениях райская обитель изображалась величественным многоуровневым сооружением с множеством престолов, напоминающим целый город. Художники усложняли композиционное решение, выстраивая центральную вертикаль при помощи нескольких ключевых элементов – изображений младенцев, фигуры святого Иоанна Крестителя и раскинутых крыльев ангела в центре иконы. В иконе второй четверти XVII в., хранящейся в Ярославском художественном музее, святые размещены рядами. Центральное место занимает поясное изображение Саваофа с благословляющим жестом. Справа и слева от Него расположены две фигуры: царь Давид, музицирующий на псалтери, и покаявшийся разбойник, признавший божественную природу Христа.

Иконописное искусство Урала в середине XIX столетия испытало влияние ярославской традиции. Свидетельством этого является небольшая икона формата пядницы, созданная в 1857 г. и ныне хранящаяся в музее-заповеднике Нижнего Тагила, посвященном истории горного дела на Среднем Урале.

В храмовых росписях второй половины XVII в. часто встречается композиция «О Тебе радуется» [16]. Особенно активно её использовала артель знаменитого мастера Гурия Никитина, расписавшая несколько значимых соборов: Троицкий (Кострома, Ипатьевский монастырь, 1654 г.), Крестовоздвиженский (Тутаев, 1676 г.) и Спасо-Преображенский (Суздаль, Евфимиев монастырь, 1689 г.). В этих росписях примечательно изображение святого Иоанна Предтечи Ангела пустыни в первом расширенном ряду предстоящих. Данная композиция также украшает ярославские храмы – церковь Никола Мокрого, где в 1675 г. работал мастер Д. Г. Плеханов, и церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Толчкове, расписанную в 1694–1695 гг.

XVIII столетие привнесло в изображения барочные элементы, что отразилось на одеяниях персонажей и архитектурных деталях. Примечательно, что в гравюрах той эпохи традиционные райские символы, включая многокупольные церкви и пышную растительность, уступали место архитектурным пейзажам, а традиционный образ Бога-Отца заменялся голубем – символом Святого

Духа. Такой подход можно наблюдать на работе безымянного гравёра первой трети XVIII в., которая впоследствии служила эталоном для народных картинок вплоть до 1865 г. [17]. В православном творчестве наших дней возродился интерес к данной тематике – она активно воплощается как в настенных росписях, так и в иконах.

В мировой религиозной традиции иконография «О Тебе радуется» находит своё яркое отражение в греческой иконописной школе. К примеру, в коллекции Византийского музея в Афинах представлена такая икона XV в., а творчество иеромонаха Даниила эпохи XV–XVI вв. в Великой Лавре святого Афанасия Афонского и произведения Георгия Клонцаса конца XVI в., размещённые в Музее греческого искусства Венеции и в монастыре великомученицы Екатерины на горе Синай, иллюстрируют эту тему. В XVI–XVII вв. значительное число подобных икон было найдено в афонских монастырях Дионисиат и Лесновском, а также среди работ критского художника Т. Пулакиса (1670–1690 гг.) в музее-ризнице монастыря апостола Иоанна Богослова на Патмосе. Эта композиция широко распространена и в церковной фресковой живописи, в том числе в Успенском храме монастыря Хумор (1535 г.), Благовещенской церкви в монастыре Молдовица (1532–1537 гг.), церкви Вознесения Господня в Сучевском монастыре (1596 г.), а также в Успенской церкви черногорского монастыря Пива (1604–1606 гг.) и храме Грачаницкого монастыря (1570 г.) работы сербских иконописцев [18].

Самый ранний известный пример этой композиции в древнерусской монументальной живописи – фреска начала XVI в. в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря (около 1502 г.). Размещённая рядом с «Покровом Богоматери», она подчёркивает тему заступничества Богородицы.

В XVI в. иконография «О Тебе радуется» активно развивалась в иконописи. Московская школа первой половины XVI в. находилась под влиянием образа из Успенского собора Московского Кремля. К нему близки икона из Успенского собора Дмитрова и композиция Дионисия в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря, сочетающая элементы новгородского извода (рис. 4).

Примечательно, что на протяжении пяти столетий иконографический образ «О Тебе радуется» почти не встречается в храмовых росписях и иконостазах. Дионисий был одним из первых мастеров, обратившихся к этому типу иконографии, стремясь выразить идеи государственного единства в византийском стиле, опираясь на теорию симфонии государства и церкви, идущую от императора Юстиниана. Как отмечает Н. Покровский, хотя отдельные элементы композиции восходят к византийской иконографии, соединение их в новый выразительный образ Богоматери, вероятно, произошло именно в Древней Руси в конце XV в., получив широкое распространение в XVI–XVII вв.

Рис. 4. Неизвестный иконописец. О Тебе радуется. Икона. К. XVI – нач. XVII вв.

Государственная Третьяковская галерея
Fig. 4. Unknown icon painter. All Creation Rejoices. Icon.
Late 16th – early 17th centuries. Tretyakov Gallery

Среднерусские мастера XVI в. создавали крупные образы, ориентируясь преимущественно на новгородский извод, но опираясь и на псковский. Иконы из Пафнутиева Боровского монастыря, Мурома и Государственного музея-заповедника «Коломенское» демонстрируют творческую переработку композиции предыдущего столетия.

В Новгороде иконография обогатилась новыми элементами и претерпела стилистические изменения. В Пскове известен лишь один памятник XVI в., сочетающий новгородский и московский изводы. В Вологде сюжет развивался в живописи и мелкой пластике, опираясь на уже известные композиции.

В середине – второй половине XVI в. в Московской Руси иконография «О Тебе радуется» пополнилась космогоническим элементом – чином Небесных сил, обрамляющим сферу «словесного рая». Сотериологические элементы, такие как образы душ праведных или невинноубиенных в виде младенцев, встречаются на иконах из Соловецкого монастыря и из Илиинской церкви в Вологде.

В композициях появились и другие отличия: новгородские и среднерусские иконописцы стали изображать храм фронтально, а не в изометрической проекции, а крылья ангелов, поддерживающих сферу с Богоматерью, изображали раскрытыми, подчёркивая их роль как посредников между Богом и человеком. Примеры этого можно увидеть на иконах из Государственного Русского музея и из церкви апостолов Петра и Павла в Кожевниках.

На новгородских и среднерусских иконах в первых рядах предстоящих стали изображать месточтимых русских святых, подчеркивая значимость Русской Церкви во всемирной христианской истории.

Икона из Успенского собора Богородицкого монастыря в Свяжске, вероятно, созданная мастером московской школы, и икона из Богоявленской церкви села Ухтостров отличаются по стилю письма и прочтению образов. Однако на обеих иконах над предстоящими напротив Иоанна Дамаскина изображен Иоанн Креститель, появление которого объясняется патрональным характером, поскольку его фигура прочно войдет в иконографию «О Тебе радуется» только в XVII в. В период с конца XVI до начала XVII в. иконы «О Тебе радуется» начали использоваться в оформлении праздников пасхального и страстного циклов, а также Собора архангелов. Примером может служить икона годовуновских мастеров из собрания И. С. Остроухова, ныне хранящаяся в Государственной Третьяковской галерее. Эти иконы часто занимали важное место в местном ряду иконостаса.

В монументальной живописи XVI – начала XVII в. композиция «О Тебе радуется» встречается в росписях Благовещенского собора Московского Кремля (1547–1551 гг.) и Успенского собора Богородицкого монастыря в Свяжске (около 1605 г.). В последнем на западной стене вместо традиционного «Страшного Суда» была изображена композиция «Что Ти принесем», включающая все элементы иконографии «О Тебе радуется». В ней изображены молящиеся Богородице с Младенцем праведники во главе с царем Константином, князем Владимиром, Борисом и Глебом, а также волхвы, ведомые звездой, и персонификации земли и моря, отдающие мертвецов.

В XVII в. иконы «О Тебе радуется» получили широкое распространение, что связывают с ожиданием конца света. Композиция стала более сложной и детализированной. Вертикальная ось подчеркивалась фигурками младенцев, Иоанна Предтечи и крыльями центрального ангела. Храм изображался как многоярусное, богатое сооружение, райский город. По сторонам от него писали Давида с псалтирью и Благоразумного разбойника, а в центре – благословляющего Господа Саваофа. Святые объединялись в ряды (как на иконе 2-й четверти XVII в. из Ярославского художественного музея).

В XIX в. к такому изводу в ярославской традиции обратились уральские иконописцы (икона-падница 1857 г. из Нижнетагильского музея-заповедника).

В этот период композиция «О Тебе радуется» часто использовалась в настенных росписях, например, в ярославских церквях Николы Мокрого (1675 г.) и Усекновения главы Иоанна Предтечи в Толчкове (1694–1695 гг.). В росписях артели Гурья Никитина (в соборах Ипатьевского монастыря

в Костроме, Крестовоздвиженском соборе в Тутаве и Спасо-Преображенском соборе Евфимиева монастыря в Суздале) Иоанн Предтеча изображен как Ангел пустыни (рис. 5). В Троицком соборе Ипатьевского монастыря и Спасо-Преображенском соборе этот сюжет помещен в конхе алтарной апсиды как собирательный образ литургии, и это расположение сохранилось и в дальнейшем (например, в Петропавловской церкви в с. Поречье-Рыбном).

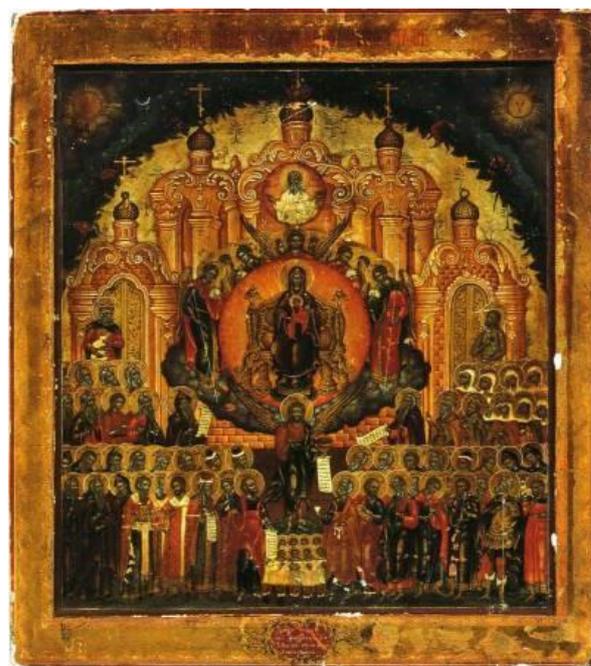

Рис. 5. Неизвестный иконописец. О Тебе радуется. Икона. 1857 г. Нижнетагильский музей-заповедник
Fig. 5. Unknown icon painter. All Creation Rejoices. Icon. 1857. Nizhny Tagil Museum-Reserve

На гравюрах XVIII в. райские атрибуты заменяли архитектурным фоном, а Господа Саваофа – изображением Святого Духа в виде голубя (гравюра 1-й трети XVIII в., послужившая образцом для лубков до 1865 г.). В костюмах и архитектуре отражалось влияние барокко. В современном православном искусстве этот сюжет вновь востребован в иконописи и стенописи.

За пределами России образ «О Тебе радуется» широко представлен в греческой иконописи: икона XV в. из Византийского музея в Афинах, работы иеромонаха Даниила (XVI–XVII вв., Великая Лавра святого Афанасия на Афоне) и Г. Клонцаса (конец XVI в., Музей греческого искусства, Венеция; 1604 г., монастырь великомученицы Екатерины на Синае). Значительное количество икон XVI–XVII вв. обнаружено в монастырях Дионисиат и Лесновского на Афоне, а также в работе критского мастера Т. Пулакиса (1670–1690 гг., музей-ризница монастыря ап. Иоанна Богослова, Патмос). Композиция также встречается в росписях храма Успения Богородицы монастыря Хумор

(1535 г.), Благовещенской церкви монастыря Молдовица (1532–1537 гг.) и церкви Вознесения Господня в монастыре Сучевитца (1596 г.), а также в церкви Успения Пресвятой Богородицы монастыря Пива в Черногории (1604–1606 гг.) и храме монастыря Грачаница (1570 г.) от сербских мастеров.

Выводы

Прослеживая историю иконографии «О Тебе радуется», мы отметили, что икона была создана на основании песнопения Иоанна Дамаскина в честь Богородицы. Первые иконы «О Тебе радуется», согласно мнению большинства исследователей, создаются на Руси в конце XV – начале XVI в. Исследуя иконографию «О Тебе радуется», отметим, что образы повторяли примерно одну и ту же схему, однако мастера-иконописцы различных школ и столетий привносили свои изменения в написание икон. Иконография «О Тебе радуется» отличается сложной композицией, где центральное место занимает Богородица с Младенцем, окруженная сонмом ангелов и святых. Композиция часто разворачивается на фоне архитектурных строений, символизирующих Царствие Небесное и Горний Иерусалим. Детали одежд, ликов и окружающего пейзажа тщательно прописывались, отражая духовную глубину и торжественность момента. С течением времени и распространением иконы по различным регионам Руси в иконографии стали появляться локальные особенности. Мастера из северных земель, например, вносили в икону элементы, отражающие местный колорит и традиции. Встречаются иконы, где в композицию добавлены сцены из жизни Богородицы или святых, особо почитаемых в данной местности. Несмотря на различия в деталях, общий смысл иконографии «О Тебе радуется» оставался неизменным: прославление Богородицы как Заступницы и Царицы Небесной, к Которой обращаются с молитвами и надеждами. Икона служила не только объектом поклонения, но и визуальным воплощением богословских идей о спасении и вечной жизни.

Литература

1. Никифорова, А. Ю. Хронотоп гимнографии / А. Ю. Никифорова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2019. – № 2 (63). – С. 125–136.
2. Zheltov, M. S. Stichera of the Sunday Octoechos in Ancient Tropology / M. S. Zheltov, D. V. Bulaev // Christian reading. – 2018. – № 3. – P. 94–111
3. Православная энциклопедия. О Тебе радуется. Л. Н. Соколова. Т. 52 : Ной – Онуфрий / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М. : Православная энциклопедия, 2018. – С. 221.
4. Grabar, A. L. Expansion de la peinture russe au XVIe et XVI 1-e siecles / A. L. Grabar // SK. – 1940. – Т. 11. – P. 65–93.
5. Georgievskaya-Druzinina, E. Les fresques du monastere de Therapon. Etude de deux themes iconographiques / E. Georgievskaya-Druzinina // L'art byzantin chez les slaves. Recueil Uspenski. – Paris, 1932. – V. 2. – P. 121–134.
6. Дувакина, Е. В. Проблемы иконографии «О Тебе радуется» в связи с росписью собора Ферапонтова монастыря / Е. В. Дувакина // Ферапонтовский сборник. – М., 1985. – Вып. 1. – С. 187–199.
7. Толстая, Т. В. Местный ряд иконостаса Успенского собора в конце XV – начале XVI века / Т. В. Толстая // Успенский собор Московского Кремля : материалы и исследования. – М. : Наука, 1985. – С. 111, 115–116.
8. Нерсесян, Л. В. К вопросу о происхождении и символическом содержании иконографии «О Тебе радуется» / Л. В. Нерсесян // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь : к 100-летию Андрея Николаевича Грабара. – СПб., 1999. – С. 380–398.
9. Васильева, А. В. Композиция «О Тебе радуется» в литургическом контексте алтарных росписей ярославских и ростовских храмов 2-й пол. XVII в. / А. В. Васильева // Вестник СПбГУ. Серия 15. – 2011. – Вып. 4. – С. 97–105.
10. Белова, Д. Н. Идеальный женский образ в христианской живописи XIV–XVI веков : монография / Д. Н. Белова. – М. : МГИМО-Университет, – 2018. – 302 с.
11. Сукина, Л. Б. Визуальные источники русского средневековья в историческом исследовании: некоторые методологические наблюдения / Л. Б. Сукина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 113–132.
12. Kim, A. What is iconography methodology? / A. Kim // Theburningofrome.com. – URL: <https://www.theburningofrome.com/helpful-tips/what-is-iconography-methodology/> (дата обращения: 20.02.2025).
13. Болгов, Н. Н. Античные основы ранневизантийского искусства в трудах Н. П. Кондакова / Н. Н. Болгов // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2007. – № 1. – С. 85–91.
14. Покровский, Н. Очерки памятников христианской иконографии и искусства / Н. Покровский. – СПб. : Изд. дом И. П. Сойкина, 1900. – 575 с.
15. София Премудрость Божия. Русская иконопись XIII–XIX веков из собраний музеев России : Посвящается 2000-летию Христианства : [Приглашение]. – М., 2000. – 1 л. слож. вдвое; 20 x 10 см. Кат. 58. – С. 176.
16. Никитина, Т. Л. Русские церковные стенные росписи 1670–1680-х годов / Т. Л. Никитина. – М. : Индрик, 2015. – 463 с.
17. Ермакова, М. Е. О коллекции русской гравюры второй половины XVII – первой трети XVIII в. / М. Е. Ермакова, О. Р. Хромов // Румянцевские чтения : тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – М. : РГБ, 1996. – С. 146–147.

18. Геров, Г. «О Тебе радуется» в балканската живопись от XV–XVIII век / Г. Геров // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. Т. 17. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. – С. 220–228.

Акульшина Маргарита Львовна – аспирант кафедры теологии, культуры и искусства, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: unverge@yandex.ru

Поступила в редакцию 21 февраля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250205

ON THE ORIGIN OF ALL OF CREATION REJOICES IN YOU ICONOGRAPHY

M. L. Akulshina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Studies into hymnographic texts remain relevant for domestic and foreign researchers. This article focuses on *All of Creation Rejoices in You* hymn and the corresponding iconographic image bearing the same name. The analysis examines the main stages of the development of the *All of Creation Rejoices in You* iconographic type associated with the name of the theologian John of Damascus and studies the figurative and semantic content of the elements of this type. An important concept used in the study is the iconological method, which allows for a deeper understanding of the symbolism of images and their relationship to the texts of the hymn. This approach allows both analyzing visual elements, and interpreting them in the context of cultural and historical traditions, which opens up new horizons in understanding the relationship between text and image. Thus, the work highlights the importance of the relationship between hymnography and iconography as an essential part of the spiritual and cultural tradition. The study of this relationship expands the understanding of medieval culture and religious art. The study of hymnographic texts and iconographic images contributes to a better insight into the spiritual heritage and its impact on modern art and culture.

Keywords: hymnographic work, icon, iconography, *All of Creation Rejoices in You*, hymnography.

References

1. Nikiforova A.Y. Khronotop gimnografii [Chronotope of Hymnography] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 2019. № 2 (63). P. 125–136.
2. Zheltov M.S., Bulaev D.V. Stichera of the Sunday Octoechos in Ancient Tropology // *Christian reading*. 2018. № 3. P. 94–111.
3. Pravoslavnaya entsiklopediya. O Tebe raduetsya. L.N. Sokolova. T. 52: Noy – Onufriy [Orthodox Encyclopedia. All Creation Rejoices. L.N. Sokolova. Vol. 52: Noah – Onufriy] / pod red. Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2018. P. 221.
4. Grabar A.L. Expansion de la Peinture Russe au XVIe et XVI 1-e Siecles // *SK*. 1940. T. 11. P. 65–93.
5. Georgievskaya-Druzinina E. Les fresques du monastere de Therapon. Etude de deux themes iconographiques // *L'art byzantin chez les slaves. Recueil Uspenski*. Paris, 1932. V. 2. P. 121–134.
6. Duvakina E.V. Problemy ikonografii «O Tebe raduetsya» v svyazi s rospis'yu sobora Ferapontova monastyrya [Problems of Iconography “All Creation Rejoices” in Connection with the Painting of the Cathedral of the Ferapontov Monastery] // *Ferapontovskiy sbornik*. Moscow, 1985. Iss. 1. P. 187–199.
7. Tolstaya T.V. Mestnyy ryad ikonostasa Uspenskogo sobora v kontse XV – nachale XVI veka [The Local Row of the Iconostasis of the Assumption Cathedral in the Late XV – Early XVI Century] // *Uspenskiy sobor Moskovskogo Kremlya: materialy i issledovaniya*. Moscow: Science, 1985. P. 111, 115–116.
8. Nersesyan L.V. K voprosu o proiskhozhdenii i simvolicheskom sodержanii ikonografii “O Tebe raduetsya” [On the Question of the Origin and Symbolic Content of Iconography “All Creation Rejoices”] // *Drevnerusskoe iskusstvo. Vizantiya i Drevnyaya Rus': k 100-letiyu Andreye Nikolaevicha Grabara*. Saint Petersburg, 1999. P. 380–398.
9. Vasil'eva A.V. Kompozitsiya «O Tebe raduetsya» v liturg. kontekste altarnykh rospisey yaroslavskikh i rostovskikh khramov 2-y pol. XVII v. [The Composition «All Creation Rejoices» in the Liturgical Context

of the Altar Paintings of Yaroslavl and Rostov Churches of the 2nd Half of the XVII Century] // *Vestnik SPbGU. Seriya 15*. 2011. Iss. 4. P. 97–105.

10. Belova D.N. *Ideal'nyy zhenskiy obraz v khristianskoy zhivopisi XIV–XVI vekov* [The Ideal Female Image in Christian Painting of the XIV–XVI centuries]: monografiya. Moscow: MSIUR-University, 2018. 302 p.

11. Sukina L.B. *Vizual'nye istochniki russkogo srednevekov'ya v istoricheskom issledovanii: nekotorye metodologicheskie nablyudeniya* [Visual Sources of the Russian Middle Ages in Historical Research: Some Methodological Observations] // *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2020. Vol. 4, № 4. P. 113–132.

12. Kim A. What is iconography methodology? // *Theburningofrome.com*: URL: <https://www.theburningofrome.com/helpful-tips/what-is-iconography-methodology/> (date of accessed: 20.02.2025).

13. Bolgov N.N. *Antichnye osnovy rannevizantiyskogo iskusstva v trudakh N. P. Kondakova* [The Ancient Foundations of Early Byzantine Art in the Works of N.P. Kondakov] // *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2007. № 1. P. 85–91.

14. Pokrovskiy N. *Ocherki pamyatnikov khristianskoy ikonografii i iskusstva* [Sketches of Monuments of Christian Iconography and Art]. Saint. Petersburg: I.P. Soykin House Publishing, 1900. 575 p.

15. Sofiya Premudrost' Bozhiya. *Russkaya ikonopis' XIII–XIX vekov iz sobraniy muzeev Rossii: Posvyashchaetsya 2000-letiyu Khristianstva: [Priglasenie] [Sophia is the Wisdom of God. Russian Iconography of the 13th – 19th Centuries from the Collections of Russian Museums: Dedicated to the 2000th Anniversary of Christianity]*. Moscow, 2000. 1 l. slozh. vdvoe; 20 kh 10 sm. Kat. 58. pp. 176.

16. Nikitina T.L. *Russkie tserkovnye stennye rospisi 1670–1680-kh godov* [Russian Church Wall Paintings of the 1670s–1680s]. Moscow: Indrik, 2015. 463 p.

17. Ermakova M.E. *O kolleksii russkoy gravyury vtoroy poloviny XVII – pervoy treti XVIII v.* [About the Collection Russian Engravings of the Second Half of the XVII – First Third of the XVIII Century] // *Rumyantsevskie chteniya: tezisy dokladov i soobshcheniy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow: RSL, 1996. P. 146–147.

18. Gerov G. «O Tebe raduetsya» v balkanskata zhivopis' ot XV–XVIII vek [«All Creation Rejoices» in Balkan Painting from the XV–XVIII Century] // *Drevnerusskoe iskusstvo. Balkany. Rus'*. T. 17. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1995. P. 220–228.

Margarita L. Akulshina – Postgraduate Student of the Department of Theology, Culture and Art, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: unverre@yandex.ru

Received February 21, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Акульшина, М. Л. К вопросу о происхождении иконографии «О тебе радуется» / М. Л. Акульшина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 41–49. DOI: 10.14529/ssh250205

FOR CITATION

Akulshina M. L. On the origin of *All of Creation Rejoices in You* iconography. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 41–49. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250205

СИМВОЛИЗМ И ЖИВОПИСЬ В. Э. БОРИСОВА-МУСАТОВА**С. А. Жук, О. Н. Кузнецова***Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Российская Федерация*

Настоящей статьей продолжается цикл авторских публикаций в данном журнале, посвященных творчеству русских художников-символистов. При этом *символизм* рассматривается как «способ миропонимания» (А. Белый), выступая как универсальная категория в трактовке процесса восприятия человеком мира. Мировоззренческая доктрина обнаружения идеального бытия посредством *символов*, обоснованная немецкими философами (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), являясь теоретической базой творчества художников-интеллектуалов, обретает конкретные интерпретации ее моделирования в каждом авторском варианте. Поэтому в качестве *основной задачи* всей данной серии публикаций рассматривается вопрос об *индивидуальном своеобразии художественных «моделей» мироздания*, представленных в их авторском разнообразии с позиций философии символизма. *Основная задача настоящей статьи* заключается в выявлении авторских «акцентных» мировоззренческих позиций *символизма* в творчестве известного русского художника В. Э. Борисова-Мусатова. В статье это осуществляется при абстрагировании от принятых в искусствоведении суждений о его творчестве, ставших досадными штампами, упрощающими сложнейший характер творчества великого мастера. В связи с этим в очередной раз *актуализируется* вопрос *понимания* мировоззренческих смыслов в искусстве *символизма*, «языковой» материал которого характеризуется семантической *закрытостью*, поэтому в статье традиционно используются приемы *герменевтической логики*, способствующие «прочтению» глубинных, мировоззренческих смыслов в искусстве условно-символического характера.

Ключевые слова: искусство, символизм, миропонимание, мировоззренческие смыслы, гармония, вечность.

Введение

В настоящей статье, как и в предыдущих статьях этого цикла, обозначены две основные *методологические позиции* в вопросе понимания и объяснения искусства символизма с его открыто не проявленным, условно-символическим языком. *Первый подход*, утвердившийся в искусствоведении, ограничивается трактовкой «внешних» узнаваемых черт символизма, что приводит к упрощению понимания «заумного» искусства, поскольку происходит абстрагирование от той системы мировоззренческих смыслов, которые легли в основу творчества художников, разделяющих философскую концепцию немецкого иррационализма. *Второй подход* апеллирует к философским учениям (А. Шопенгауэр [1], Ф. Ницше [2]), которые являются теоретической, *мировоззренческой* основой искусства символизма, обуславливая *иррациональный* характер художественных картин мира не только в изобразительном искусстве, но и в музыке и в первую очередь в литературе. Понимание иррационального аспекта такого искусства требует его расшифровки, его «рационализации», что возможно исключительно при условии его соотнесения напрямую с философией А. Шопенгауэра и Ф. Ницше.

Поэтому в настоящей статье, посвященной русскому художнику-символисту Виктору Эльпидифоровичу Борисову-Мусатову, именно с этих методологических позиций рассматривается творчество данного мастера. Следовательно, *иррациональный* характер работ художника в процессе их рассмотрения не может «довольствоваться» аналитическим методом, основанным на *описательных*

методиках, утвердившихся в искусствоведении, но требует приемов и методов исследования, соответствующих *специфике* этого характера. Поэтому творчество художника-символиста В. Э. Борисова-Мусатова рассматривается именно с позиций *герменевтики*.

Обзор литературы

В истории отечественного искусства рубежа XIX–XX веков давно определены классификационные маркеры и градации всех художественных стилей и направлений, согласно которым исследователи творчества В. Э. Борисова-Мусатова определяют авторский стиль художника как символизм или близкий к символизму. В искусстве символизма сам символ, понимаемый как функция (А. Ф. Лосев) [3], выступает как художественный метод, обуславливая символический язык «прямых соответствий», межчувственных метафор, особых выразительно-образительных средств, излюбленных эстетических предпочтений, где все – тайна, все не точно, где все – полунамек. На присутствие всего этого арсенала узнаваемых черт в картинах Борисова-Мусатова указывают все известные искусствоведы.

Так, например, автор многочисленных исследований по искусству М. М. Дунаев [4], отмечая своеобразие *живописной манеры* художника и его стремление воплотить в искусстве *идею вечной Гармонии* как главной эстетической категории, открывает для читателя *символизм* картин Борисова-Мусатова. Однако трактовка мировоззренческой основы искусства символизма дается расщепленно, с позиций рационализма, без учета иррацио-

нальной природы данного искусства. Подобная трактовка творчества Борисова-Мусатова как художника-символиста, как было уже отмечено выше, поддерживается многими авторами.

Не оспаривая устоявшуюся в истории искусства точку зрения на творчество этого художника, современный искусствовед В. Ф. Круглов [5], наряду с другими авторами, в своих публикациях рассматривает тему *влияния художественных принципов*, заложенных Борисовым-Мусатовым, на творчество художников группы «Голубая роза»: Н. П. Крымова, П. В. Кузнецова, М. С. Сарьяна, С. Ю. Судейкина, П. С. Уткина, – а также *на развитие символизма* в отечественном искусстве в целом.

Однако самым крупным специалистом в изучении данного вопроса признан исследователь истории русского и советского изобразительного искусства Д. В. Сарабьянов [6], который в своем фундаментальном труде «Русская живопись. Пробуждение памяти» дает подробный анализ всех «коллизий» развития основных форм символизма в отечественном искусстве, отводя в этом процессе значимую роль В. Э. Борисову-Мусатову как одному из основоположников символизма в искусстве живописи.

Наиболее развернутым и скрупулезным исследованием биографии и творчества художника из последних монографических изданий является книга искусствоведа, сотрудника Калужского областного художественного музея В. М. Обухова [7]. Автор критически отмечает факт литературной традиции *идеализации творческого пути* художника, поэтому в его книге дается более полная и *критичная* картина становления Борисова-Мусатова как человека и как живописца.

Нельзя не согласиться с тезисом последнего автора в том пункте, что трудно преодолевать оценочные штампы, сложившиеся в области истории искусства и утвердившиеся во времени под влиянием конвенционализма.

Следует отметить еще один тип публикаций о творчестве В. Э. Борисова-Мусатова, к которому можно отнести монографию, автором которой является О. Я. Кочик [8]. В книге рассматриваются *специальные*, собственно технические вопросы, связанные с композицией, рисунком, колоритом, ритмом. Ценным представляется то, что особенности техники художника раскрываются в контексте анализа стилистического своеобразия произведений Борисова-Мусатова, с учетом их эмоционально-смыслового аспекта.

Однако в целом в современной научной литературе о творчестве В. Э. Борисова-Мусатова следует констатировать отсутствие исследований собственно мировоззренческого характера, направленных на выявление глубинных, *философских смыслов* произведений, без «прочитывания» которых невозможно полное, адекватное понимание

иррациональных аспектов творчества художника-символиста.

Методы исследования

В этой статье, как и в предыдущих работах, опубликованных в данном журнале, используется широкий спектр методов и приемов традиционных и нетрадиционных методологических систем. Так, наряду с традиционными, общенаучными методами, в статье используется инструментарий герменевтической логики, которая и выступает в качестве основной методологической базы настоящей работы. Данная логика основывается на мериологическом следовании, которое представлено двумя основными методами: «*абстрагирование*» и «*идеализация*». Использование герменевтических приемов «*вчувствования*», «*вживания*», «*интерпретации*», «*подведения*» позволяет учитывать и адекватно интерпретировать внелингвистические и внерациональные аспекты условно-символического искусства с целью выявления и *понимания его глубинных мировоззренческих основ* [9].

Кроме этого, методологическая функция в данной работе закреплена за научной концепцией *символа*, обоснованной А. Ф. Лосевым [3], где символ рассматривается не как статичный знак, но как функция. Также в качестве общего подхода к пониманию искусства символизма предлагается рассматривать теорию А. Белого о символизме как способе миропонимания [10].

Системный, исторический, феноменологический и диалоговый подходы для данного исследования также являются базовыми. Все названные выше методологические позиции для нашей работы являются основополагающими.

Результаты и дискуссия

Вначале необходимо обозначить исходные теоретические позиции для рассмотрения в данной статье вопросов: о символизме В. Э. Борисова-Мусатова, об иррациональной природе искусства символизма и о многообразии авторских художественных картин мира, мировоззренческой основой которых выступает философия немецкого иррационализма (Шопенгауэра и Ницше). Эти философы, отвечая на «основной вопрос философии» о первопричине всего сущего, говорят о Мировой Воле, которая является извечным, идеальным, но *иррациональным* (неразумным) двигателем всего мироздания. Первичное, вечное, ни от чего не зависящее – истина. Но истина в данном случае иррациональна. Познать «иррациональное» рациональным путем по определению невозможно. «Иррациональное» познается через «иррациональное».

Поэтому единственным способом постижения *иррациональных* глубин бытия через их мимолетные «мерцания» в явлениях повседневной действительности выступает *символ* – посредник между человеком и *идеальными* основаниями мироздания. *Символ иррационален*, он никогда не совпадает с самим собой, выходя за пределы само-

го себя, спонтанно разлагаясь в бесконечные ассоциативные ряды. Символ – не статичный знак, он – функция [11].

Необходимым условием постижения и воплощения художником иррациональных основ мироздания является наличие у него способности к «гениальному» (А. Шопенгауэр) восприятию к миру, к переживанию особых психологических состояний. Поэтому основной формой познания запредельных областей бытия, воплощения их художником и понимания реципиентом их художественных интерпретаций в символизме является *интуитивная сопричастность*, отождествляемая с всеэмпатией, с мистическим прозрением творческой личности. Творческая индивидуальность такого художника, дистанцируясь от стандартов «материализма» и рационализма социального бытия, от «материальности» природы, устремляется всем существом своего сознания и своих душевных переживаний к *духовной, идеальной* сердцевине мироздания, к ее иррациональным тайнам.

Эти философские идеи символизма оказали большое влияние на творчество русских художников на рубеже XIX–XX веков. В России возникли целые творческие объединения художников-символистов: «Голубая роза» (П. В. Кузнецов, А. Т. Матвеев, М. С. Сарьян, В. Э. Борисов-Мусатов) – в Москве; «Мир искусства» (А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст, К. А. Сомов, М. В. Добужинский, Е. Е. Лансере, К. А. Коровин, Н. К. Рерих, М. А. Врубель, М. К. Чюрленис) – в Санкт-Петербурге. Художники-символисты, безусловно, личности философского склада. Каждый из них зачитывался «заумными» текстами трудов Шопенгауэра и Ницше. Однако *существенным* является то, что *иррациональная картина* мира немецких философов в творчестве каждого конкретного художника-символиста *преломляется по-своему*. Постараемся проиллюстрировать данный тезис.

Так, в творчестве М. К. Чюрлениса («нищанца») это выразилось в его живописном, интуитивном, метафизическом поиске не материального, но духовного измерения бытия идеальной Мировой Воли. *Призрачный, тающий мир картин* Чюрлениса, написанный *прозрачными красками*, – мир не материальный, но идеальный, показанный автором как некий алгоритм, как некая программа мировой бессмыслицы, в рамках которой маленький смертный человек взывает к Смыслу, ... которого нет. Художник создал множество образных вариантов Мировой Воли в стремлении постигнуть то, что *постигнуть невозможно*. Именно этим обстоятельством обусловлена бесконечная множественность символических интерпретаций «непознаваемого» и «невыразимого» в искусстве.

Если литовский художник Микалоюс Чюрленис, чье творчество связано с немецким иррационализмом и русским «космизмом», стремится всей своей жизнью к решению гносеологического во-

проса в контексте искусства: познать запредельную Истину о мире, то другого художника-символиста, с теми же мировоззренческими предпочтениями, а именно М. А. Врубеля, захватывает тема «сверхличности». К слову сказать, идеи Ницше о «сверхчеловеке» определили не только мировоззрение символистов, но и революционный характер романтизма произведений А. М. Горького, и поэтику идей о мире Л. Д. Успенского [12], философию М. Хайдеггера [13]. Именно сверхличность, по мнению Ницше, должна «оседлать» безумную Мировую Волю, что нашло отражение в целом ряде работ художника, посвященных теме Демона – «сверхличности», которая бунтует против самого Бога. Картины «иномирия» Врубеля насыщены мистическим «синим», а «кристаллическая» манера письма художника заставляет сиять всеми оттенками синего светящийся образ Серафима на одноименной картине.

По-своему интерпретируется поиск запредельного, скрытого знания о мире в творчестве еще одного художника-символиста Н. К. Рериха. Чистые, незамутненные оттенки голубого, розового и белого цветов доминируют в картинах Рериха. Но в целом его творчество ассоциируется с *голубым цветом* – цветом надмирного, «горного», духовного (сакрального) бытия, мистическим цветом, излюбленным всеми художниками и поэтами-символистами. В качестве символа Тайны, непостижимой для человека, выступают в работах художника недостижимые, *мистически окрашенные* горы, по форме напоминающие строгие, гигантские, сияющие кристаллы. Они на полотнах Рериха как экраны, на которых мимолетным бликом угадывается мерцание духовных, *сакральных* глубин мироздания. Мир природы космически отстранен от человека. Здесь также чувствуется влияние не только немецкого иррационализма, но и «космизма» русской философии (Вл. Соловьев [14], Н. Ф. Федоров [15], В. И. Вернадский [16]), которые определяют мировоззренческую доминанту картин не только этого автора, но и других художников-символистов, а также поэзию русского символизма.

Таким образом, «эскизно» обратившись к творчеству известных художников-символистов, мировоззренческой основой искусства каждого из которых выступает философия «символизма» (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), адаптированная к их личностным, акцентным духовным исканиям, мы продемонстрировали, насколько *индивидуальны и самобытны* модели художественного воплощения единой концепции, насколько *индивидуальна и оригинальна* живописная манера каждого из них. Этот небольшой, своего рода, «экзерсис» указывает на то, как *многолик и разнообразен* мир условно-символического искусства. Его философская семантика, символистский характер образности, стилевые методы и приемы гораздо сложнее и шире, чем, например, в реалистическом искусстве.

Особое место в этом ряду принадлежит русскому художнику-символисту Виктору Эльпидифоровичу Борисову-Мусатову (1870–1905). Сразу надо сказать о том, что в творчестве этого художника отсутствуют «ницшеанский» философский волонтаризм (М. А. Врубель), или гносеологический радикализм вопрошания к миру (М. К. Чюрленис), или экзистенциальное искание Сокрытого Знания о мире (Н. К. Рерих), не говоря уже об изысках формотворчества в искусстве французских художников-символистов. Тем не менее, присутствие общих узнаваемых черт искусства символизма в творчестве В. Э. Борисова-Мусатова, с их авторской интерпретацией, позволяет говорить о нем как о представителе именно этого художественного направления.

Особый способ *созерцательности*, настрой на диалогическую сопричастность человека миру – все это лежит в основе искусства и философии символизма, о чем было сказано ранее, и именно этими чертами характеризуются картины В. Э. Борисова-Мусатова. Все творчество художника связано с двумя категориями: Вечность и Гармония. В идеалистической философии символизма Вечность, Гармония, Истина рассматриваются как идеальные, нематериальные феномены высшего, духовного измерения, недостижимого для человека. Поэтому патриархи искусства символизма для постижения этих тайн мироздания, да еще иррационального характера, осмысленно избирали иррациональный путь познания через практику внезапного озарения, откровения, интуитивного чувствования, вдохновения, медитации.

Характерной чертой картин художников-сим-волистов (М. К. Чюрленис, М. А. Врубель, Н. К. Рерих) является отсутствие суеты; в них присутствуют тишина, безмолвие, которые выступают как необходимое условие глубинного всматривания и вслушивания человека в мир, с одной стороны, а с другой – *отсутствие движения* выступает характеристикой самой *Вечности*. Фигуры людей на картинах символистов как бы «застыли». Они вроде бы и изображены художником в движении, но это движение ... недвижно, как на русских иконах. В картине нет сюжета, но есть запечатленное мгновение, в котором открывается мерцание Вечности, что и соответствует идеям философского символизма и символизма в искусстве.

В картинах Борисова-Мусатова мы видим то же самое погружение автора в состояние тишины, глубокого мирозерцания, когда художник пытается уловить отблески высшего, *идеального начала* в окружающей его *материальной действительности* и передает это эффектом «недвижного движения» изображенных на многих его полотнах людей: «Изумрудное ожерелье», «Прогулка на закате», «Гобелен», «Летняя мелодия», «Отблеск заката», «Реквием», «Сон божества» (рис. 1).

Рис. 1. В. Э. Борисов-Мусатов «Сон божества», 1905, бумага, акварель, 70×106 см, Государственная Третьяковская галерея, Москва
Fig. 1. V. Borisov-Musatov «The Dream of the Deity», 1905, paper, watercolor, 70×106 cm, State Tretyakov Gallery, Moscow

Бесконечно длящееся движение, когда возникает эффект его отсутствия («движение недвижно»), мы также встречаем на картинах Н. К. Рериха. Монотонно и неспешно уходит под землю народ чуди («Чудь подземная»), на фоне вселенского огненного пламени, в котором гибнет мир, черными силуэтами неторопливо и бессмысленно шествует куда-то вереница людей («Армагеддон»). Маленькая фигурка всадника-воина («Гессерхан»), натянувшего лук, на фоне огромного пустынного мира непреодолимых гор выглядит одиноко и беспомощно: стрела не полетит, не в кого – безлюден мир. Мир огромен и вечен, затерян в нем человек. Гигантские кристаллы гор холодны и равнодушны, они не внемлют происходящему там, внизу. Отсюда ощущение тщеты, малости, почти отсутствия движения, когда «движение недвижно», что также усиливает эффект торжества Вечности, символом которой выступают сияющие неземными красками, вечные, незыблемые горы.

Проблема «движения» также присутствует в картинах М. А. Врубеля. В художественном пространстве картин художника природа отображается не реалистично, ее материальность дробится в «кристаллической» манере письма автора, и движению это мешает, ему становится тесно («Сирень», «Царевна-Лебедь», «Примавера», «К ночи», «Танец Тамары», «Скачущий всадник»). Движение увязает в этом кристаллическом мире, который автор видит каким-то другим зрением, через призму какого-то иного знания о нем, где проступают знакомые нам черты Вечности.

«Статику» движения можно отметить в «прозрачной», «нематериальной» живописи М. К. Чюрлениса, где движение замыкается на себе самом, как и на картинах Н. К. Рериха. Монотонно, медитативно движение огромной, бесконечной процессии на его картине «Похоронная симфония». Извивы этой уходящей под землю и никогда не заканчивающейся процессии, напоминают извивы Мировой Змеи («Аллегро», цикл «Соната Змеи»), в образе которой Чюрленис выводит Мировую Волю (Ф. Ницше), которой подчиняется все человечество. Массовое единообразие склоненных голов в одинаковых колпаках в ракурсе «вид сверху» вызывает ассоциацию с чешуйчатостью изгибов

гигантской змеиной спины. На фоне масштабов этого вечного движения, продиктованного Абсолютом, смысл всякого другого движения теряется, видится иррациональным. Важно не отходить от понимания того, что художники-символисты изображают на своих полотнах не реальный мир, но увиденный «внутренним зрением» через призму «зауми» иррациональных онтологических построений немецких философов.

Характер «замершего» движения изображенных фигур, со всей своей очевидностью, просматривается также и на картинах В. Э. Борисова-Мусатова, однако здесь нельзя не заметить *особенной* стороны этого эффекта, рассматриваемого в контексте *общих черт символизма*. Дело в том, что всем своим творчеством, в противовес рационализму реалистического искусства передвижников, художник утверждает тезис о том, что в искусстве живописи *эстетическая* категория *гармонии* должна *главенствовать* над всеми другими, не допуская ничего рассудочного и случайного. Мучительные, творческие поиски гармонии в искусстве с особой выразительностью отразились в названии и содержании картин «Гармония» и «Водоем» (рис. 2).

Рис. 2. В. Э. Борисов-Мусатов «Водоем». 1902, холст, темпера, 177x216 см, Государственная Третьяковская галерея, Москва
Fig. 2. V. Borisov-Musatov «Pond». 1902, canvas, tempera, 177x216 cm. State Tretyakov Gallery, Moscow

Кажется, что на картине «Водоем» автору с наибольшей точностью удалось уловить гармонические «созвучия» цвета, света и ритма. «Танцующая» графика линий, холодноватый синезеленый тон, озеро-небо (символистский прием «прямого соответствия»), на фоне которого сопричастны друг другу на уровне душ две хрупкие девушки. Нереалистичный, но художественно сочиненный мир в искусстве ориентируется на некую *идеальную (духовную), гармоническую* модель бытия, что, собственно, свойственно всем художникам-символистам.

Однако такая безусловная преданность, такое служение идеальному феномену Гармонии присущи только Виктору Эльпидифоровичу Борисову-Мусатову, о чем красноречиво свидетельствуют все его творчество и вся его жизнь. Поэтому на его

картинах мы не встретим ничего некрасивого или случайного. Каждая его картина – это поиски идеальной красоты, «*тихой*» гармонии, выступающей в форме некой грезы о *вечности*, эффект которой передается «*недвижным движением*» изображенных фигур, которые как бы застыли, замерли, выступая лишь неким намеком, *символом движения, но не им самим*.

Именно таким видится шествие девушек на картине «Изумрудное ожерелье» (рис. 3): оно движется или остановилось? Девушки изображены и в статике, и в движении. Но движения девушек разобщены, нет общего ритма, потому они тоже статичны. Борисов-Мусатов отказывается от завершенных симметрично-осевых композиций. Композиции его картин изначально незавершенны, асимметричны и разомкнуты. На картине «Изумрудное ожерелье» на это указывает то, что фигуры девушек, размещенных с двух сторон картины, изображены не полностью, это создает эффект того, что происходящее событие не уместается в пределы художественного пространства картины и существует где-то, оставаясь невидимым для зрителя.

Рис. 3. В. Э. Борисов-Мусатов. «Изумрудное ожерелье» 1903–1904, холст, темпера, масло, 214,3x125 см, Государственная Третьяковская галерея, Москва
Fig. 3. V. Borisov-Musatov. «Emerald Necklace» 1903–1904, canvas, tempera, oil, 214.3x125 cm. State Tretyakov Gallery, Moscow

Таким образом, на картинах возникает эффект некоего вневременного измерения. Этот эффект достигается еще и тем, что художник дистанцирует зрителя от его собственного времени, уводя в другую историческую эпоху – в галантный XVIII век, когда искусство осознанно, мессиански служит ее величеству Красоте в ее классическом понимании. Гармонический строй архитектуры, музыки, поэзии, живописи классицизма оказался созвучным стремлению души художника, настроенной на улавливание «отблесков» надмирных, объективных оснований красоты.

Поэтому эпоха XVIII века на полотнах Борисова-Мусатова не отображается с исторической достоверностью, оставаясь тоже своего рода намеком – *символом*. Остаются не прописанными четко

лица людей, как и не прописаны характерные исторические детали их одежды. Эскизное, обобщенное изображение камзолов и париков у кавалеров, платьев с кринолинами у дам – все это лишь намек на эпоху, создавшую искусство, где в спектре всех эстетических ценностей главной является категория «прекрасного». Именно этим обстоятельством привлекательна данная эпоха для художника, именно категория *красоты* (гармонии) выступает в качестве своеобразного *эстетического абсолюта* для творчества Борисова-Мусатова, как было отмечено выше.

Идеалистическим характером трактовки феномена красоты в искусстве символизма обусловлено его дистанцирование от изображения материальности природного мира, от передачи художественными средствами его физических характеристик. Поэтому живопись Борисова-Мусатова приглушенная: это мир мягких полутонов, пастельных красок, плавных линий и, конечно же, доминирования «мистического синего» над всей палитрой цветов, что является общей чертой для живописи символистов. Синий как бы пронизывает их картины, создавая эффект легкой сумеречной окрашенности, как будто в пространстве их художественных миров все время «вечереет».

В целом полотнам Борисова-Мусатова свойствен сине-зеленый колорит, выступающий общим тоном всех его картин, чем обусловлено их несколько меланхолическое и мистическое настроение, их наполненность «несказанным», «вечерним» отсветом. При этом важно отметить то, что сочетание синего и зеленого в картинах художника осуществляется через прием «посредничества» белого, – тогда зеленый (через белый) усиливает «звучание» синего цвета, делая его более выразительным.

Продолжая рассматривать тему технической стороны творчества художника в вопросе его ухода от изображения материальности мира, следует обратить внимание на *вибрирующий* характер используемого им мазка, напоминающего импрессионистский.

Таким мазком написана его последняя картина «Осенняя песнь» (рис. 4), в которой, благодаря технике художника, по-новому открывается панорама осени: медно-золотистых берез и высокого неба. Знакомая нам картина природы теряет контрастность, будто истончается на наших глазах и ... тает. Дематериализуется. «Несказанное, сине-нежное», – вспоминаются строчки С. Есенина. Как сказать о «несказанном? ... только намеком, только символом».

При работе над своими картинами художник редко использует масло, в основном он работает темперой, которая не дает на полотне эффекта рельефа и бликов, она также обладает матовостью. Эта техника родственна технике иконописи, у которой такая же функция, как и у искусства симво-

лизма: языком изобразительных символов икона говорит о мире духовном, о мире Вечности. Борисов-Мусатов при создании своих работ также часто обращается к акварели и пастели, руководствуясь теми же основаниями, что и при обращении к темпере.

Рис. 4. В. Э. Борисов-Мусатов «Осенняя песнь» 1905, бумага, пастель, 45х63 см,

Государственная Третьяковская галерея, Москва
Fig. 4. Viktor Borisov-Musatov «Autumn Song» 1905, paper, pastel, 45x63 cm. State Tretyakov Gallery, Moscow

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, сближающее иконопись и символизм картин Борисова-Мусатова, – это уход от изображения материальности мира через нивелирование плотской чувственности в изображении человека. Плоскостное изображение фигур святых на иконе обусловлено недопустимостью плотского в мире духовном, поэтому иконописный канон запрещает прописывание анатомических объемов естественного человеческого тела. Также и в образах, запечатленных на картинах Борисова-Мусатова, отсутствует телесность: они полны легкости, невесомости, «бесплотности», как и окружающие их материальные, природные объекты. Материи больше нет на картине «Весна», все – эфир, все – дымка.

Рис. 5. В. Э. Борисов-Мусатов «Весна» 1898-1901, холст, темпера, 71х98 см,

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
Fig. 5. V. Borisov-Musatov «Spring» 1898-1901, canvas, tempera, 71x98 cm. State Russian Museum, St. Petersburg

Мимолетным видением кажется хрупкая, светлая фигурка девушки, лица которой мы не видим: она повернулась лицом и почти всем кор-

пусом к цветущему саду, более того – она часть этого сада, она вместе с цветами этого сада, она – как они. Как же все тонко, хрупко и легко в этом бесплотном мире, не отягощенном материальностью и чувственностью. Здесь художник, кроме знакомых нам коротких мазков, обращается к мягким и крупным, как у французского художника-символиста Пюви де Шаванна, у которого он учился технике живописи в Париже.

Идеализированными женскими образами «населены» картины Борисова-Мусатова. Поиски Гармонии как Вечной Женственности и воплощение ее в искусстве были близки художникам-символистам (Н. К. Рерих) и русским поэтам «младосимволистам» (А. Блок, А. Белый). Но «хозяйка мира» на картинах Рериха выглядит торжественно, незыблемо-монументально («Хозяйка мира», «Мать мира»), а вечная женственность в поэзии А. Блока невольно ассоциируется с «упругими шелками» «Незнакомки», тогда как у Борисова-Мусатова все женские образы ассоциируются с какими-то воздушными, неземными цветами, все они как будто вырезаны из бумаги. В них нет телесности, нет чувственности, как на картине «Гобелен».

Рис. 6. В. Э. Борисов-Мусатов «Реквием», 1905, бумага на картоне, акварель, 52,7×76 см, Государственная Третьяковская галерея, Москва
Fig. 6. V. Borisov-Musatov «Requiem». 1905, paper on cardboard, watercolor, 52.7×76 cm. State Tretyakov Gallery, Moscow

Широко известны свидетельства современников художника о том, почему он одевает героинь своих полотен в платья с кринолинами: так несколько преодолевается чувственность женского тела, когда женщина становится похожа на цветок или цветущий куст. Таким образом художник не принимает стандарты этого мира, в том числе, стандарты красоты. Он создает свои идеальные миры, прозревая их духовным, «гениальным» (А. Шопенгауэр) видением. Его картины как некая магия, наваждение, сон. Помнится, кто-то из его друзей назвал его «спящим мальчиком».

Он умер внезапно, в тридцать пять лет. Известный скульптор А. Т. Матвеев в 1911 году создает и устанавливает на могиле своего друга, на обрывистом берегу Оки, недалеко от Тарусы

скульптуру-надгробие, которая теперь называется не иначе, как «уснувший мальчик». Мальчик из гранита лежит в неловкой, беспомощной позе, хрупкий и открытый миру, от которого он уходил в удивительные миры своих полотен.

Эта скульптура – метафорический портрет не только художника-символиста, гения живописи В. Э. Борисова-Мусатова, но и тихая, торжественная «песнь» как посвящение всем, кто пришел в этот мир очарованным, «спящим мальчиком», чьи масштабы гениальности так и не позволили им признать этот мир своим.

Выводы

В заключение, конечно, следует отметить комплексный характер данного исследования, поскольку в самом начале статьи обозначены исходные теоретические позиции для рассмотрения вопросов: об иррациональной природе искусства символизма, о символизме В. Э. Борисова-Мусатова.

В контексте этой теории были отмечены общие черты художественных картин мира художников-символистов (Н. К. Чюрленис, Н. К. Рерих, М. А. Врубель, В. Э. Борисов-Мусатов), а также, с использованием метода сравнительного анализа, был рассмотрен вопрос об индивидуальном своеобразии творчества этих художников.

Так, для символизма живописи Н. К. Чюрлениса характерно использование прозрачных красок, что создает эффект призрачности «тающих» идеальных миров на картинах художника.

Н. К. Рерих по-своему интерпретирует запредельный, духовный мир, *символом* которого выступают мистически окрашенные горы, условный характер изображения которых придает им форму гигантских, сияющих кристаллов.

Особенностью картин «иномирия» у М. А. Врубеля является то, что они выполнены в авторской «кристаллической» манере письма и насыщены всеми оттенками мистического «синего», который выступает *символом* духовного, нематериального мира.

С учетом этих результатов, был осуществлен собственно искусствоведческий анализ картин русского художника символиста В. Э. Борисова-Мусатова с выявлением *авторских*, сугубо *индивидуальных* черт его творчества.

1. Во-первых, следует отметить характерный для картин Борисова-Мусатова особый способ созерцательности, нацеленный на поиски идеальной красоты, «тихой» гармонии как основы мироздания, что находит отражение в каждой работе художника.

2. Именно эстетическая категория идеальной красоты главенствует над всеми другими в картинах художника, поэтому они не несут в себе эстетики «некрасивого», «случайного» или «рассудочного».

3. Художественный эффект «недвижного движения», свойственный картинам художников-

символистов, в творчестве В. Э. Борисова-Мусатова обретает особый – вневременной – характер.

4. Эффект вневременного измерения в картинах художника усиливается тем, что он уводит зрителя в другую историческую эпоху, которая отражена условно-символически и видится зрителю как будто сквозь дымку ушедших времен.

5. Характерной чертой картин Борисова-Мусатова является их особый сине-зеленый колорит, где сочетание синего и зеленого осуществляется через авторский прием «посредничества» белого.

6. Особенностью технической стороны творчества мастера также является то, что художник при написании картин использует в основном темпера, которая не создает эффекта рельефа, бликов, но обладает матовостью, что также свойственно и технике иконописи.

7. Особенной стороной творчества художника является то, что он дистанцируется от изображения материальности мира, нивелируя в изображении человека его плотскую природу: образы на его картинах легки, невесомы, бесплотны, что опять-таки сближает символизм картин Борисова-Мусатова с символизмом иконописи.

8. Поиски мировой гармонии как Вечной Женственности были свойственны художникам и поэтам-символистам, но только у Борисова-Мусатова все женские образы ассоциируются с бесплотными, воздушными, неземными цветами, что говорит о почти мессианском служении художника идеальной Красоте в искусстве.

В статье традиционно используются приемы *герменевтической логики* («*вживание*», «*вчувствование*», «*интерпретация*»), способствующие более глубокому пониманию мировоззренческих смыслов в искусстве условно-символического характера.

Литература

1. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. – М. : АСТ, 2020. – 576 с.
2. Ницше, Ф. Антихристианин // Сумерки богов. – М. : Политиздат, 1990. – С. 17–93.

Жук Сергей Анатольевич – кандидат искусствоведения, доцент, Алтайский государственный институт культуры (Барнаул), e-mail: sergei.zhuk2010@mail.ru

Кузнецова Ольга Николаевна – доктор искусствоведения, доцент, Алтайский государственный институт культуры (Барнаул), e-mail: onk2007@mail.ru

3. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.

4. Дунаев, М. М. Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов / М. М. Дунаев. – М. : Искусство, 1993. – 191 с.

5. Круглов, В. Ф. Виктор Борисов-Мусатов и мастера общества «Голубая роза» / М. М. Круглов. – М. : Государственный русский музей, 2017. – 180 с.

6. Сарабьянов, Д. В. Русская живопись. Пробуждение памяти / Д. В. Сарабьянов. – М. : Искусствознание, 1998. 431 с.

7. Обухов, В. П. Борисов-Мусатов: жизнь и творчество / В. М. Обухов. – Калуга : Золотая аллея, 2011. – 142 с.

8. Кочик, О. Я. Живописная система В. Э. Борисова-Мусатова / О. Я. Кочик. – М. : Искусство, 1980. – 234 с.

9. Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В. Г. Кузнецов. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 196 с.

10. Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М. : Республика, 1994. – 528 с.

11. Кузнецова, О. Н. Символ как функция в искусстве символизма и авангарда (герменевтическое прочтение) / О. Н. Кузнецова. – Барнаул : Изд-во АГИК, 2022. – 167 с.

12. Успенский, П. Д. Новая модель вселенной / П. Д. Успенский. – СПб. : Изд-во Чернышева, 1993. – 560 с.

13. Хайдеггер, М. Ницше и пустота / М. Хайдеггер. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2006. – 304 с.

14. Соловьев, В. С. Чтения о Богочеловечестве / В. С. Соловьев. – М. : АСТ, 2004. – 251 с.

15. Федоров, Н. Ф. Искусство подобий и искусство действительности (Птоломеевское и коперниканское искусство) / Н. Ф. Федоров. – СПб. : Лань, 2013. – 2 с. – URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_cid=25&pl1_id=6266 (дата обращения: 21.10.2024).

16. Вернадский, В. Русский космизм. Научное понимание земного мира и Вселенной / В. Вернадский. – М. : Эксмо, 2024. – 224 с.

Поступила в редакцию 21 февраля 2025 г.

SYMBOLISM AND PAINTING OF V. E. BORISOV-MUSATOV

S. A. Zhuk, O. N. Kuznetsova

Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russian Federation

This article continues the series of author's publications in this journal, dedicated to the work of Russian symbolist artists. In this case, symbolism is considered as a "way of understanding the world" (A. Bely), acting as a universal category in the interpretation of the process of human perception of the world. The ideological doctrine of discovering ideal being through symbols, substantiated by German philosophers (A. Schopenhauer, F. Nietzsche), being the theoretical basis for the work of intellectual artists, acquires specific interpretations of its modeling in each author's version. Therefore, the main task of this entire series of publications is to consider the issue of the individual originality of artistic "models" of the universe, presented in their author's diversity from the standpoint of the philosophy of symbolism. The main task of this particular article is to identify the author's "accent" ideological positions of symbolism in the work of the famous Russian artist V. E. Borisov-Musatov. In the article, this is done by abstracting from the accepted art criticism judgments about the work of Borisov-Musatov, which have become annoying clichés that simplify the complex nature of the great master's work. In this regard, once again, the issue of understanding the ideological meanings in the art of symbolism is actualized, the "linguistic" material of which is characterized by semantic closure, therefore the article traditionally uses the techniques of hermeneutic logic that facilitate the "reading" of deep, ideological meanings in art of a conditionally symbolic nature.

Keywords: art, symbolism, worldview, ideological meanings, harmony, eternity.

References

1. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavlenie [The World as Will and Representation]. Moscow: AST, 2020. 576 p.
2. Nicshe F. Antihristianin [The Antichristian] // *Sumerki bogov*. Moscow: Politizdat, 1990. P. 17–93.
3. Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The Problem of Symbol and Realistic Art]. Moscow: Iskusstvo, 1995. 320 p.
4. Dunaev M.M. Viktor El'pidiforovich Borisov-Musatov [Viktor Elpidiforovich Borisov-Musatov]. Moscow: Art, 1993. 191 p.
5. Kruglov V.F. Viktor Borisov-Musatov i mastera obshchestva «Golubaya roza» [Viktor Borisov-Musatov and the Masters of the Blue Rose Society]. Moscow : State Russian Museum, 2017. 180 p.
6. Sarab'yanov D.V. Russkaya zhivopis'. Probuzhdenie pamyati [Russian Painting. The Awakening of Memory]. Moscow: Art Studies, 1998. 431 p.
7. Obuhov V.P. Borisov-Musatov: zhizn' i tvorchestvo [Borisov-Musatov: Life and Work]. Kaluga: Golden Alley, 2011. 142 p.
8. Kochik O.Y. Zhivopisnaya sistema V. E. Borisova-Musatova [The Pictorial System of V. E. Borisov-Musatov]. Moscow: Art, 1980. 234 p.
9. Kuznecov V.G. Germenevtika i gumanitarnoe poznanie [Hermeneutics and Humanitarian Cognition]. Moscow: Publishing house of Moscow State University, 1991. 196 p.
10. Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie [Symbolism as a Worldview]. Moscow: Republic, 1994. 528 p.
11. Kuznetsova O.N. Simvol kak funkciya v iskusstve simvolizma i avangarda (germenevticheskoe prochtenie) [Symbol as a Function in the Art of Symbolism and the Avant-Garde (Hermeneutical Interpretation)]. Barnaul: ASIK Publishing House, 2022. 167 p.
12. Uspenskij P.D. Novaya model' vselejnoj [A New Model of the Universe]. Saint Petersburg: Chernyshev Publishing House, 1993. 560 p.
13. Hajdegger M. Nicshe i pustota [Nietzsche and Emptiness]. Moscow: Algoritm; Eksmo, 2006. 304 p.
14. Solov'ev V.S. Chteniya o Bogochelevechestve [Readings on God-Manhood]. Moscow: AST, 2004. 251 p.
15. Fyodorov N. F. Iskusstvo podobij i iskusstvo dejstvitel'nosti (Ptolomeevskoe i kopernikanskoe iskusstvo) [The Art of Similarity and the Art of Reality (Ptolemaic and Copernican art)]. Saint Petersburg: Lan', 2013. URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?p11_cid=25&p11_id=6266 (date of accessed: 21.10.2024).
16. Vernadskij V. Russkij kosmizm. Nauchnoe ponimanie zemnogo mira i Vselejnoj [Russian Cosmism. Scientific Understanding of the Earthly World and the Universe]. M.: Eksmo, 2024. 224 p.

Sergey A. Zhuk – Cand. Sc. (Art History), Associate Professor, Altai State Institute of Culture (Barnaul),
e-mail: sergei.zhuk2010@mail.ru

Olga N. Kuznetsova – D. Sc. (Art History), Associate Professor, Altai State Institute of Culture (Barnaul),
e-mail: onk2007@mail.ru

Received February 21, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Жук, С. А. Символизм и живопись В. Э. Борисова-Мусатова / С. А. Жук, О. Н. Кузнецова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 50–59. DOI: 10.14529/ssh250206

FOR CITATION

Zhuk S. A., Kuznetsova O. N. Symbolism and painting of V. E. Borisov-Musatov. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 50–59. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250206

РАННЕЕ ИСКУССТВО БУДДИЗМА КОРЕИ: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

А. В. Симонова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Статья посвящена проблеме самобытности и уникальности художественного языка Корейского полуострова. Анализ этой проблемы посвящены многие исследования последнего десятилетия. Уделяется внимание причинам, по которым до недавнего времени корейское искусство находилось в тени соседствующих со страной Китая и Японии. В фокусе исследования находится буддийское искусство Кореи VI–VII вв., периода, когда художественный язык сакрального искусства региона только формировался. В связи с тем, что искусство буддизма в целом невозможно рассматривать в отрыве от традиции (философии, текстов, ритуалов), автор уделяет внимание контексту, в котором бытовало буддийское учение Кореи, а также выявляет его роль во взаимодействии с территориями Китая, Японии, Тибета. На этом фоне рассматриваются ранние произведения буддийского искусства Кореи и их взаимосвязь с китайской художественной традицией, выявляются их основные сходства и различия. Особенное внимание в статье уделяется образу бодхисаттвы Майтреи, Будде будущего, популярному на территории Корейского полуострова в этот период. Кроме того, автор акцентирует внимание на влиянии корейской художественной традиции на формирование японского художественного языка.

Ключевые слова: искусство Кореи, искусство буддизма, иконография Кореи, искусство Японии, корейское буддийское искусство.

Введение

В истории изучения искусства Востока в западных странах и России актуализация наследия Корейского полуострова начала происходить очень поздно, лишь в конце XX в. Несмотря на высокую степень мастерства и художественной выразительности, памятники корейского искусства долгое время оставались в тени своих соседей. Это характерно и для восприятия буддийского искусства Кореи, особенно раннего периода его существования. Подобное отношение к корейским памятникам может быть связано с рядом наложившихся друг на друга событий, происходивших на территории дальневосточного региона с середины XIX в. до второй половины XX в.

С одной стороны, судьба Корейского полуострова в этот период представляет собой череду трагических событий, среди которых японская оккупация, продлившаяся с 1910 по 1945 г. Отметим, что попытки изучения корейского искусства в этот период предпринимались не только корейскими, но и японскими исследователями, что особым образом отразилось на восприятии корейской художественной традиции. С другой стороны, во второй половине XIX – начале XX в. Япония также находилась в состоянии кризиса и стояла перед необходимостью самоопределения в новом, неизбежно наступающем мире модерна. Так, в 1854 г. был подписан Канагавский договор, ставивший Японию открыться миру. Это, в свою очередь, спровоцировало определенную моду на японское искусство в Европе: начали выходить публикации, посвященные японской художественной культуре, например, серия эссе «Японизм»

арт-критика и коллекционера японской гравюры Ф. Бюрти и журнал арт-дилера З. Бинга «Художественная Япония: художественные и промышленные документы» [1], также стремительно росла популярность японского искусства среди художников-модернистов. Одновременно с этими процессами в Японии начинаются первые попытки осознания и конструирования собственной истории искусства¹.

На фоне этих ярких событий, а также в силу меньшей осведомленности о художественной культуре Корейского полуострова у западных исследователей начало складываться несколько искаженное впечатление о корейском искусстве. Немаловажным представляется и тот факт, что в дальнейшем вследствие активного политического взаимодействия Запада с Китаем и Японией большее внимание исследователями и научными институтами уделялось искусству именно этих стран. Все это, в свою очередь, способствовало конструированию и укреплению мифа о том, что искусство Корейского полуострова – это лишь незначительная часть общего наследия дальневосточного региона, часто вторичный отблеск китайского влияния, что в корне противоречит художественной действительности.

¹ Этой теме посвящен доклад «Первая японская “История японского искусства” – на перекрестке Востока и Запада» PhD, доцента Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ А. В. Гусевой, представленный в 2023 году на Всероссийской научно-практической конференции «Весенние искусствоведческие чтения», ежегодно организуемой кафедрой истории искусств и музееведения Уральского федерального университета.

Обзор литературы

На фоне внешней фиксации и описанности памятников корейского искусства вопрос выявления национальных особенностей его художественного языка начинает созревать только к концу XX в. и особенно развивается в последнее десятилетие, в том числе благодаря усилиям, которые прилагает к этому Республика Корея: переатрибутируются произведения искусства, выходят публикации и каталоги музейных коллекций, активно проводятся выставки.

Уникальность корейского художественного языка, его выразительных средств раскрывается в многочисленных исследованиях последних лет, касающихся самых разных видов и жанров корейского искусства. Можно отметить книгу «Символы идентичности: корейская керамика из коллекции Честера и Ванды Чанг» [2], в которой поднимается вопрос взаимосвязи между керамикой и культурной самобытностью полуострова. В каталоге «Сацума. Японский экзотизм» [3] представлена история зародившейся в Корее японской керамики сацума. В книге «5000 лет корейского текстиля: иллюстрированная история и технический обзор» [4] описаны особенности текстиля Корейского полуострова. Своеобразие корейских пейзажей затрагивается в работе «Корейская пейзажная живопись: преемственность и инновации на протяжении веков» [5]. Среди отечественных исследователей большое внимание специфике корейского пейзажа уделяет Е. А. Хохлова, которая также защитила диссертацию на тему «Становление корейского пейзажа “подлинного вида” (чингён сансухва) в первой половине XVIII века» [6].

На этом фоне нужно отметить, что специфике художественного и образного языка буддийского искусства Кореи не уделяется должного внимания. Также до сих пор слабо освещена специфика формирования корейской буддийской иконографии. Кроме хронологических и описательных подходов, представленных в корейских и западных исследованиях, можно встретить попытки стилистического анализа, где корейские памятники часто классифицируют в соответствии со стилями китайских династий. Например, к этому подходу обращается Л. Ким в работе «Буддийская скульптура Кореи» [7] и дополняющей ее статье «Ранняя буддийская скульптура Кореи» [8].

Методы исследования

В данной статье используется междисциплинарное сочетание искусствоведческих и буддологических подходов, а при работе с художественным материалом используются иконографический и формально-стилистический методы анализа. Для выявления контекста бытования образов буддийского искусства Корейского полуострова V–VII вв. в ходе исследования привлекались исторические и религиозные тексты исследуемого периода.

Результаты и дискуссия

Прежде чем переходить к разговору о художественной специфике корейского буддийского искусства, необходимо обратить внимание на контекст, в котором существовало и развивалось само буддийское учение Кореи. Известно, что буддизм постепенно проникает на территорию Корейского полуострова и закрепляется там с IV по VI вв. в период Трех государств (I в. до н. э. – VII в. н. э.) – Когурё, Пэкче и Силла. В течение следующего столетия учение полностью проникло в корейское искусство и культуру, и к моменту объединения страны под властью Силла в 668 г. буддизм стал национальной религией. Несмотря на частые внутривластные конфликты Объединенного Силла, этот период явился временем расцвета корейской буддийской культуры. Строится множество пагод и монастырей, развивается буддийская скульптурная традиция. Многие монахи путешествуют в Индию или Танский Китай, появляются выдающиеся буддийские наставники, создаются различные буддийские школы, самоназванные либо по определенным сутрам, либо по территории, где находились их монастыри.

Как и в случае с корейским искусством, долгое время в гуманитарной науке бытовало несколько некорректное мнение относительно природы корейского буддизма: учение в Корее воспринималось «тенью» китайского буддизма, в связи с чем не вызывало особого интереса среди исследователей. Однако, как отмечает Х. Соренсен, Корея играла огромную роль в развитии буддийской мысли и культуры во всей Восточной Азии [9, с. 41].

Известно, что после закрепления буддизма на территории Корейского полуострова, корейские буддийские монахи начали распространять учение в Японии. Путешествия корейцев в Японию осуществлялись примерно с середины VI в. Согласно сведениям «Японской летописи» (яп. *Нихон сёки*), в 602 г. монах из Пэкче Гванрык (VII в.) принес буддийские тексты в Ямато (так тогда называлась Япония). В 625 г. из Когурё прибыл монах Хегван (VII в.) и основал школу Санрон [10, с. 112]. В «Японских легендах о чудесах» (яп. *Нихон рёки*) также упоминается, как в Ямато прибывали монахи из Пэкче и Когурё [11, с. 36–37]. Монахи Силла прибыли в Японию последними и основали школу Кэгон. Х. Соренсен также отмечает, что все ранние буддийские храмы в Японии строились лично корейскими мастерами или под их пристальным наблюдением [9, с. 45]. Также в Японию из Кореи постоянно ввозились изображения. Таким образом, корейский буддизм оказал огромное влияние на развитие раннего японского буддизма и подготовил почву для последующего развития учения в культуре и искусстве Японии.

Также стоит отметить, что на протяжении всей истории дальневосточного буддизма корей-

ские монахи участвовали в основании буддийских школ в Китае и, следовательно, играли важную роль в эволюции китайского буддизма в целом. Хотя многие из этих паломников в конечном итоге вернулись на Корейский полуостров, из исторических источников мы знаем, что некоторые из них остались в Китае и стали лидерами китайских буддийских школ. Например, одной из важных фигур, повлиявших на становление школы Саньлунь, был монах Сынран (V–VI вв.), прибывший из Когурё. Когда прославленный китайский монах-паломник Сюаньцзан (596–664 гг.) основал школу Фасян в танской столице Чаньань, корейский монах Вонджхык (613–696 гг.) стал одним из его первых учеников. Комментарий Вонджхыка к основному писанию йогачары, «Благородной сутре объяснения глубоких тайн» (санскр. *Арья-самдхи-нирмочана-сутра*), был распространён и в традиции тибетского буддизма [9, с. 47]. Другой корейский монах, Ким Хвасан (694–762 гг.), основал в провинции Сычуань школу Баотан.

Тексты и комментарии, написанные на территории Корейского полуострова такими монахами, как Ыйсан (625–702 гг.) и Вонхё (617–686 гг.), были распространены в Китае и Японии, и их идеи оказали влияние на, например, мысль Фацзана (643–712 гг.), патриарха и основателя школы Хуаянь. Р. Басвелл в своей работе «Формирование идеологии Чань в Китае и Корее» отмечает, что одним из старейших произведений зарождающейся в Китае традиции чань была «Ваджрасамадхи-сутра» (кит. *Чин-кан сан-мэй чин*)² – текст, который, как полагает Р. Басвелл, был написан в Корее. Примерно через пятьдесят лет после написания в Корее текст был передан в Китай, где, поскольку его происхождение было полностью неясно, он был принят как аутентичный перевод санскритского оригинала и внесён в канон, а позже попал в Японию и Тибет [12, с. 57].

Таким образом, корейская буддийская традиция имела определённую самостоятельность и оказывала влияние на развитие учения в Японии. Кроме того, сочинения и комментарии, написанные корейцами, быстро распространялись в другие регионы и влияли, в том числе, и на буддизм Центральной Азии и Тибета.

В художественной сфере специфичность иконографии и образного начала корейской буддийской пластики также проявляет себя достаточно рано.

Буддийская скульптура Трёх Государств (I в. до н. э. – VII в.), в основном, сохранилась в виде маленьких алтарных экземпляров. Самые ранние сохранившиеся образцы датируются V в. Вполне естественно, что на ранней стадии формирования корейской буддийской скульптуры следовала более ранним китайским образцам, которые, вероятно, вместе с текстами ввозились в страну китайскими

монахами. Такова, например, скульптура сидящего Будды из позолоченной бронзы, обнаруженная в Тгуксуме на берегу реки Хан в Сеуле (Национальный музей Кореи, Республика Корея). Будда сидит в позе падмасана, его руки сложены в дхьяна мудре (рис. 1). Фигура расположена на прямоугольном троне, на котором размещены два небольших льва (в коренных текстах Будда описывается восседающим на львином троне, поэтому подобные изображения появлялись уже в Гандхаре). Подобный тип изображения сидящего Будды также был очень популярен в Китае в конце IV – начале V в. (рис. 2), поэтому среди исследователей до сих пор нет единого мнения, является ли эта скульптура корейской или китайской по происхождению [12, с. 15].

Рис. 1. Сидящий Будда. V в. Национальный музей Кореи, Республика Корея.
Fig. 1. Seated Buddha. 5th century. National Museum of Korea, Republic of Korea

Рис. 2. Сидящий Будда. V в. Китай. Метрополитен-музей, США
Fig. 2. Seated Buddha. 5th century. China. Metropolitan Museum of Art, USA

²«Ваджрасамадхи-сутра» – первый текст, предполагающий линейность передачи чань – то есть так называемую «передачу от ума к уму» от Бодхидхармы китайским патриархам.

Возможно, это, в числе прочего, послужило причиной закрепления в зарубежной исследовательской литературе традиции определять корейское искусство буддизма на разных этапах как «стили» китайских династий. Заметим, что подобное использование термина «стиль» достаточно вольное. Речь здесь идет скорее о *влиянии* китайской художественной традиции. Когда мы говорим о распространении буддийского учения и искусства, влияние не может иметь негативную коннотацию, умаляющую самобытность какой-либо визуальной культуры. Буддийское искусство само по себе всегда содержало в себе момент транспарентности, буддийских монахов объединяло именно учение, а не национальные признаки, поскольку буддизм – учение наднациональное и надсословное, объединяющее под собой азиатские страны и являющееся «цементирующим фундаментом» региона. Поэтому сам процесс влияния, часто взаимного, неотъемлемая часть истории искусства буддизма.

Скульптуры, подобные Будде из Ттуксома, в большом количестве создавались в регионах Когурё и Пэкче в VI в. Пьедестал больше не украшался двумя львами, а покрывался струящимися складками одежды, либо иногда сама прямоугольная форма пьедестала заменялась на цветок лотоса. Таковы, например, две скульптуры из Пуё, Пэкче, хранящиеся в Национальном музее Кореи, Республика Корея: один из позолоченной бронзы (рис. 3), второй из тальохлорита (рис. 4). На этих примерах видно, что самостоятельность корейского художественного языка начинает проявляться уже на раннем этапе. Так, у корейских образцов совершенно отличная от китайских трактовка лица: интонационно более теплая, с мягкими объемами и нежной полуулыбкой, она значительно отличалась от более строгих китайских изображений.

Рис. 3. Позолоченный сидящий Будда. VI в. Корея. Национальный музей Кореи, Республика Корея
Fig. 3. Gilded seated Buddha. 6th century. Korea. National Museum of Korea, Republic of Korea

Рис. 4. Сидящий Будда. VI в. Корея. Национальный музей Кореи, Республика Корея
Fig. 4. Seated Buddha. 6th century. Korea. National Museum of Korea, Republic of Korea

Среди сохранившихся буддийских скульптур из позолоченной бронзы периода Трех государств на данный момент найден только один экземпляр, на котором указано как место, так и дата создания изображения. Это стоящий Будда из золотистой бронзы, найденный в провинции Кёнсан-Намдо (рис. 5). Несмотря на то что скульптура была обнаружена на территории Силла, надпись на обратной стороне говорит о том, что она была изготовлена в седьмой год правления вана Ёнга в Когурё³ и что заказал ее настоятель монастыря, его ученики и 40 буддистов-мирян. Также упоминается, что эта скульптура была 29-й из 1000 изготовленных [7, с. 23]. Правая рука Будды из Кёнсан-Намдо в жесте абхая мудра, левая – дхьяна мудра. На мандорле – узоры пламени. Подобные изображения были распространены и в Северной Вэй в начале VI в. Однако китайские изображения характеризуются более вытянутыми и острыми формами, более контрастными и резкими переходами от объема к объему. По сравнению со своими китайскими аналогами скульптура из Кёнсан-Намдо обладает более полнокровными и устойчивыми объемами, переходы между которыми выполнены очень мягко, перетекая от одного к другому. Узоры пламени на мандорле также выполнены в мягких полукружиях дублирующих друг друга линий.

К VII в. на территории Корейского полуострова возрастает количество региональных мастерских. Скульптуры, производимые корейскими мастерами, становятся все более самобытными, обладающими уникальным характером и локальными чертами. Одним из наиболее ярких примеров являются скульптуры бодхисаттвы Майтреи (рис. 6).

³ Так как в исторических источниках нет упоминания о годах правления вана Ёнга, дата создания скульптуры предположительная.

Рис. 5. Стоящий Будда. 539 г. Корея.
Национальный музей Кореи, Республика Корея
Fig. 5. Standing Buddha. 6th century. Korea.
National Museum of Korea, Republic of Korea

Рис. 6. Созерцающий бодхисаттва. VI–VII вв. Корея.
Национальный музей Кореи, Республика Корея
Fig. 6. Pensive Bodhisattva. 6th–7th centuries. Korea.
National Museum of Korea, Republic of Korea

Изображения Майтреи, производимые корейскими мастерами в этот период, были выполнены в редкой иконографии – бодхисаттва в созерцающей позе (кор. *пангасаю*). Несмотря на то что эта иконография зародилась в Индии и встречалась в искусстве оазисов Шелкового Пути и Китая [13], она закрепилась за Майтреей только на территории Корейского полуострова и окончательно оформилась там в своем образном звучании.

Бодхисаттва Майтрея особенно почитался на территории Корейского полуострова в VI–IX вв. [14]. Многие сутры, бытовавшие в древней Корее в этот период, были посвящены бодхисаттве. Майтрея как персонаж, а также легенды и истории, связанные с ним, часто встречаются во всех ран-

них исторических источниках [15]. Добуддийские ритуалы, например, ритуал защиты государства от внешних врагов, также трансформировались под влиянием буддизма и культа Майтреи. Почитание бодхисаттвы влияло и на социополитическое устройство общества: например, мы знаем о существовании организации *хваран* (кор. цветущие юноши), которая занималась рекрутированием и воспитанием молодых людей, часто выходцев из аристократической среды. Корейцы верили, что Майтрея может явиться «здесь и сейчас», среди хваран, что является отличительной чертой раннего корейского буддизма, так как обычно приход Майтреи ожидается традицией в конце этой кальпы.

Своеобразный контекст бытования культа Майтреи отразился и на художественном решении его образа. Скульптуры Майтреи, которые создают корейские мастера, наполнены утонченным и мягким звучанием, особой нежностью образа, проявленной и в музыкальной пластике жеста легкого касания щеки, и в деликатной работе с фактурой, создающей ощущение шелковистости. В образе бодхисаттвы Майтреи, изображенного в созерцающей позе, юного, рафинированного и нежного, выявляются уникальные черты корейской художественной традиции.

Из Кореи этот образ попадает в Японию. Корея в целом сыграла важную роль в формировании японского искусства буддизма периода Асука (538–710 гг.) и оказала сильное влияние на зарождающуюся художественную традицию Японии: как мы отметили, многие ранние корейские буддийские изображения завозились корейцами в Японию, а корейские монахи, переселившиеся в Японию в VI–VII вв., становились частью общины, меняли свои имена и активно участвовали в культурной жизни сангхи. Например, Будда в храме Асука-дэра, был отлит в 606 г. монахом по имени Тори бусси, который предположительно имел корейское происхождение. Другая работа Тори бусси – это триада Будды, расположенная в Хорюдзи и датируемая 623 г. Из Кореи в Японию также проникает традиция изображать бодхисаттву Майтрею в созерцающей позе. Вероятно, изначально их тоже могли выполнять корейские мастера. Такова, например, деревянная скульптура бодхисаттвы в храме Корюдзи.

Выводы

Таким образом, приведенные данные наглядно доказывают, что самобытность художественной традиции корейского буддизма имела место с самого момента своего зарождения. Как буддийское искусство Китая характеризуется искусствоведами линейностью, плавностью форм, метаморфичностью, а искусство Японии – контрастностью, целостностью детали и общего контура, балансом и нюансировкой, так и искусство Кореи должно найти свое описание в искусствоведческом поле.

Благодарности

Автор благодарит кандидата искусствоведения, доцента кафедры истории искусств и музееведения Уральского федерального университета Викторину Владимировну Деменову за помощь в подготовке статьи.

Литература

1. Винокуров, С. Е. Бракмон, Бюрти, Бинг – патриархи французского японизма / С. Е. Винокуров // Искусство Востока и Восток в искусстве: от традиционных форм к современным арт-практикам : материалы конференции. – М. : ИВ РАН, 2022. – С. 199–202.
2. Lotis, C. J. Symbols of Identity: Korean Ceramics from the Collection of Chester and Wanda Chang / C. J. Lotis, M. D. Lee. – Washington, D.C. : Smithsonian Institution Asian Cultural History Program, 2011. – 125 p.
3. Shimizu, C. Satsuma. De l'exotisme au japonisme / C. Shimizu, H. Yamashita. – Paris : RMN, 2007. – 176 p.
4. Sim, Y. Han'guk chingmul och'ŏnnyŏn = 5,000 years of Korean textiles: an illustrated history and technical survey / Y. Sim. – Soul : Kodae Chingmul Yon'guso Ch'ulp'anbu, 2002. – 334 p.
5. Yi, S. Korean Landscape Painting: Continuity and Innovation through the Ages / S. Yi. – Seoul : Hollym, 2006. – 221 p.
6. Хохлова, Е. А. Становление корейского

пейзажа «подлинного вида» (чингён сансухва) в первой половине XVIII века : дис. ... канд. искусствоведения / Е. А. Хохлова. – М., 2019. – 177 с.

7. Kim, L. Buddhist sculpture of Korea / L. Kim. – Seoul : Hollym, 2007. – 223 p.
8. Kim, L. Early Korean Buddhist Sculpture / L. Kim // Korean Art Society Journal. – 2011. – № 3. – P. 88–94.
9. Sorensen, H. Korean Buddhism in the Far East / H. Sorensen // Korean Art Society Journal. – 2011. – № 3. – P. 38–53.
10. Нихон сёки – Анналы Японии : в 2 т. Т. 2. Свитки XVII–XXX / пер. и коммент. Л. М. Ермакова, А. Н. Мещеряков. – СПб. : Гиперион, 1997. – 432 с.
11. Японские легенды о чудесах IX–XI вв. / пер. с яп., предисл., с. 3–26, и коммент. А. Н. Мещеряков. – М. : Наука, 1984. – 183 с.
12. Buswell, R. Korean Buddhism in East Asian Context / R. Buswell // Korean Art Society Journal. – 2011. – № 3. – P. 54–61.
13. Lee, J. The Origins and Development of the Pensive Bodhisattva Images of Asia // Artibus Asiae. – 1993. – № 3/4. – P. 311–357.
14. Болтач, Ю. В. Культы и практики раннего корейского буддизма в сюжетах «Самгук юса» / Ю. В. Болтач. – СПб. : Гиперион, 2023. – 463 с.
15. Ирён. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / Ирён ; пер. с ханмуна, вступ. ст., комментарий и указатели Ю. В. Болтач. – СПб. : Гиперион, 2018. – 894 с.

Симонова Алина Владиславовна – ассистент кафедры истории искусств и музееведения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: avlsimonova@gmail.com. ORCID 0009-0000-6813-6949

Поступила в редакцию 5 октября 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh250207

EARLY BUDDHIST ART IN KOREA: TOWARDS THE QUESTION OF SPECIFICITY OF ARTISTIC LANGUAGE

A. V. Simonova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

The article is devoted to the question of the originality and uniqueness of the artistic language of the Korean Peninsula, the relevance of which has become especially strong in the studies of the last decade. The author pays attention to the reasons why, until recently, Korean art was in the shadow of neighbouring China and Japan. The focus of the study is the Buddhist art of Korea in the 6th to 7th centuries, a period when the artistic language of the sacred art of the region was just being formed. Due to the fact that the art of Buddhism in general cannot be considered in isolation from the Buddhist tradition (its philosophy, texts, rituals), the author pays attention to the context in which the Buddhist teaching of Korea existed, and also reveals its role in interaction with the territories of China, Japan, and Tibet. Against this background, early works of Buddhist art of Korea and their relationship with the Chinese artistic tradition are considered; their main similarities and differences are revealed. Particular attention is paid to the image of the

Bodhisattva Maitreya, the Buddha of the Future, popular in the territory of the Korean Peninsula during this period. In addition, the author focuses on the influence of the Korean artistic tradition on the formation of the Japanese artistic language.

Keywords: Korean art, Buddhist art, Korean iconography, Japanese art, Korean Buddhist art.

References

1. Vinokurov S.E. Brakmon, Byurti, Bing – patriarkhi frantsuzskogo yaponizma [Bracquemond, Burty, Bing – Patriarchs of French Japonisme] // *Iskusstvo Vostoka i Vostok v iskusstve: ot traditsionnykh form k sovremennym art-praktikam: materialy konferentsii*. 2022. P. 199–202.
2. Lotis C.J. Symbols of Identity: Korean Ceramics from the Collection of Chester and Wanda Chang. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Asian Cultural History Program, 2011. 125 p.
3. Shimizu C. Satsuma. De l'exotisme au Japonisme. Paris: RMN, 2007. 176 p.
4. Sim Y. Han'guk chingmul och'önnnyön = 5,000 years of Korean textiles: an illustrated history and technical survey. Soul: Kodae Chingmul Yon'guso Ch'ulp'anbu, 2002. 334 p.
5. Yi S. Korean Landscape Painting: Continuity and Innovation through the Ages. Seoul: Hollym, 2006. 221 p.
6. Khokhlova E.A. Stanovlenie koreyskogo peyzazha "podlinnogo vida" (chingen sansukhva) v pervoy polovine XVIII veka [The Formation of the Korean Landscape of the "Authentic Form" (jingyeong sansuhwa) in the First Half of the 18th Century]: dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Moscow, 2019. 177 p.
7. Kim L. Buddhist Sculpture of Korea. Seoul: Hollym, 2007. 223 p.
8. Kim L. Early Korean Buddhist Sculpture // *Korean Art Society Journal*. 2011. № 3. P. 88–94.
9. Sorensen H. Korean Buddhism in the Far East // *Korean Art Society Journal*. 2011. № 3. P. 38–53.
10. Nihon seki – Annaly Yaponii: v 2 t. T. 2. Svitki XVII–XXX [Nihon Shoki – Annals of Japan: in 2 vols. Vol. 2. Scrolls XVII – XXX]. Saint Petersburg: Giperion, 1997. 432 p.
11. Yaponskie legendy o chudesakh IX–XI vv. [Japanese Legends about Miracles of the 9th-11th Centuries]. Moscow: Science, 1984. 183 p.
12. Buswell R. Korean Buddhism in East Asian Context // *Korean Art Society Journal*. 2011. № 3. P. 54–61.
13. Lee J. The Origins and Development of the Pensive Bodhisattva Images of Asia // *Artibus Asiae*. 1993. № 3/4. P. 311–357.
14. Boltach Y.V. Kul'ty i praktiki rannego koreyskogo buddizma v syuzhetakh «Samguk yusa» [Cults and Practices of Early Korean Buddhism in the Stories of Samguk Yusa]. Saint Petersburg: Giperion, 2023. 463 p.
15. Iren. Ostavshiesya svedeniya [o] trekh gosudarstvakh (Samguk yusa) [Remaining Data [about] the Three States (Samguk Yusa)]. Saint Petersburg: Giperion, 2018. 894 p.

Alina V. Simonova – Teaching Assistant, Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), e-mail: avlsimonova@gmail.com

Received October 5, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Симонова, А. В. Раннее искусство буддизма Кореи: к вопросу о специфике художественного языка / А. В. Симонова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 60–66. DOI: 10.14529/ssh250207

FOR CITATION

Simonova A. V. Early Buddhist art in Korea: towards the question of specificity of artistic language. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 60–66. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250207

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ КОГНИТИВНЫХ ОППОЗИЦИЙ В РАССКАЗЕ И. А. БУНИНА «ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО»

Э. В. Будаев, Н. Б. Руженцева, Е. А. Нахимова

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург,
Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности использования метафор как средства актуализации когнитивных оппозиций в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско». Методология исследования построена на эвристиках теории концептуальной метафоры, теории концептуальной интеграции, теории метафорического моделирования. Как показал анализ, метафоры регулярно используются в рассказе «Господин из Сан-Франциско» для реализации двух доминирующих когнитивных оппозиций. Первая – вертикальная тринарная оппозиция «НИЗ – СЕРЕДИНА – ВЕРХ», репрезентирующая мир страданий как ад, бездуховный мир богатых людей как средний мир (верхние этажи парохода) и достижения цивилизации как идола, занимающего верх. Вторая – горизонтальная бинарная оппозиция «СУША – ВОДА», отражающая противопоставление устойчивого божественного и неустойчивого небожественного, представленного как океанским хаосом, так и созданным людьми пароходом. Таким образом, писатель опирается на архетипические универсальные схемы осмысления мира, но творчески комбинирует из них уникальные концептуальные бленды, то есть создает свои собственные когнитивные конструкты, иногда вступающие в противоречие с привычной картиной мира. Так, остров Капри, традиционно связываемый со счастливой и беззаботной жизнью, становится местом драмы, а традиционная трехуровневая схема вертикального мироустройства, сочетается с горизонтальной оппозицией, в которой мрачная стихия и пароход противопоставлены солнечному берегу. В рассказе «Господин из Сан-Франциско» используются разнообразные метафоры, актуализирующие когнитивные оппозиции, при этом один и тот же метафорический образ может реализовывать сразу несколько когнитивных оппозиций, создавая несколько слоев смысловой глубины.

Ключевые слова: русская литература, И. А. Бунин, рассказ «Господин из Сан-Франциско», когнитивная метафора, блендинг, концептуальная интеграция, когнитивные оппозиции.

Введение

К характерным тенденциям науки XXI в. относится когнитивный поворот, проявившийся в широком спектре предметных областей, в том числе и в филологии. Современное когнитивное литературоведение изучает корреляции между языком художественной литературы и когницией [1–7]. Под последней понимается широкий спектр когнитивных структур и операций, среди которых значимую роль играют когнитивные оппозиции и метафоры.

Когнитивные оппозиции основываются на атрибутивном свойстве человеческого сознания, которое заключается в противопоставлении явлений окружающего мира, репрезентированных в структурах сознания и памяти. Среди таких бинарных противопоставлений: *мы – они, свои – чужие, левое – правое, верх – низ, свет – тьма* и др. Некоторые оппозиции имеют тринарную структуру. К ним относится вертикаль мироустройства в мифологии многих народов мира: *нижний (подземный) мир – мир людей – верхний (надземный) мир*. В современных дискурсах широко представлена тринарная оппозиция *герой – жертва – злодей*. Особенно отчётливо эта оппозиция прослеживается

в детской литературе (например, Иван Царевич – Василиса Прекрасная – Кощей бессмертный; Комарик – Муха Цокотуха – Паук и др.). Эта же оппозиция широко представлена в политическом и массмедийном дискурсе. Как показал Дж. Лаккофф [8], оппозиция *невинная жертва* (Кувейт), *жестокый злодей* (Ирак) и *доблестный спаситель* (США) использовалась для создания нарратива о справедливой войне в Ираке. Этой же цели служила бинарная оппозиция *дикари – цивилизация* в дискурсе Дж. Буша [9]. В конфликтных нарративах авторы явно или имплицитно распределяют роли злодеев, жертв и героев. Как правило, конфликтующие стороны назначают на роль злодея своих оппонентов, а себе оставляют роль героя или жертвы, взывающей к помощи третьей стороны (героя).

Подобные когнитивные оппозиции укоренены в сознании коммуникантов и воспринимаются как естественный способ осмысления мира, находящий отражение в различных дискурсах. Художественная литература не является исключением, однако здесь есть одна важная особенность – шаблоны в литературе не приветствуются. Писателей

отличает стремление к новизне, так как оригинальность мышления и идиолекта считается мерилом литературного таланта. На основе этого диалектического противоречия формируется одна из актуальных задач когнитивного литературоведения, которая заключается в реконструкции когнитивных оппозиций, актуализированных в литературных текстах, и выявлении отношений универсальных, национальных и индивидуальных компонентов когнитивных оппозиций в художественных произведениях.

Важно учитывать, что когнитивные оппозиции актуализируются в тексте не эксплицитно, а посредством иных когнитивных структур и операций, выполняющих вспомогательную функцию в достижении авторской сверхзадачи. Среди таких механизмов важное место занимают когнитивные метафоры, привлекающие значительный интерес современных филологов по всему миру.

В настоящем исследовании изучается роль метафор в актуализации когнитивных оппозиций в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско».

Обзор литературы

По воспоминаниям И. А. Бунина [10], в 1915 г. он заметил в витрине магазина обложку книги Т. Манна «Смерть в Венеции», а позже, отдыхая на Капри, стал свидетелем смерти постояльца из США, который умер во время отдыха в отеле «Квисисана». С сентября 1915 г. И. А. Бунин жил в имении двоюродной сестры в селе Васильевское Орловской губернии, где возник замысел рассказа из возникшей ассоциации между обложкой книги Т. Манна и случаем смерти американца. Рассказ под первоначальным названием «Смерть на Капри» был написан всего за четыре дня. «Смерть в Венеции» Т. Манна И. А. Бунин прочел позже и расценил этот рассказ как очень неприятную книгу. Такова версия писателя.

Вместе с тем по воспоминаниям жены писателя В. Н. Муромцевой, еще в 1909 г. на пароходе, следовавшем из Неаполя в Одессу, И. А. Бунин вступил в спор о социальной несправедливости с лицеистом из Петербурга, проигравшемся в Монте-Карло. Оспаривая правые взгляды, писатель предложил представить пароход в вертикальном разрезе, чтобы можно было увидеть, что пассажиры пьют вино и беседуют на разные темы, а машинисты в пекле, черные от угля, работают, а главное, сидящие наверху за людей не считают тех, кто на них работает. В этой поездке И. А. Бунин и его жена, подружившись с моряками, побывали там, куда обычно пассажиров не пускают. Как пишет Вера Николаевна, «я считаю, что здесь зародился “Господин из Сан-Франциско”» [11, с. 220].

Русские и зарубежные критики высоко оценили опубликованный рассказ. А. М. Горький писал Бунину: «В моей очень суетной и очень тяжелой жизни вы – может быть, и даже наверно – самое

лучшее, самое значительное. Знали бы вы, с каким трепетом читал я “Человека из Сан-Франциско”...» [12, с. 85]. Томас Манн ставил рассказ по своим нравственным достоинствам и стилю в один ряд с сильнейшими произведениями Л. Н. Толстого [13, с. 59].

В советский период в художественных произведениях ценилась антибуржуазная идеология, поэтому рассказ «Господин из Сан-Франциско», содержащий явную критику изъянов капиталистического общества, литературоведы охотно причисляли к лучшим произведениям И. А. Бунина. Так, А. А. Волков в книге «Проза Ивана Бунина» [14] подчеркивал, что данный рассказ – центральное произведение военных лет и одно из лучших произведений Бунина, в котором отчетливо высказано осуждение капиталистическому миру. Исследователь акцентировал внимание на том, что рассказ построен на контрастах между жадной удовольствия у миллионера и его дряхлостью, развлекающимися пассажирами и мерзнувшими вахтенными, трупом миллионера в трюме и беззаботным весельем на палубе, и что концовка рассказа подчеркивает обреченность капиталистического мира. Вместе с тем в другой книге А. А. Волков [15] подчеркивал, что со своей философией жизни Бунин оказался бессильным понять надвигающуюся революцию, а активное сотрудничество с белой эмиграцией наложило мрачный отпечаток на художественное творчество писателя, «унизившегося» до сотрудничества с Милюковым и Врангелем. Схожие оценки сохранялись до последних лет существования СССР (см., напр. книгу, В. В. Лаврова «Холодная осень: Иван Бунин в эмиграции (1920–1953)» [16]). Таким образом, несмотря на дружбу с пролетарским писателем А. М. Горьким и критику капитализма, И. А. Бунин не опирался в своих произведениях на когнитивную оппозицию «капитализм – социализм(коммунизм)», за что и подвергался ожидаемой критике.

В постсоветские годы из лексикона филологов, пишущих о данном рассказе, исчезают упоминания о капитализме. Место «классового конфликта» занимает конфликт между неведением (самоуверенные пассажиры «еще слишком звери», не умеющие распоряжаться даже самими собой) и трагической неизбежностью надвигающейся катастрофы. В книге Л. А. Смирновой «Иван Алексеевич Бунин: жизнь и творчество» [17] основная идея рассказа связывается не с надвигающимся крахом капитализма, а с трагичным ощущением мировой катастрофы, обусловленной военной действительностью (рассказ написан в период Первой мировой войны).

В XXI в. рассказ продолжает привлекать внимание отечественных исследователей в самых разных аспектах. Среди них можно выделить группу исследований, направленных на сопоставительный анализ данного художественного произведения. Так, в статье В. Ю. Лебедевой [18] проанализиро-

ваны интертекстуальные связи между рассказами «Господин из Сан-Франциско» И. А. Бунина, «Маска Красной смерти» Э. А. По и «Удар крыла» В. Набокова. Автор отмечает, что произведения сближает обреченная на провал попытка персонажей скрыться от смерти на «острове удовольствий». В исследовании Р. С. Давиденко [19] реконструирован «метасюжет», объединяющий сборник рассказов под названием «Господин из Сан-Франциско», и отмечаются аналогии между рассказами И. А. Бунина и произведениями Л. Н. Толстого. Схожим образом исследователи усматривают параллели между рассматриваемым рассказом и произведениями А. П. Чехова [20, 21] и Г. Ибсена [22].

Грамматический аспект языка И. А. Бунина рассмотрен в статье И. М. Кацитадзе [23], изучившей проблему «слабой» определенности существительных в рамках функционально-семантической категории определенности / неопределенности в рассказе «Господин из Сан-Франциско». В работе высказывается мысль о том, что главный принцип выбора именно слабоопределенных именных групп определяется приоритетным желанием И. А. Бунина заинтриговать читателя.

Психолингвистический аспект рассмотрен в статье Н. М. Старцевой [24], поднимающей проблему восприятия рассказа И. А. Бунина современной молодежью. Как показывает автор, современный молодой читатель испытывает недостаток фоновых знаний, что не позволяет рассчитывать на адекватное понимание философского содержания рассказа «Господин из Сан-Франциско». Для преодоления этих трудностей предлагается использовать лингвокультурологический комментарий, построенный с учетом картины мира воспринимающего читателя, что позволит приблизить текст к современному молодому читателю.

Философский аспект рассказа стал предметом рассмотрения в статьях А. П. Суходолова и Е. С. Антипиной [25], акцентирующих внимание на русском космизме как мировоззренческом фундаменте бунинского произведения.

Неудивительно, что исследователи фокусируют внимание на образе господина из Сан-Франциско как главном персонаже рассказа, репрезентирующем тип богатого, но бездуховного американского дельца [26]. Вместе с тем исследователи обращают внимание и на иные образы. Так, в статье К. В. Анисимова [27] рассматриваются семантические особенности актуализации лексем *сундук*, *чемодан*, *ящик*. Автор усматривает между этими образами как отношения противопоставленности, так и отношения аналогии с невербализованным концептом гроба. Схожим образом в статье воронежских филологов раскрывается проблема художественного предмета в поэтике И. А. Бунина на примере такой реалии, как чемодан [28].

В статье Ю. С. Поповой и О. В. Сулеминой [29] рассмотрен мотив танца в рассказах И. А. Бунина «Босоногая танцовщица», «Господин из Сан-Франциско», «Учитель». Авторы отмечают, что в прозе И. А. Бунина танец осмысливается как профессиональное, но мертвое искусство, связанное с темой игры и фальши.

Отдельное внимание привлекают зарубежные исследования рассказа, для которых характерно изучение корреляций содержания этого произведения с западными и азиатскими культурами. Так, М. Бемиг [30] проанализировал символическое значение числа XVII, включенного в текст рассказа. Согласно южноитальянским суевериям, латинское число XVII (17) считается несчастливый со времен Древнего Рима. И. А. Бунин, много путешествовавший по южной Италии, мог ознакомиться с этими поверьями. Отметим, что остров Капри традиционно считается счастливым, а не трагическим местом, но именно на Капри умирает господин из Сан-Франциско. Таким образом, И. А. Бунин, с одной стороны, использует традиционные этнические поверья, с другой стороны, ниспровергает существующие стереотипы. В последнем случае это ниспровержение, безусловно, художественно оправданно: остров Капри считается курортом для богатых туристов, поэтому при всех своих достоинствах Капри является местом притяжения для «господ из Сан-Франциско».

В статье японского филолога К. Миягавы [31] изучены переводы предложений, содержащих русские экзистенциальные глаголы бытия в произведении И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» на японский и английский языки. Анализируя переводы, автор обнаружил разное понимание бытия в разных языках. В японских переводах теряется различие в смыслах, передаваемых русскими глаголами *жить* и *существовать*, а смерть господина из Сан-Франциско понимается не как темпоральная, а как пространственная категория.

Как показывает обзор, несмотря на большой интерес филологов к рассматриваемому рассказу, вопрос о связи метафор с когнитивными оппозициями в данном произведении И. А. Бунина остается неизученным.

Методы исследования

Методология исследования построена на постулатах теории концептуальной метафоры [8], теории концептуальной интеграции [32, 33], теории метафорического моделирования [34–36].

В современной метафорологии существуют хорошо зарекомендовавшие себя методики исследования метафор, особенно активно применяемые при изучении политического дискурса и дискурса СМИ [37]. Однако между метафорикой политического и художественного дискурса есть существенное различие. В политическом дискурсе функционирует определенное количество стандартных метафорических моделей, которые регулярно

воспроизводятся в речи. К ним относятся метафорические модели, восходящие к концептуальным сферам «война», «спорт», «театр», «болезнь» и др. По этой причине в политлингвистических исследованиях часто применяется методика исследования метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии. Применяя эту методику, лингвисты замеряют уровень востребованности образов из той или иной концептуальной сферы в дискурсе и делают выводы о доминирующих в данный период времени прагматических смыслах. В художественном дискурсе шаблоны не приветствуются, так как индивидуальность авторского языка является мерилем его таланта. Следовательно, в отличие от журналистов, авторы художественных текстов руководствуется иными интенциями. Среди них – стремление к новизне и эстетической выразительности, поиск небанальных, но метких аналогий, позволяющих отразить авторское видение мира. По этой причине целесообразно не столько рассматривать валовой объем метафор определенной сферы-источника, сколько применять качественный анализ метафор, притягиваемых определенным концептом, в корреляции с когнитивными оппозициями, что жанр малой повествовательной прозы вполне позволяет сделать.

Результаты и дискуссия

Как показал анализ, метафорика в рассказе И. А. Бунина направлена на актуализацию двух когнитивных оппозиций, первая из которых – тринарная вертикальная оппозиция «ВЕРХ – СЕРЕДИНА – НИЗ», вторая – бинарная горизонтальная оппозиция «СУША – ВОДА».

Тринарная вертикальная оппозиция «ВЕРХ – СЕРЕДИНА – НИЗ»

Оппозиция противопоставления уровней вертикальной иерархии реализуется в рассказе через несколько метафор. Метафора «Пароход – это трехуровневый мир» отражает традиционное представление о нижнем мире, который ассоциируется с адом; мире, расположенном над адом, то есть мире людей; и высшем мире, занятом языческим идолом. В концептуальной модели парохода ад – это нижние этажи парохода, на которых рабочие испытывают муки тяжелого труда, а средний мир – верхние этажи корабля, на которых «высшее общество» имитирует райскую жизнь. Ср.:

... мрачным и знойным недрам преисподней, ее последнему, девятому кругу была подобна подводная утроба парохода, – та, где глухо гоготали исполинские топки, пожиравшие своими раскаленными зевами груды каменного угля, с грохотом ввергаемого в них облитыми едким, грязным потом и по пояс голыми людьми, багровыми от пламени; а тут, в баре, беззаботно закидывали ноги на ручки кресел, цедили коньяк и ликеры, плавали в волнах пряного дыма, в танцевальной зале все

сияло и изливало свет, тепло и радость, пары то крутились в вальсах, то изгибались в танго – и музыка настойчиво, в сладостно-бесстыдной печали молила все об одном...

Метафора социального расслоения как парохода интегрируется с метафорой парохода как чудовища, имеющего утробу и зев. Этот образ неразрывно связан с метафорой ада, что усиливает прагматический эффект контекстов. Ср.:

В самом низу, в подводной утробе «Атлантиды», тускло блистали сталью, сипели паром и сочилились кипятком и маслом тысяченудовые громады котлов и всяческих других машин, той кухни, раскаляемой исподу адскими топками, в которой варилось движение корабля, – клокотали страшные в своей сосредоточенности силы, передававшие в самый киль его, в бесконечно длинное подземелье, в круглый туннель, слабо озаренный электричеством, где медленно, с подавляющей человеческую душу неукоснительностью, вращался в своем маслянистом ложе исполинский вал, точно живое чудовище, протянувшееся в этом туннеле, похожем на жерло.

... поминутно взывала с адской мрачностью и взвизгивала с неустовой злобой сирена, но немногие из обедающих слышали сирену – ее заглушали звуки прекрасного струнного оркестра...

Развертывание метафорической модели парохода как чудовища реализуется через образы глаз, горла, голоса, эмоций. В подобных описаниях также присутствуют образы Дьявола. Ср.:

<...> Бесчисленные огненные глаза корабля были за снегом едва видны Дьяволу, следившему со скал Гибралтара, с каменных ворот двух миров, за уходившим в ночь и вьюгу кораблем. Дьявол был громаден, как утес, но громаден был и корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем.

<...> По вечерам этажи «Атлантиды» зияли во мраке огненными несметными глазами, и великое множество слуг работало в поварских, судомойных и винных подвалах.

<...> Вьюга билась в его снасти и широкогордые трубы, побелевшие от снега, но он был стоек, тверд, величав и страшен.

<...> Он слышал тяжкие завывания и яростные взвизгивания сирены, удушаемой бурей.

В описании «райской жизни» на верхних этажах обращает на себя внимание метафора лорд-мэра, описывающая метрдотеля, который принимал заказы на вина. Ср.:

...звучи прекрасного струнного оркестра, изысканно и неустанно игравшего в двухсветной зале, празднично залитой огнями, переполненной декольтированными дамами и мужчинами во фраках и смокингах, стройными лакеями и почтительными метрдотелями, среди которых один, тот, что принимал заказы только на вина, ходил даже с цепью на шею, как лорд-мэр.

Лорд-мэр – глава лондонского Сити, без которого даже британский монарх не имеет права войти в этот район Лондона. Эта ироническая метафора подчеркивает нарочитость и неуместную помпезность людей, имитирующих «райскую жизнь».

Таким образом, в многоуровневой модели парохода есть только ад и средний мир. Если настоящий рай и был, то он потерян. Идея «потерянного рая» в целом характерна для творчества И. А. Бунина. Можно вспомнить рассказ «Антоновские яблоки», в котором писатель выстраивает идиллическую картину отношений помещиков и крестьян в стародавние времена, утерянные в результате индустриализации. Пароход является символом такой индустриализации, уводящей человека от традиционной религии к новому техногенному язычеству. В таком новом мире человек уповает не на Бога, а на идолов, что, в частности, реализуется через метафору «Капитан – идол». Эта метафора несколько раз повторяется в рассказе. Сперва капитан описывается как *языческий бог* в момент встречи с пассажирами. Ср.:

... музыканты, блестя медью духовых инструментов, уже столпились на палубе и вдруг оглушили всех торжествующими звуками марша, гигант-командир, в парадной форме, появился на своих мостках и, как милостивый языческий бог, приветственно помотал рукой пассажирам. <...>

В других контекстах капитан концептуализируется как идол, оберегающий пассажиров от зловещего океана. При этом пассажиры твердо верят во власть этого человека над стихиями, что подчеркивает языческо-магический характер описываемого образа. Ср.:

Океан, ходивший за стенами, был страшен, но о нем не думали, твердо веря во власть над ним командира, рыжего человека чудовищной величины и грузности, всегда как бы сонного, похожего в своем мундире с широкими золотыми нашивками на огромного идола и очень редко появлявшегося на люди из своих таинственных покоев.

Таким образом, на самой вершине концептуальной модели парохода находятся ни рай и ни ангелы, а языческий идол. Ср.:

На самой верхней крыше его одиноко высились среди снежных вихрей те уютные, слабо освещенные покои, где, погруженный в чуткую и тревожную дремоту, надо всем кораблем восседал его грузный водитель, похожий на языческого идола.

Вместе с тем образом, который представляет в вертикальной оппозиции монотеистический божественный верх, является солнце. Напомним, что солнце – традиционный в христианстве символ Иисуса Христа, добра и истины. В рассказе солнце так редко появляется на небосводе, что с самого начала формирует у читателя предчувствие трагических событий. Ср.:

В день отъезда, – очень памятный для семьи из Сан-Франциско! – даже и с утра не было солнца.

Утреннее солнце каждый день обманывало: с полудня неизменно серело и начинал сеять дождь да все гуще и холоднее.

Когда же речь идет о рядовых итальянских тружениках берега, автор использует образ солнца как живого существа. Ср.:

<...> потом первые улыбки теплого розоватого солнца, вид с высоко висящего балкона на Везувий <...> на бегущих внизу, по набережной, крохотных осликов в двужолках и на отряды мелких солдатиков, шагающих куда-то с бодрой и вызывающей музыкой

Солнце – неизменный образ, когда И. А. Бунин описывает жизнь обычных итальянцев. Ср.:

А на рассвете, когда побелело за окном сорок третьего номера и влажный ветер зашуршал рваной листвой банана, когда поднялось и раскинулось над островом Капри голубое утреннее небо и озолотилась против солнца, восходящего за далекими синими горами Италии, чистая и четкая вершина Монте-Соляро, когда пошли на работу каменщики, поправлявшие на острове тропинки для туристов...

Бинарная горизонтальная оппозиция «СУША – ВОДА»

Важно учитывать, что в рассматриваемом рассказе автор не противопоставляет человеческую цивилизацию и одухотворенную природу. Океан – столь же зловещий символ, как и «адская утроба» парохода. Образ океана регулярно реализуется через метафоры с пейоративными коннотациями (колоративы и антропоморфные образы). Ср.:

... жизнь на нем протекала весьма размеренно: вставали рано, при трубных звуках, резко раздававшихся по коридорам еще в тот сумрачный час, когда так медленно и неприветливо светало над серо-зеленой водяной пустыней, тяжело волновавшейся в тумане;

Тяжелый туман до самого основания скрывал Везувий, низко серел над свинцовой зыбью моря. Острова Капри совсем не было видно – точно его никогда и не существовало на свете.

В рассказе океан осмысливается как живое существо, страшное в своей разрушительной силе. Ср.:

Океан, ходивший за стенами, был страшен... Океан с гулом ходил за стеной черными горами, вьюга крепко свистала в отяжелевших снастях, пароход весь дрожал...

Данный пейоративный образ усиливается метафорами «Гул океана – это погребальная месса» и «Волны океана – это траурные горы». Ср.:

Был он и на другую, и на третью ночь – опять среди бешеной вьюги, проносившейся над гудевшим, как погребальная месса, и ходившим траурными от серебряной пены горами океаном.

И. А. Бунин регулярно обращается к античным концептам, а согласно античным представлениям, на крайнем западе, куда уплывает пароход «Атлантида», океан омывает границу между миром жизни и смерти, где находится вход в подземное царство (в рассказе именно с Геркулесовых столбов Дьявол провожает лайнер взглядом). В отличие от творцов эпохи Ренессанса и классицизма, И. А. Бунин не рассматривал античные концепты как образцы для восхищения и подражания. В противопоставлении божественного и безбожного языческие концепты ассоциируются с темной стороной, поэтому океан и пароход аксиологически находятся на одном полюсе.

Если пароход является моделью ада и земли, то потерянным для пассажиров «раем» становится освещаемый солнцем итальянский берег, описываемый автором в мелиоративных тонах. Ср.:

Шли они – и целая страна, радостная, прекрасная, солнечная, простиралась под ними: и каменные горбы острова, который почти весь лежал у их ног, и та сказочная синева, в которой плавал он, и сияющие утренние пары над морем к востоку, под ослепительным солнцем, которое уже жарко грело, поднимаясь все выше и выше, и туманно-лазурные, еще по-утреннему зыбкие массивы Италии, ее близких и далеких гор, красоту которых бессильно выразить человеческое слово.

Если с пароходом и океаном ассоциируются силы зла, то на берегу расположены религиозные символы добра. В рассказе прослеживается традиционная для религиозного дискурса метафора солнца как божественного присутствия. В следующем контексте И. А. Бунин описывает скульптуру Девы Марии. Ср.:

На полпути они замедлили шаг: над дорогой, в гроте скалистой стены Монте-Соляро, вся озаренная солнцем, вся в тепле и блеске его, стояла в белоснежных гипсовых одеждах и в царском венце, золотисто-ржавом от непогод, мать божия, кроткая и милостивая, с очами, поднятыми к небу, к вечным и блаженным обителям трижды благословенного сына ее.

Также жизнь людей на берегу описывается через концепты радости, смирения и хвалы Богу. Ср.:

Они обнажили головы – и полились наивные и смиренно-радостные хвалы их солнцу, утру, ей, непорочной заступнице всех страждущих в этом злом и прекрасном мире, и рожденному от чрева ее в пещере Вифлеемской, в бедном пастушеском приюте, в далекой земле Иудиной...

Таким образом, было бы ошибочно полагать, что И. А. Бунин противопоставляет одухотворенную, божественную природу созданной человеком цивилизации, которую символизирует пароход, наполненный лицемерием. В рассказе актуализируется иная когнитивная оппозиция – «СУША – ВОДА», представленная на обоих краях оппози-

ции образами природы. Хотя горизонтальная оппозиция представляется менее типичной схемой для описания мироустройства, чем вертикальная оппозиция, она имеет вполне объяснимую нейробиологическую основу. У каждого человека с раннего детства формируется прочная ассоциативная связь между концептами УСТОЙЧИВОСТЬ и СУША, с одной стороны, и НЕУСТОЙЧИВОСТЬ и ВОДОЕМ, с другой стороны. Неслучайно писатель несколько раз подчёркивает страдания пассажиров от качки парохода. Ср.:

И маленький пароходик, направившийся к нему, так валяло со стороны на сторону, что семья из Сан-Франциско пластом лежала на диванах в жалкой кают-компании этого пароходика, закутав ноги пледом и закрыв от дурноты глаза.

<...> Миссис страдала, как она думала, больше всех: ее несколько раз одолевало, ей казалось, что она умирает, а горничная, прибежавшая к ней с тазиком, – уже многие годы изо дня в день качавшаяся на этих волнах и в зной и в стужу и все-таки неутомимая, – только смеялась. Мисс была ужасно бледна и держала в зубах ломтик лимона. Мистер, лежавший на спине, в широком пальто и большем картузе, не разжимал челюстей всю дорогу; лицо его стало темным, усы белыми, голова тяжело болела.

<...> Даже после того, как господин из Сан-Франциско сошел на берег, пол продолжал «ходить» под его ногами. Ср.:

<...> Пол еще ходил под господином из Сан-Франциско, – так качал его этот дрянной итальянский пароходишко.

Образ парохода не только является концептом сферы-мишени, но и сам служит источником содержания для переноса информации в другие сферы-мишени. Движение транспортного средства – традиционный образ, используемый для описания динамики каких-либо процессов. В рассказе И. А. Бунина сам пароход является метафорой изменения мировоззрения современного ему человека. Пароход плывет от надежного берега в смертельно опасную пучину океанской стихии (техногенное будущее), наивно и самонадеянно полагаясь на надежность транспортного средства под руководством идола-капитана. Неслучайно автор назвал пароход «Атлантида» по имени континента, который, по данным Платона, бесследно ушел под воду, несмотря на значительные достижения его высокомерных жителей. Подчеркнуть достижения цивилизации в области обустройства комфортной жизни путешественников призвана метафора «Пароход – это отель». Плавающая гостиница оберегает людей от природных невзгод. Ср.:

Был конец ноября, до самого Гибралтара пришлось плыть то в ледяной мгле, то среди бури с мокрым снегом; но плыли вполне благополучно. Пассажиров было много, пароход – знаменитая «Атлантида» – был похож на громадный отель

со всеми удобствами, – с ночным баром, с точными банями, с собственной газетой, – и жизнь на нем протекала весьма размеренно.

После смерти господина из Сан-Франциско пароход покидает берега Старого Света. Движение парохода от надежного берега в ненадежную стихию океана под наблюдением Дьявола метафорически отражает трансформацию общественного сознания, которую писатель оценивает как опасную или даже губительную.

Выводы

Как показал анализ, метафоры регулярно используются в рассказе «Господин из Сан-Франциско» для реализации двух доминирующих когнитивных оппозиций. Первая – вертикальная тринарная оппозиция «НИЗ – СЕРЕДИНА – ВЕРХ», репрезентирующая мир страданий как ад, бездуховный мир богатых людей (к которому относится господин из Сан-Франциско) как средний мир (пароход) и достижения цивилизации как идола, занимающего верх. Вторая – горизонтальная бинарная оппозиция «СУША – ВОДА», отражающая противопоставление устойчивого божественного и неустойчивого небожественного, представленного как океанским хаосом, так и созданным людьми пароходом.

Таким образом, писатель опирается на архетипические универсальные схемы осмысления мира, но творчески комбинирует из них уникальные концептуальные бленды, то есть создает свои собственные когнитивные конструкции, иногда вступающие в противоречие с привычной картиной мира. Так, остров Капри, традиционно связываемый со счастливой и беззаботной жизнью, становится местом драмы, а традиционная трехуровневая схема вертикального мироустройства сочетается с горизонтальной оппозицией, в которой мрачная стихия и пароход противопоставлены солнечному берегу.

В рассказе И. А. Бунина актуализируется большое количество метафор, актуализирующих когнитивные оппозиции, при этом один и тот же метафорический образ может реализовывать сразу несколько когнитивных оппозиций, создавая несколько слоев смысловой глубины. Так, образ солнца представлен как в вертикальной, так и в горизонтальной оппозиции. Это создаёт многообразие сценариев осмысления текста, начиная от читателей, воспринимающих только сюжет и поверхностные смыслы, не осознающих когнитивные оппозиции, до читателей, реконструирующих одну или более оппозиций. При этом читатель при повторном знакомстве с рассказом может реконструировать оппозицию, которая осталась скрытой при первом прочтении произведения, что создаёт эффект новизны, в, казалось бы, знакомом тексте.

Таким образом, концептуальный блендинг оппозиций отличает художественные произведения, подобные рассмотренному рассказу, от тек-

стов сказок, политического дискурса или дискурса СМИ, в которых, как правило, реализуется одна эксплицитно выраженная когнитивная оппозиция, легко моделируемая читателями.

Литература

1. Boyd, B. On the Origin of Stories: Evolution, Cognition, and Fiction / B. Boyd. – Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 2009. – 560 p.
2. Cognitive Poetics: Goals, Gains, and Gaps / ed. by G. Brone, J. Vandaele. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2009. – 560 p.
3. Gavins, J. Cognitive Poetics in Practice / J. Gavins, G. Steen. – London : Routledge, 2003. – 204 p.
4. Semino, E. Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis / E. Semino, J. Culpeper. – Amsterdam : John Benjamins, 2002. – 333 p.
5. Stockwell, P. Cognitive Poetics: An Introduction / P. Stockwell. – London : Routledge, 2020. – 193 p.
6. Tsur, R. Toward a Theory of Cognitive Poetics / R. Tsur. – Brighton : Sussex Academic Press, 2008. – 683 p.
7. Zunshine, L. Why We Read Fiction: Theory of Mind and the Novel / L. Zunshine. – Columbus : Ohio State University, 2006. – 198 p.
8. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 2003. – 256 p.
9. Bates, B. R. Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War / B. R. Bates // Communication Studies. – 2004. – Vol. 55, № 3. – P. 447–463.
10. Бунин, И. А. Произведения 1914–1931 гг. / И. А. Бунин // Собрание сочинений : в 6 т. – М. : Художественная литература, 1988. Т. 4. – 703 с.
11. Муромцева-Бунина, В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Бунина. – М. : Вагриус, 2007. – 511 с.
12. Горьковские чтения, 1958–1959: сборник / ред. Б. В. Михайловский, Е. Б. Тагер. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 451 с.
13. Mann, Th. Gesammelte Werke / Th. Mann. Band 2. – Berlin : Verlag Lizenz S. Fischer, 1956. – 1013 s.
14. Волков, А. А. Проза Ивана Бунина / А. А. Волков. – М. : Московский рабочий, 1969. – 448 с.
15. Волков, А. А. Русская литература XX века. Дооктябрьский период / А. А. Волков. – М. : Просвещение, 1970. – 526 с.
16. Лавров, В. В. Холодная осень: Иван Бунин в эмиграции (1920–1953) : роман-хроника / В. В. Лавров. – М. : Молодая гвардия, 1989. – 384 с.
17. Смирнова, Л. А. Иван Алексеевич Бунин: жизнь и творчество / Л. А. Смирнова. – М. : Просвещение, 1991. – 192 с.
18. Лебедева, В. Ю. Смерть, пришедшая на праздник, в рассказах Э. А. По, И. Бунина и В. Набокова // Научный диалог. – 2022. – № 11 (2). – С. 282–298.

19. Давиденко, Р. С. Книга рассказов И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско»: текст и контекст / Р. С. Давиденко // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 1 (84). – С. 87–91.
20. Богданова, О. В. Рассказ И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско»: (чеховский интертекст) / О. В. Богданова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. – 39 с.
21. Богданова, О. В. Самый чеховский рассказ И. Бунина: «Господин из Сан-Франциско» / О. В. Богданова. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2014. – 55 с.
22. Герасимова, А. «Письмо в стихах» Г. Ибсена как текст-предшественник рассказа И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» / А. Герасимова // Поэтика и компаративистика. – 2018. – Вып. 3. – С. 26–32.
23. Кацитадзе, И. М. «Слабая» определенность в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» / И. М. Кацитадзе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 3 (28). – С. 293–295.
24. Старцева, Н. М. Художественный текст и комментарий к нему (на материале рассказа И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско») / Н. М. Старцева // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2021. – № 3 (7). – С. 97–105.
25. Суходолов, А. П. Идеи русского космизма в творчестве И. А. Бунина: «господин мира» и «гражданин вселенной» / А. П. Суходолов, Е. С. Антипина // Известия Байкальского государственного университета. – 2018. – Т. 28, № 3. – С. 382–390.
26. Иманбердиева, Н. А. Символика в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» / Н. А. Иманбердиева // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. – 2019. – Т. 1, № 5. – С. 152–156.
27. Анисимов, К. В. Сундуки у Бунина: смысловые грани предметно-вещного образа / К. В. Анисимов // Сюжетология и сюжетография. – 2020. – № 2. – С. 343–354.
28. Бугакова, Н. Б. Об особенностях функционирования предметной детали в произведениях И. А. Бунина / Н. Б. Бугакова, Ю. С. Попова, О. В. Сулемина // Нефилология. – 2019. – Т. 5, № 19. – С. 364–370.
29. Попова, Ю. С. Мотив танца в прозе Ивана Алексеевича Бунина / Ю. С. Попова, О. В. Сулемина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 5 (83). – Ч. 2. – С. 275–278.
30. Бемиг, М. Догадки о Рейсе и цифровой символике в рассказе И. Бунина «Господин из Сан-Франциско» / М. Бемиг // Вопросы литературы. – 2021. – № 1. – Р. 43–52.
31. Miyagawa, K. The Existential byt' in the Translations of I. A. Bunin's The Gentleman from San Francisco into English and Japanese / K. Miyagawa // The Reception of East Slavic Literatures in the West and the East ; ed. by Sh. Murata, S. Aloe. – Firenze : Firenze University Press, 2023. – P. 83–93.
32. Fauconnier, G. Generalized Integration Networks / G. Fauconnier // New Directions in Cognitive Linguistics ; ed. by V. Evans, S. Pourcel. – Amsterdam : John Benjamins, 2009. – P. 147–160.
33. Fauconnier, G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books, 2002. – 440 p.
34. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
35. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Помовский и партнеры, 1994. – 351 с.
36. Будаев, Э. В. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. – 2006. – № 17. – С. 35–77.
37. Будаев, Э. В. Современная российская политическая метафорология (2010–2020 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 103–113.

Будаев Эдуард Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), e-mail: aedw@mail.ru. ORCID 0000-0003-2137-1364

Руженцева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), e-mail: verbalis@mail.ru. ORCID 0000-0002-1208-1202

Нахимова Елена Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), e-mail: nakhimova@gmail.com. ORCID 0000-0003-4908-632X

Поступила в редакцию 11 марта 2025 г.

**METAPHOR AS A MEANS OF ACTUALIZING COGNITIVE
OPPOSITIONS IN STORY “THE GENTLEMAN FROM SAN
FRANCISCO” BY I. A. BUNIN****E. V. Budaev, N. B. Ruzhentseva, E. A. Nakhimova***Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation*

The article deals with the features of using metaphors as a means of actualizing cognitive oppositions in *The Gentleman from San Francisco* by I. A. Bunin. The research methodology is based on the heuristics of the theory of conceptual metaphor, the theory of conceptual integration, and the theory of metaphorical modeling. The analysis revealed that metaphors are regularly used in *The Gentleman from San Francisco* to actualize two dominant cognitive oppositions. The first is the “BOTTOM – MIDDLE – TOP” vertical trinary opposition representing the world of suffering as hell, the soulless world of rich people as the middle world (upper decks of a steamship), and the achievements of civilization as an idol occupying the top. The second is the “LAND – WATER” horizontal binary opposition reflecting the opposition of the stable divine and the unstable ungodly, represented by both the ocean chaos and the man-made steamboat. Thus, the writer relies on archetypal universal patterns for understanding the world, but creatively combines them into unique conceptual blends, that is, creates his own cognitive constructs, sometimes contradicting the usual picture of the world. Thus, the island of Capri, traditionally associated with a happy and care-less life, becomes a place of drama, while the traditional three-level scheme of the vertical world order is combined with a horizontal opposition, in which the gloomy ocean and the steamship are opposed to the sunny shore. *The Gentleman from San Francisco* is distinguished by a variety of metaphors actualizing cognitive oppositions, while the same metaphorical image can simultaneously implement several cognitive oppositions, creating several layers of semantic depth.

Keywords: Russian literature; I. A. Bunin; *The Gentleman from San Francisco*; cognitive metaphor; blending; conceptual integration; cognitive oppositions.

References

1. Boyd B. *On the Origin of Stories: Evolution, Cognition, and Fiction*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2009. 560 p.
2. *Cognitive Poetics: Goals, Gains, and Gaps* / ed. by G. Brone, J. Vandaele. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 560 p.
3. Gavins J., Steen G. *Cognitive Poetics in Practice*. London: Routledge, 2003. 204 p.
4. Semino E., Culpeper J. *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. 333 p.
5. Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London: Routledge, 2020. 193 p.
6. Tsur R. *Toward a Theory of Cognitive Poetics*. Brighton: Sussex Academic Press, 2008. 683 p.
7. Zunshine L. *Why We Read Fiction: Theory of Mind and the Novel*. Columbus: Ohio State University, 2006. 198 p.
8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 256 p.
9. Bates B.R. Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War // *Communication Studies*. 2004. Vol. 55, № 3. P. 447–463.
10. Bunin I.A. *Proizvedeniya 1914–1931 gg. [Works of 1914–1931] // Sobranie sochineniy: v 6 t. Moscow: Fiction, 1988. Vol. 4. 703 p.*
11. Muromtseva-Bunina V.N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu [Bunin's Life. Conversations with Memory]*. Moscow: Vagrius, 2007. 511 p.
12. *Gor'kovskie chteniya, 1958–1959 [Gorky Readings, 1958–1959]* / ed. B.V. Mikhailovsky, E.B. Tager. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 451 p.
13. Mann Th. *Gesammelte Werke. Band 2*. Berlin: Verlag Lizenz S. Fischer, 1956. 1013 s.
14. Volkov A.A. *Proza Ivana Bunina [Prose of Ivan Bunin]*. Moscow: Moscow Worker, 1969. 448 p.
15. Volkov A.A. *Russkaya literatura XIX veka. Dooktyabr'skij period [Russian Literature of the Twentieth Century. Pre-October Period]*. Moscow: Education, 1970. 526 p.
16. Lavrov V.V. *Holodnaya osen': Ivan Bunin v emigracii (1920–1953): roman-hronika [Cold Autumn: Ivan Bunin in Exile (1920–1953): a Chronicle Novel]*. Moscow: Young Guard, 1989. 384 p.

17. Smirnova L.A. Ivan Alekseevich Bunin: zhizn' i tvorchestvo [Ivan Alekseevich Bunin: Life and Creativity]. Moscow: Education, 1991. 192 p.
18. Lebedeva V.Y. Smert', prishedshaya na prazdnik, v rasskazah E.A. Po, I. Bunina i V. Nabokova [Death that Came to the Holiday in the Stories of E.A. Poe, I. Bunin and V. Nabokov] // *Nauchnyi dialog*. 2022. № 11 (2). P. 282–298.
19. Davidenko R.S. Kniga rasskazov I.A. Bunina «Gospodin iz San-Francisko»: tekst i kontekst [The Book of Short Stories by I.A. Bunin “The Gentleman from San Francisco”: Text and Context] // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № 1 (84). P. 87–91.
20. Bogdanova O.V. Rasskaz I.A. Bunina “Gospodin iz San-Francisko”: (chehovskij intertekst) [I. Bunin’s Story “The Gentleman from San Francisco”: (Chekhovian Intertext)]. Saint Petersburg: Publishing house of the Herzen State Pedagogical University, 2018. 39 p.
21. Bogdanova O.V. Samyj chekhovskij rasskaz I. Bunina: «Gospodin iz San-Francisko» [I. Bunin’s most Chekhovian story: “The Gentleman from San Francisco”]. Saint Petersburg: Philological faculty of St. Petersburg State University, 2014. 55 p.
22. Gerasimova A. “Pis'mo v stihah” G. Ibsena kak tekst-predshestvennik rasskaza I.A. Bunina “Gospodin iz San-Francisko” [“Letter in Verse” by G. Ibsen as a Predecessor Text of I. A. Bunin’s Short Story “The Gentleman from San Francisco”] // *Poetika i komparativistika*. 2018. Iss. 3. P. 26–32.
23. Katsitadze I.M. «Slabaya» opredelennost' v rasskaze I.A. Bunina “Gospodin iz San-Francisko” [“Weak” Certainty in I.A. Bunin’s Story “The Gentleman from San Francisco”] // *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 2019. Vol. 8. № 3 (28). P. 293–295.
24. Startseva N.M. Khudozhestvennyy tekst i kommentariy k nemu (na materiale rasskaza I.A. Bunina «Gospodin iz San-Francisko») [Literary Text and Commentary on it (Based on the story of I.A. Bunin “The Gentleman from San Francisco”)] // *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie*. 2021. № 3 (7). P. 97–105.
25. Sukhodolov A.P., Antipina E.S. [Ideas of Russian Cosmism in Creativity and. A. Bunina: “Master of the World” and “Citizen of the Universe”] // *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. Vol. 28, № 3. P. 382–390.
26. Imanberdieva N.A. Simvolika v rasskaze I. A. Bunina “Gospodin iz San-Francisko” [Symbolism in I.A. Bunin’s Story “The Gentleman from San Francisco”] // *Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Arabaeva*. 2019. Vol. 1, № 5. P. 152–156.
27. Anisimov K.V. Sunduki u Bunina: smyslovye grani predmetno-veshchnogo obraza [Chests in Bunin: Semantic Facets of the Object-Object Image] // *Plotology and Plotography*. 2020. № 2. P. 343–354.
28. Bugakova N.B., Popova Y.S., Sulemina O.V. Ob osobennostyah funkcionirovaniya predmetnoj detali v proizvedeniyah I.A. Bunina [On the Features of the Functioning of the Subject Detail in the Works of I.A. Bunin] // *Neofilologiya*. 2019. Vol. 5. № 19. P. 364–370.
29. Popova Y.S., Sulemina O.V. Motiv tanca v proze Ivana Alekseevicha Bunina [The Motif of Dance in the Prose of Ivan Alekseevich Bunin] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018. № 5 (83). Part 2. P. 275–278.
30. Bemig M. Guesses about Reis and Digital Symbolism in I. Bunin’s story “The Gentleman from San Francisco” // *Voprosy literatury*. 2021. Vol. (1). P. 43–52.
31. Miyagawa K. The Existential byt' in the Translations of I.A. Bunin’s The Gentleman from San Francisco into English and Japanese // *The Reception of East Slavic Literatures in the West and the East*; ed. by Sh. Murata, S. Aloe. Firenze: Firenze University Press, 2023. P. 83–93.
32. Fauconnier G. Generalized Integration Networks // *New Directions in Cognitive Linguistics*; ed. by V. Evans, S. Pourcel. Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 147–160.
33. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind’s Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002. 440 p.
34. Baranov A.N. Deskriptornaya teoriya metafory [Descriptor Theory of Metaphor]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2014. 632 p.
35. Baranov A.N., Karaulov Y.N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor [Dictionary of Russian Political Metaphors]. Moscow: Pomovsky and Partners, 1994. 351 p.
36. Budaev E.V., Chudinov A.P. Konceptual'naya metafora v politicheskom diskurse: amerikanskij, evropejskij i rossijskij varianty issledovaniya [Conceptual Metaphor in Political Discourse: American, European and Russian Research Options] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2006. № 17. P. 35–77.
37. Budaev E.V., Chudinov A.P. Sovremennaya rossijskaya politicheskaya metaforologiya (2010–2020 gg.) [Modern Russian Political Metaphorology (2010–2020)] // *Filologicheskij klass*. 2020. T. 25, № 2. P. 103–113.

Eduard V. Budaev – D. Sc. (Philology), Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg), e-mail: aedw@mail.ru

Natalya B. Ruzhentseva – D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg), e-mail: verbalis@mail.ru

Elena A. Nakhimova – D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg), e-mail: nakhimova@gmail.com

Received March 11, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Будаев, Э. В. Метафора как средство актуализации когнитивных оппозиций в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» / Э. В. Будаев, Н. В. Руженцева, Е. А. Нахимова, // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 67–77. DOI: 10.14529/ssh250208

FOR CITATION

Budaev E. V., Ruzhentseva N. B., Nakhimova E. A. Metaphor as a means of actualizing cognitive oppositions in story “The gentleman from San Francisco” by I. A. Bunin. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 67–77. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250208

ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОВЕСТИ ГЕНРИХА САПГИРА «АРМАГЕДДОН»

Д. И. Клопотюк, Т. Ф. Семьян

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье исследуется нарративная организация повести Генриха Сапгира «Армагеддон», написанной в 1998 году. Долгое время существуя в советском культурном пространстве лишь как феномен самиздата, большинство прозаических текстов Генриха Сапгира стало известно современному читателю относительно недавно. Повесть «Армагеддон», представляющая научный интерес с точки зрения своего интермедиального начала, является уникальным прецедентом русской литературы, в основе которого находится особая техника работы с художественным материалом – монтаж, – заимствованная из кинематографического искусства. Прибегая к использованию семиотического, нарративного и интертекстуального метода анализа, авторы приходят к выводу, что подобный подход, позволяющий охарактеризовать «Армагеддон» как феномен кинематографического литературного текста, формирует специфический тип нарративной организации, заключающейся в активной смене фокализации, динамизме пространственно-временных трансформаций и нефиксированном положении инстанционных субъектов.

На создание «Армагеддона» значительно повлиял роман Ф. М. Достоевского «Бесы». Интегрируя в повесть компонент событийной недосказанности и непредсказуемости, Генрих Сапгир ставит под сомнение надежность и информированность нарратора, что коррелирует с постмодернистской эстетикой прозы автора, характеризующейся демифологизацией, деконструкцией художественного текста и снижением авторитета субъекта повествования.

Ключевые слова: нарратив, Генрих Сапгир, темпоральный мир, кинематографичность, фокализация.

Введение

Генрих Вениаминович Сапгир – поэт, прозаик и переводчик – является одной из центральных фигур русского неподцензурного литературного процесса. Как и многие другие авторы, не публиковавшие свои произведения в силу специфики поэтики, конфликтующей с официальным советским дискурсом, Сапгир стал известен массовому читателю благодаря своей детской поэзии, а также сценариям к мультипликационным фильмам («Часы с кукушкой», «Золушка», «Ничуть не страшно» и др.). Однако произведения московского автора, которыми условно очерчивается его корпус «взрослых» текстов, долгое время существовали лишь как феномен литературы самиздата.

Будучи представителем Лианозовской школы (литературного неоавангардного объединения поэтов и художников, к которому относились Евгений Кропивницкий, Игорь Холин, Всеволод Некрасов, Оскар Рабин и др.), Генрих Сапгир активно экспериментировал с формой текста, его жанровыми и родовыми детерминантами. Так, в 1975 году на выставке художников он продемонстрировал поэтический перформанс, написав на своих рубашках два сонета «Тело» и «Дух», которые позже легли в основу сборника стихотворений «Сонеты на рубашках» (1978 г.), интересных в том числе и своим визуально-графическим оформлением. Неслучайно Генрих Сапгир подобный подход к организации стихотворного текста называл «вещизмом», что очень точно отражает как специфику его «ранней» поэ-

зии, так и конкретистскую направленность художников Лианозовской школы.

Однако творчество Генриха Сапгира не может быть полностью сведено к конкретному литературному направлению, поскольку за свою жизнь им были написаны этиологически разные художественные произведения, на формирование которых оказали влияние как авангардные течения (футуризм, в большей степени – сюрреализм), так и классические (реализм и романтизм). Еще В. Б. Кривулин заметил, что «Генрих жил как бы между авангардными и классическими тенденциями. Он очень много взял от живописи. И многие его приемы авангардного характера – они заимствованы у художников, это видно по стихам» [1]. Можно сказать, что художественная палитра Генриха Сапгира полностью коррелирует с жанровым, родовым, стилистическим и визуально-графическим репертуаром мировой литературы.

В 2023–2024 г. было издано наиболее полное четырехтомное собрание сочинений Г. Сапгира [2], которое включает в себя его малую и крупную прозу, практически до этого времени не изученную. Так, особого внимания заслуживает повесть «Армагеддон», написанная в технике «монтажной склейки» и являющаяся важным прецедентом феномена кинематографической литературы, активно развивающейся в 90-е годы прошлого столетия. Именно подобная специфика художественного текста, характеризующаяся особым типом субъектно-объектных отношений, пространственно-временного модуса и позиции «точки зрения»,

определяет наш исследовательский интерес. Неслучайно поэтесса Анна Альчук, лично знавшая Сапгира, отмечала, что «в своих последних стихах и прозаических произведениях он создавал контекст, в котором невыразимое и невербальное обрело словесное выражение. Его герои постоянно ставятся в ситуацию размытости границ между реальным и воображаемым» [3].

Целью настоящего исследования является анализ компонентов нарративной организации – темпоральности, фокализации и статуса нарратора – повести Генриха Сапгира «Армагеддон», что может способствовать расширению представления о художественном инструментарии автора, включающем в себя интермедийную интенцию и оперирование техниками различных форм искусства, среди которых наиболее значимую роль для автора играл кинематограф.

Обзор литературы

Теория нарратива рассматривает текст как сложную знаковую систему, где важнейшим компонентом является факт художественного события, происходящего в определенных пространственно-временных границах и фиксирующегося субъектом инстанционной иерархии – нарратором. У. Лабов определяет наррацию как «способ репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, отражающей временную последовательность событий» [4]. Нарратор – центральная категория повествования, поскольку именно от него зависит факт фиксации происходящих событий в рамках виртуального мира и художественная оптика, предлагаемая им для рассмотрения текстуального «происшествия». В. Шмид утверждал, что «нарратор может быть едва уловимым, сливаясь с абстрактным автором. Но как бы объективен, безличен он ни был, нарратор всегда предстает как субъект, наделенный более или менее определенной точкой зрения, которая сказывается, по меньшей мере, в отборе тех или иных элементов из “происшествий” для повествуемой “истории”» [5, с. 66].

В настоящее время нарратология как научная дисциплина предоставляет множество моделей для анализа текста, которые условно дифференцируются по принципу принадлежности к двум крупным направлениям в изучении художественного события: классическому (Ж. Женнет, Р. Барт, В. Шмид, Б. А. Успенский, В. И. Тюпа) и постклассическому (Г. Олсон, Ю. Марголин, М. Флудерник, Б. Ричардсон). Как указывает Е. В. Лозинская, представители первого работают над «уточнением существующих “классических нарратологических” моделей, пересматривая их фундаментальные концепты и переосмысляя их исходную проблематику», а второго – над выходом «за их пределы, применяя нарратологический аппарат к нелитературным повествованиям» [6, с. 7]. Однако вне зависимости от научного подхода объектами нарратоло-

гического исследования остаются устойчивые категории, к которым хрестоматийно относятся фокализация, темпоральный мир, инстанционные внутритекстовые отношения др.

«Точка зрения» (особенно интересная категория в отношении полиродового текста), из которой нарратор обозревает внутритекстовое событие, является не просто виртуальной позицией, но и одновременно эстетико-содержательным фокусом, очерчивающим концептуальный художественный пласт. Так, Ю. В. Гончаренко указывает, что «фокализация представляет собой средство моделирования смыслов на уровне организации текста» [7, с. 15]. Можно сказать, что субъект разноплановой фиксации «события» непосредственно формирует сложную художественную систему, имеющую особенности, которые отражаются, по мнению Б. А. Успенского, на уровне идеологии, фразеологии, темпоральности и психологии текста [8].

Все вышеуказанные модусы конституируются нарратором в виде законченной целостной картины мира, которая определяется жанровыми и металингвистическими факторами. Предлагаемая художественным адресантом картина мира – виртуальное выражение динамичности жизни, характеризующейся непрерывной сменой событий, прецедентов. Специфику поливариативной событийности, а вместе с ней и содержательное разнообразие «картин мира», актуализирующих нарратором, зафиксировал В. И. Тюпа, который выделял прецедентную, императивную, авантюрную и вероятностную картины мира [9, с. 20–21; 10, с. 339]. Во многом их разнообразие характеризуется историческим процессом, а также преобладанием тех или иных ценностных установок и мировоззренческих детерминант в культуре конкретного периода.

Проза Генриха Сапгира мало изучена в литературоведческом дискурсе. Стоит отметить, что научные работы, посвященные прозе этого автора, в основном рассматривают ее малые формы – рассказы (И. А. Аглеев [11]) и, например, миниатюры (А. А. Лимарева [12]). Значимый вклад в исследование не-поэтического корпуса текстов московского автора внес Ю. Б. Орлицкий, указавший на синтетическую природу сапгировской прозы, в которой «максимальное “стихоподобие” образуется не только за счет традиционных для этого образования структурных сдвигов в прозаической структуре (уменьшения объемов строф и фраз, выравнивания строф по объему, их версеизации), но и из-за ненормативного для прозы массивного использования стихотворной образности и синтаксиса, эллипсисов и других фигур и т. д.» [13, с. 324].

Методы исследования

В рамках исследования повести Г. Сапгира «Армагеддон» применяются как филологические (нарративный и интертекстуальный), так и обще-

культурологические (семиотический и сравнительно-исторический) методы анализа.

Результаты и дискуссия

Повесть «Армагеддон», написанная Г. Сапгиром в 1998 году, представляет собой уникальный литературный прецедент интермедийной природы. Взяв за основу сюжета процесс съемки фильма под названием «Армагеддон», в котором после длительной борьбы (идеологической и политической) два противоположных лагеря – группа участников «Мосфильма» и клуба имени Зуева – должны определить в финальном сражении будущее страны, Генрих Сапгир в русле постмодернистской традиции деконструирует не только библейский и политический миф, но и саму специфику литературного текста, его жанрово-родовую детерминанту. Уже во вступлении – нарраторской ремарке, выделенной в композиционную главу и предвещающей «событие» – обозначается доминантный принцип работы с материалом – художественный коллаж: «Вырванный из середины человеческой комедии кусок *пестрой киноленты* стрекочет и светится на рабочем экране на *монтажном столе*. Завиваясь двойным серпантинном, *лента* струится в корзину» [14, с. 448].

Для русской литературы постсоветского периода, испытывающей концептуальные и эстетические трансформации после устранения дихотомии «официальный / неподцензурный», было характерно экспериментирование с техниками других искусств. Так, И. А. Мартынова неоднократно указывала, что в творчестве писателей 90-х годов, например В. Пелевина, А. Слаповского, Т. Толстой, и др., часто встречаются приемы и тактики, которые были заимствованы у кинематографа [15]. В этом отношении Генрих Сапгир не является исключением, поскольку его многовекторное творчество также включало изучение феноменов, находящихся на стыке литературы и живописи, но что представляет больший интерес в рамках нашего исследования – литературы и кинематографа.

В целом взаимоотношения литературы и кинематографа – казалось бы, двух разных форматов репрезентации авторского опыта – на протяжении прошлого столетия складывались по принципу взаимного обучения: постмодернистские тенденции во многом повлияли на постепенное размывание границ между видами искусства, что способствовало возникновению такого явления, как кинематографический литературный текст, или литературная кинематографичность [15].

В основе этого явления лежит уникальный подход к созданию литературного текста – монтаж. Стоит сказать, что в повести «Армагеддон» функция режиссера (кинематографический аспект текста) синхронизируется с фундаментальной задачей нарратора (литературный аспект текста), заключающейся в отборе материала для рассказываемой истории. Выступая в качестве «режиссера

языка», нарратор компилирует пространственно-временной, сюжетный и композиционный пласты для создания целостности производимого артефакта.

Подобная нарративная стратегия, характеризующаяся высоким динамизмом сюжетного и концептуального развертывания, позволяет Генриху Сапгиру на темпоральном уровне текста отразить скорость социокультурных изменений Москвы конца 80-х годов. Главными персонажами повести становятся представители двух политических лагерей – интернационального объединения «Мосфильм» и клуба имени Зуева, которые условно отражают противостояние демократической и консервативной идеологии. Результат лагерного сражения должен определить новый политический курс государства: «Когда наши машины будут готовы, мы устроим между этими голубчиками Армагеддон с реальными параметрами и настоящими жертвами, но в виртуальной реальности. Кто победит (компьютеры определяют это), тот и выберет путь, по которому дальше пойдет Россия» [14, с. 500].

Сапгир через эту сюжетную оппозицию апроприрует культурные мифы, распространяя их на все пласты наррации. Так, значимое влияние на поэтику повести «Армагеддон» оказал политический роман Ф. М. Достоевского «Бесы». Персонажи романа (особенно Н. В. Ставрогин и П. С. Верховенский) становятся прообразами сапгировского текста. «Мосфильм» и клуб имени Зуева структурно напоминают боевые «пятерки», о которых распространяется Петр Верховенский, причем их существование, как и в романе Достоевского, фиктивно. Можно сказать, что повесть Генриха Сапгира воспроизводит поэтику слухов, характеризующую «Бесов», – все нарративные события не могут быть полностью идентифицированы как реальные, непосредственно переживаемые, поскольку находятся вне поля зрения персонажей. Вэвэ – руководитель Зуевского клуба, который пробует из людей с психическими расстройствами сделать Репиных, Айвазовских и Рембрандтов – организывает свою революционную ячейку, как и Петр Верховенский:

«– Вы здесь организовали *боевые пятерки Добра*. И в Москве, и в Ленинграде, и в Самаре, кажется, уже есть, – сказала она в раздумьи.

– Верно, и у нас *пятерка*, в студии» [14, с. 489].

Важным является то, что существование выявленного, эксплицитно выраженного нарратора в событии Армагеддона, который очерчивает в том числе и семиотическое поле христианского эсхатологического мифа, не предполагает, пусть и в ситуации нахождения субъекта повествования на метапозиции относительно героев, модуса «всеведения». Он, как и многие персонажи повести, находится в перманентном неустойчивом положении между актуализацией потенции, предлагаемой событиями, и ее устранением, то есть не-выбором.

В случае персонажей это проявляется с определением «своего» лагеря («Мосфильма» или клуба имени Зуева, политической группы в фильме, которого, может быть, и не было вовсе), а в случае нарратора – с определением той или иной степени фиктивности описываемого. Можно заметить, как в повести «вероятностные представления оперируют с возможностью событий, но не сводят реальное индивидуальное событие к выводимому, предсказуемому следствию» [16]. Нарратор, неуверенный в достоверности происшествий (полной или частичной), сам становится участником «вероятностной картины мира», им же порожденной: «И тут мне припомнилась одна московская история тех лет, которая, *возможно*, произошла с моими хорошими знакомыми, *может быть много прибавлено* и люди были другие, но что-то подобное я слышал тогда в московских компаниях» [14, с. 448].

Темпоральный пласт повести организуется по дихотомическому принципу, свойственному как для прозаических, так и для поэтических текстов Генриха Сапгира. О. В. Леушина, исследуя специфику хронотопа в текстах Сапгира, замечает, что «во всех лирических циклах так или иначе заметен пространственно-временной сдвиг, “смещение времен”» [17, с. 77]. С подобной ситуацией мы сталкиваемся и при анализе «Армагеддона»: граница между объективным и фиктивным топосами часто размывается, рассматривается как нечто условное в эстетике абсурдного мира. В повести «Армагеддон» подобные пространственные перемещения могут происходить через сексуальный опыт, как и, например, в мини-романе «Сингапур», а также благодаря монтажной склейке (резкой смене фокализации), соединяющей разные композиционно-синтаксические фрагменты. Так, Наталья, Сергей и Вольфганг – участники Армагеддона, представляющие «Мосфильм» – перемещаются в киностудию из собственной постели («Может быть, это была любовь. Может быть, приснилось» [4, с. 460]); Олег Евграфович – персонаж, занимающийся переложением «Бесов» в стихотворную форму, – «пропадает» из реанимационной во время операции и оказывается на поле сражения двух лагерей («А больной, если не испарился, то другого варианта просто нет» [14, с. 504]). Условность, пронизывающая всю архитектуру повести, самим нарратором воспринимается как имманентная черта мира «Армагеддона»; помимо прочего, ее рецепция не является компонентом художественной стратегии, о чем говорит сам нарратор: «Наташа и Ефим тоже долго не могли прийти в себя в своей разгромленной квартире... Как их оттуда вынесло? *Нашего повествования* это касается только *краем*» [14, с. 510].

Точка зрения, сопряженная с пространственным и временным фокусами, в «Армагеддоне» не является перманентно зафиксированной: narra-

тор, выступая в качестве режиссера события, способен предлагать несколько «оптик» в рамках замедления или развертывания события. Стоит сказать, что смена «перспектив», формирующих эту динамику развертывания, и позиций, из которых рассматривается то или иное событие, в значительной степени определяют фокализационную ненадежность, вызванную отсутствием полноты знания нарратора, на что мы указывали ранее. Можно сказать, что подобная ситуация «объясняется не зависящими от нарратора обстоятельствами или недостаточной образованностью и информированностью» [18]. Однако, вне зависимости от приписываемого фокализации статуса, ее замедление (как событийное, так и временное) достигается Генрихом Сапгиром благодаря смене точек зрения героев в рамках последовательных текстовых блоков, отделенных чаще всего визуально-графически пустой строкой. Подобная стратегия выбора ракурса создает «движение» наррации – короткие синтаксические единицы (простые неосложненные предложения) могут чередоваться с сложноструктурными синтаксическими группами (абзацами с диалогическим членением или стихотворными отрывками). В этом случае необходимо говорить о смене синтаксического «напряжения», или застывающем времени, в рамках которого нарратор позволяет зафиксировать состояние нескольких героев одновременно:

«Почему не попробовать. Это нечто вроде коллективной медитации, как я понимаю. И вреда никому не будет. Сейчас уже за это не хватают...

...Положу ей руку на круглое колено под столом. Положил. Виду не подала. Я ведь ей в деды гожусь» [14, с. 475].

Особенный интерес представляет расширение точки зрения (то есть переход к «полю» зрения), которое ситуативно связано в «Армагеддоне» с расположением абзацев, соотносимых с речью нарратора / персонажа, и стихотворных фрагментов из поэмы по мотивам романа «Бесы» Олега Евграфовича Пескова. В целом можно сказать, что родовое смещение в рамках одного текста (прозаического или поэтического) – естественное явление в творчестве Генриха Сапгира. Ю. Б. Орлицкий точно заметил, что «Сапгир дерзает раз и навсегда преодолеть, победить эту вечную стену между двумя словесными искусствами – прозой и поэзией» [19].

В главах повести, где чередуются прозаический корпус текста и стихотворный, динамичность, помимо длины и сложности синтаксических конструкций, достигается за счет их контрастирующей ритмической организации. Причем интересным является также то, что совмещение игровой природы хореического размера стиха и его тематико-концептуального наполнения раскрывает абсурдность художественного события. Так, напри-

мер, Генрих Сапгир через последнюю главу первой части поэмы Олега Евграфовича демифологизирует исторический образ Сталина, который считывается в образе таракана:

«Я попросил тишины. Когда тишина снова установилась, стал читать дальше.

Жил на свете таракан.

Таракан от детства,

И потом попал в стакан

Полный мухоедства» [14, с. 495].

Поливариантное развертывание события, свойственное вероятностной картине мира, в рамках которой персонажи встают на путь самоопределения благодаря выбору того или иного сценария развития виртуальной реальности, создается Генрихом Сапгиром в том числе с помощью персонифицированных языковых и синтаксических палитр. Кинематографический литературный текст, предлагая монтажное склеивание вместе со сменяющейся фокализацией в рамках композиционных структур (глав или абзацев), прибегает в случае с «Армагеддоном» к закреплению за отдельно взятыми участниками наррации индивидуальных синтаксических портретов. Наиболее показательным отражением в повести этого феномена является Аркаша – участник клуба имени Зуева, имеющий психические отклонения.

Например, в главе 13-й наррация происходит от лица Аркаши, который вступает в интимную связь с Беллой (тоже участницей клуба). Генрих Сапгир имитирует мышление Аркаши на синтаксическом и лексическом уровнях – о себе он говорит в третьем лице, используя при этом простые предложения, состоящие из ограниченной лексической палитры. Аркаша воспринимает мир, как и ребенок, через фундаментальные отношения между предметами; Белла становится для него не объектом любовного интереса, а совокупностью деталей, черт и характеристик, еще не изученных, чем и объясняется большая концентрация вопросительных и восклицательных предложений, соотносимых с интенциями изучения и удивления, на композиционную единицу: «Кудряшки задевают, щекочут. Отстаньте, противные кудри! Аркаша смеётся тоненько-тоненько. Рот прижался. Какой губастый! Белые зубищи, прямо как у волка. Он меня не укусит? Твой рот – добрый рот?» [14, с. 492].

В этой же главе происходит резкая смена фокализации: одномоментность протекания нескольких действий (интимной связи Аркаши и Беллы и Наташи и Ефима) демонстрируется через пространственный сдвиг. Замедление времени во время наррации Аркаши динамически «разрывается» интеграцией другой наррации через активно используемый Сапгиром прием «пустой» строки.

Размытием границ характеризуется вся архитектура «Армагеддона». Во многом кинемато-

графический эффект включенности, то есть идентификации инстанционного читателя с нарратором, достигается, помимо монтажной эстетики, смешением разных литературных жанров и родов в рамках повести. Важным художественным элементом «Армагеддона» являются дневники Олега Евграфовича, интегрированные в общее повествование в виде отдельных композиционных фрагментов (глава 9 и глава 14). Их использование создает динамику не только в синтаксическом, но и в родовом плане за счет сменяемости стихотворных, драматических и прозаических (эпистолярных) элементов.

Выводы

Таким образом, повесть Генриха Сапгира «Армагеддон» представляет собой уникальный феномен кинематографического литературного текста, в котором нарративная стратегия определяется монтажным принципом склейки, характерным для кинематографа. Применение монтажа, размытость границ между реальным и воображаемым, а также поливариативность событийной структуры позволяют автору создать динамичный текст, адекватно отражающий культурные и социополитические изменения постсоветского периода.

Анализ нарративной организации «Армагеддона» выявляет его сложную архитектурную структуру, основанную на смене точек зрения, многослойности художественного времени и пространства, а также использовании языковых и синтаксических вариаций, свойственных различным персонажам. Нарратор в повести тем не менее не обладает статусом всеведения, а функционирует как режиссер, предлагающий различные фокализационные модели восприятия читателем события. Этот подход сближает прозу Сапгира с литературными традициями постмодернизма, предполагающими деконструкцию структуры мифа и художественного текста.

Литература

1. Кривулин, В. От него исходили поразительные лучи любви. – URL: <https://sapgir.narod.ru/talks/about/krivulin01.htm> (дата обращения: 20.01.2025).
2. Сапгир, Генрих. Собрание сочинений : в 4 т. / Г. Сапгир; под ред. М. Г. Павловца. – М. : Новое литературное обозрение, 2023–2024.
3. Альчук, А. А. Воображаемое и реальное в «слоистике» Генриха Сапгира / А. А. Альчук. – URL: <https://sapgir.narod.ru/texts/criticism/alchuk.htm> (дата обращения: 13.01.2025).
4. Labov, W. Some Further Steps in Narrative Analysis. – URL: <https://www.ling.upenn.edu/~wlabov/sfs.html> (дата обращения: 02.02.2025).
5. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
6. Лозинская, Е. В. 2014.03.001. Современные тенденции в нарратологии. Current trends in narratology / ed. by G. Olson. – Berlin ; N.Y. : De

Gruyter, 2011. – 367 p / Е. В. Лозинская // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, Литературоведение: Реферативный журнал. – 2014. – № 3. – С. 7–21.

7. Гончаренко, Ю. В. Типы фокализации и средства их выражения в художественном дискурсе (на материале романа «Искушение» Иэна Макьюэна / Ю. В. Гончаренко // МНСК-2018: Иностранные языки : материалы 56-й Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск, 2018. – С. 15–16.

8. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 348 с.

9. Тюпа, В. И. Жанровая природа нарративных стратегий / В. И. Тюпа // Филологический класс. – 2018. – № 2 (52). – С. 19–24.

10. Тюпа, В. И. Нарративная стратегия романа «Мастер и Маргарита» / В. И. Тюпа // Михаил Булгаков, его время и мы : коллективная монография ; под ред. Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего. – Краков, 2012. – С. 337–348.

11. Аглеев, И. А. Мифопоэтические образы в рассказе Г. Сапгира «Жужукины дети» / И. А. Аглеев // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции : в 5 ч. Ч. I. – М., 2014. – С. 43–44.

12. Лимарева, А. А. Особенности авторской жанровой модификации прозаической миниатюры Г. В. Сапгира / А. А. Лимарева // Литература

в диалоге культур : межвузовский научный сборник. Т. 2. – Ростов-н/Д., 2015. – С. 181–186.

13. «Лианозовская школа»: между барачной поэзией и русским конкретизмом / под ред. Г. Зыковой, В. Кулакова, М. Павловца. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – 840 с.

14. Сапгир, Г. Собрание сочинений : в 4 т. / Г. Сапгир. – М. : Новое литературное обозрение, 2023. – Т. 1: Голоса. – 768 с.

15. Мартынова, И. А. Кинематограф русского текста / И. А. Мартынова. – СПб. : Свое издательство, 2011. – 240 с.

16. Пригожин, И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.

17. Леушина, О. В. «Пространственно-временной сдвиг» в поэтическом цикле Генриха Сапгира «Этюды в манере Огарева и Полонского» / О. В. Леушина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2017. – № 2 (15). – С. 77–80.

18. Olson, G. Reconsidering Unreliability: Fallible and Untrustworthy Narrators. – URL: https://www.academia.edu/7110989/Reconsidering_Unreliability_Fallible_and_Untrustworthy_Narrators (дата обращения: 18.01.2025).

19. Орлицкий, Ю. Б. Послесловие. «Летающий и спящий. Рассказы в прозе и стихах» / Ю. Б. Орлицкий. – URL: <https://www.vavilon.ru/texts/sapgir18/ls-ps.html> (дата обращения: 02.01.2025).

Клопотюк Данил Ильич – магистрант кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: klopotyuk01@mail.ru. ORCID 0009-0002-4114-2956

Семьян Татьяна Федоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: semiantf@susu.ru. ORCID 0000-0001-9380-1509

Поступила в редакцию 23 марта 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250209

FEATURES OF NARRATIVE ORGANIZATION IN NOVEL “ARMAGEDDON” BY GENRIKH SAPGIR

D. I. Klopotyuk, T. F. Semian

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article examines the narrative organization of *Armageddon*, a novel written by Genrikh Sapgir in 1998. In the Soviet cultural space, most of Genrikh Sapgir's prose texts were published as underground manuscripts for a long time (as a samizdat phenomenon) and have become known to the modern reader relatively recently. *Armageddon*, which is of scientific interest due to its intermedial origin, is a unique precedent of Russian literature based on a special technique of working with artistic material – montage – borrowed from cinematographic art. The authors use the semiotic, narrative, and intertextual analysis methods to conclude that such an approach, which allows characterizing *Armageddon* as a phenomenon of cinematographic literary text, forms a specific type of narrative organization, consisting in the active change of focalization, the dynamism of spatiotemporal transformations, and the unstable position of instance subjects.

The creation of *Armageddon* was significantly influenced by *The Demons*, a political novel written by F. M. Dostoevsky. Genrikh Sapgir integrates the component of understatement and unpredictability of events into the story to question the narrator's reliability and awareness, which correlates with the postmodernist aesthetics of the author's prose characterized by demythologization, deconstruction of the artistic text, and a decrease in the authority of the subject of the narrative.

Keywords: narrative, Genrikh Sapgir, temporal world, cinematography, focalization.

References

1. Krivulin V. Ot nego ishodili porazitel'nye luchy ljubvi [Bright Rays of Love Emanated from Him]. URL: <https://sapgir.narod.ru/talks/about/krivulin01.htm> (date of accessed: 20.01.2025).
2. Sapgir G. Sobranie sochinenij [Collected Works]: v 4 t. Moscow, 2023–2024.
3. Al'chuk A. Vooobrazaemoe i real'noe v «sloistike» Genriha Sapgira [The Imaginary and the Real in Genrikh Sapgir's «Layering»]. URL: <https://sapgir.narod.ru/texts/criticism/alchuk.htm> (date of accessed: 13.01.2025).
4. Labov W. Some Further Steps in Narrative Analysis. URL: <https://www.ling.upenn.edu/~wlabov/sfs.html> (date of accessed: 02.02.2025).
5. Shmid V. Narratologija [Narratology]. Moscow, 2003. 312 p.
6. Lozinskaja E. V. 2014.03.001. Sovremennye tendencii v narratologii. Current trends in narratology / ed. by Olson G. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2011. 367 p [Current Trends in Narratology] // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 7, Literaturovedenie: Referativnyj zhurnal*. 2014. № 3. P. 7–21.
7. Goncharenko J.V. Tipy fokalizacii i sredstva ih vyrazhenija v hudozhestvennom diskurse (na materiale romana «Iskuplenie» Ijena Mak'jujena [Types of Focalization and Means of Their Expression in Artistic Discourse (Based on the Novel «Atonement» by Ian McEwan)] // *MNSK-2018: Inostrannye jazyki: materialy 56-i Mezhdunarodnoj nauchnoj studencheskoj konferencii*. Novosibirsk, 2018. P. 15–16.
8. Uspenskij B.A. Pojetika kompozicii [Poetics of Composition]. Saint Petersburg, 2000. 348 p.
9. Tjupa V.I. Zhanrovaja priroda narrativnyh strategij [The Genre Nature of Narrative Strategies] // *Filologicheskij klass*. 2018. Vol. 52, № 2. P. 19–24.
10. Tjupa V.I. Narrativnaja strategija romana «Master i Margarita» [Narrative Strategy of the Novel «The Master and Margarita»] // *Mihail Bulgakov, ego vremena i my: kollektivnaja monografija; pod red. Gzhegozha Pshebindy i Janusha Svezhego*. Krakov, 2012. P. 337–348.
11. Agleev I.A. Mifopojeticheskie obrazy v rasskaze G. Sapgira «Zhuzhukiny deti» [Mythopoetic Images in the Story by G. Sapgir «Zhuzhukiny Deti»] // *Nauka, obrazovanie, obshhestvo: tendencii i perspektivy: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii: v 5 chastjah*. Moscow, 2014. P. 43–44.
12. Limareva A.A. Osobennosti avtorskoj zhanrovaj modifikacii prozaicheskoj miniatjury G.V. Sapgira [Features of the Author's Genre Modification of the Prose Miniature by G.V. Sapgir] // *Literatura v dialoge kul'tur: mezhvuzovskij nauchnyj sbornik*. Rostov-on-Don 2015. P. 181–186.
13. «Lianozovskaja shkola»: mezhdju barachnoj poeziej i russkim konkretizmom [«Lianozovo School»: between Barrack Poetry and Russian Concretism]. Moscow, 2021. 840 p.
14. Sapgir G. Sobranie sochinenij [Collected Works]: v 4 t. Moscow, 2023. Vol. 1: Golosa. 768 p.
15. Mart'janova I.A. Kinematograf russkogo teksta [Cinematography of Russian Text]. Saint Petersburg, 2011. 240 p.
16. Prigozhin I. Vremja, haos, kvant. K resheniju paradoksa vremeni [Time, Chaos, Quantum. Towards a Solution to the Time Paradox]. Moscow, 2003. 240 p.
17. Leushina O.V. «Prostranstvenno-vremennoj sdvig» v pojeticheskom cikle Genriha Sapgira «Jetjudy v manere Ogareva i Polonskogo» [«Space-Time Shift» in Genrikh Sapgir's Poetic Cycle «Etudes in the Manner of Ogarev and Polonsky»] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija*. 2017. Vol. 15, № 2. P. 77–80.
18. Olson G. Reconsidering Unreliability: Fallible and Untrustworthy Narrators. URL: https://www.academia.edu/7110989/Reconsidering_Unreliability_Fallible_and_Untrustworthy_Narrators (date of accessed: 18.01.2025).
19. Orlickij J.B. Posleslovie. «Letjashhij i spjashhij. Rasskazy v proze i stihah [Afterword. «Flying and Sleeping. Stories in Prose and Verse»]. URL: <https://www.vavilon.ru/texts/sapgir18/ls-ps.html> (date of accessed: 02.01.2025).

Danil I. Klopotyuk – Master’s Student of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: klopotyuk01@mail.ru

Tatyana F. Semian – D. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: semiantf@susu.ru

Received March 23, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Клопотюк, Д. И. Особенности нарративной организации в повести Генриха Сапгира «Армагеддон» / Д. И. Клопотюк, Т. Ф. Семьян // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 78–85. DOI: 10.14529/ssh250209

FOR CITATION

Klopotyuk D. I., Semian T. F. Features of narrative organization in novel “Armageddon” by Genrikh Sapgir. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 78–85. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250209

АНАЛИЗ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ ПРИ ЧТЕНИИ МЕДИАТЕКСТОВ ПО ЭКОЛОГИИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЭГ И АЙТРЕКЕРА

*М. С. Лапшин, Л. К. Лободенко, А. Б. Чередникова, Л. П. Шестеркина,
А. А. Басков*

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье на основе электроэнцефалографического исследования и айтрекинговых технологий представлены результаты анализа когнитивной нагрузки и эмоциональной вовлеченности молодежи (22–25 лет) при чтении медиатекстов по экологии СМИ и социальных медиа промышленных регионов. Исследование проводилось на базе выборки медиатекстов по экологической тематике (122 ед.), отобранных из СМИ и социальных медиа городов Челябинской и Свердловской областей. ЭЭГ-исследование показало, что наиболее высокую степень вовлеченности показали медиатексты, посвященные проблемам экологии. Наиболее высокая степень возбуждения отмечена при предъявлении медиатекста также с негативной экологической тематикой, связанной с лесными пожарами и неблагоприятными метеоусловиями. Технологии айтрекинга позволили с помощью видеофиксации осуществить регистрацию движения глаз аудитории при чтении медиатекстов и сформировать тепловые карты, обеспечивающие графическое представление данных, и выявить вербальные и невербальные элементы. Результаты анализа показали, что у респондентов преобладают вербальные элементы, связанные с вопросами охраны живой природы, проблемами загрязнения атмосферы, водоемов и проблемами мусора. Среди невербальных элементов медиатекстов наибольшее внимание привлекли образы озеленения ландшафта и образы животного мира.

Ключевые слова: медиатекст, экология, когнитивная нагрузка, эмоциональный отклик, ЭЭГ, айтрекер.

Введение

В современных условиях цифровизации общества и развития сетевых технологий СМИ социальные медиа стараются оперативно и доступно освещать новости в сфере экологии и делать их более заметными, используя поликодовые медиатексты, оказывая воздействие на общественное восприятие данной темы. Экологические кризисные ситуации вызывают огромный общественный интерес у разных социально-демографических групп. Молодежь промышленных регионов с ярко выраженными экологическими проблемами более остро реагирует на такую информацию, так как современное интернет-пространство задает устойчивые негативные стереотипы. Также необходимо отметить, что ключевая проблема исследования воздействия медиатекстов – сокрытие истинных эмоций аудитории. В связи с этим актуальным для исследования воздействия медиаконтента становится применение нейромаркетинговых технологий, предметом которых является изучение неосознанных когнитивных и эмоциональных реакций человека на определенные стимулы. Целью данной работы является исследование когнитивной нагрузки и эмоциональной вовлеченности молодежной аудитории при чтении поликодовых медиатекстов по экологии с использованием нейромаркетинговых технологий (электроэнцефалографического исследования и айтрекинга).

Обзор литературы

Благодаря СМИ и социальным медиа обществу стала известна проблема нестабильности со-

стояния окружающей среды и экологии. В последние десятилетия интерес к данной теме заметно возрос. Исследованием экологической журналистики занимаются следующие отечественные и зарубежные авторы: Л. А. Коханова [1], Е. А. Шаркова [2, 3], Л. В. Сизова [4], Н. В. Калинина [5], Н. Bodker, I. Neverla [6], D. B. Sachsman, J. A. M. Valenti [7], E. Freedman [8]. В работах отечественных и зарубежных авторов дается определение понятия, функции экологической журналистики, а также рассматривается история ее развития, затрагиваются вопросы, связанные с тематическими направлениями профессиональной деятельности и сложностями работы с экологической информацией.

СМИ вместо необходимого вовлечения широкой общественности в постижение сущности действительно актуальных экологических проблем, определения возможного личного участия в их решении, организации общественного контроля над деятельностью предприятий и организаций, негативно влияющих на окружающую среду, внимательного наблюдения за действиями власти в сфере охраны окружающей среды, фактически вызывают у населения чувство страха и растерянности [9]. Такая ситуация делает актуальным исследование практики освещения современными СМИ и соцмедиа темы экологии, взаимодействия общества с окружающей средой и реакции молодежной аудитории (когнитивной и эмоциональной) на поликодовые медиатексты по данным вопросам. Поликодовый текст – это мультимодальное сообщение, в котором для передачи информа-

ции используются различные коды (текст, графика, аудио, видео и т. д.) – вербальные и невербальные. Важно понимать, как люди воспринимают, осмысливают поликодовые тексты, какое воздействие данные медиатексты оказывают на аудиторию [10]. В поликодовых медиатекстах взаимодействие образов и языка способствует более глубокому пониманию и эмоциональному вовлечению аудитории [11].

В настоящее время особое внимание исследователей уделяется изучению эффектов воздействия медиасообщений на сознание людей. Так, концептуальная модель «Общество, медиа и аудитория: взаимные отношения», предложенная известными специалистами С. Болл-Рокич и М. Л. де Флюэр [12], имеет своим предметом структурные условия общества, в которых реализуются эффекты массовой коммуникации. Степень эффективности восприятия медиатекстов опирается на когнитивный подход, который подразумевает логическую связь между открытым содержанием медиа и мотивами удержания внимания – чем сильнее выражается зависимость, тем сильнее выражаются эффекты на когнитивном уровне (расширение знаний людей, формирование, определение степени важности проблем) и на аффективном уровне (формирование эмоций, оптимистического или пессимистического настроения) [13]. Изучение когнитивных процессов и реакций обеспечивает концептуальную основу для анализа детерминант и психосоциальных механизмов, с помощью которых коммуникация влияет на человеческое внимание, эмоции и поведение. Традиционно под когнитивным восприятием понимают познавательный процесс, позволяющий отразить в сознании те или иные предметы и явления при помощи различных органов чувств. На полноту восприятия человека оказывает влияние его опыт, навыки и знания, что означает факт предвосхищения информации в каждом познавательном акте. Сама же когнитивная активность определяется как «активность, связанная с приобретением, организацией и использованием знаний» [14]. Специалисты в области изучения когнитивистики фокусируют свое внимание на изучении влияния медиатекстов на неосознанные когнитивные и эмоциональные реакции, которые менее доступны для наблюдения и измерения традиционными методами. В связи с этим в данном исследовании используются нейромаркетинговые технологии, уникальность которых в том, что они проверяют неосознанные когнитивные и эмоциональные реакции человека на определенные стимулы.

Сегодня нейромаркетинг является междисциплинарной отраслью знаний, основанной на использовании нейробиологических концепций, теорий и методов для изучения нервной системы с целью понимания инстинктивного (или естественного) поведения человека с точки зрения по-

знания и эмоций, сознательного и бессознательного, в ответ на стимул [15]. В комплекс методов, используемых в нейромаркетинге, входят айтрекинг, ЭЭГ, полиграф и другие способы измерения неосознанных реакций человека.

Методы, используемые в данном исследовании, – айтрекинг (eye-tracking) и ЭЭГ. Айтрекинг – это набор исследовательских техник и методов, предназначенных для измерения, анализа и интерпретации данных о положении и движении глаз [16]. Благодаря этому методу можно проверить, куда падает взгляд испытуемого в тот или иной момент, как долго он фокусируется на определенной точке и по какой траектории движется [17]. ЭЭГ была принята для изучения множественных форм когнитивных и эмоциональных процессов в медиапотреблении [18], позволяющая измерить биоэлектрическую активность мозга, чтобы определить реакцию субъекта на раздражители.

Психофизиологические измерения выступают в качестве мощных индикаторов в исследованиях медиапроцессов и эффектов, будучи связанными с изменением внимания, возбуждения и эмоциональных реакций [19]. Нейромаркетинговые исследования предлагают три ключевых показателя эффективности сообщения: внимание, запоминание и эмоциональная вовлеченность [20–22]. Исследователь В. Лим, считает, что нейромаркетинговые исследования очень важны, так как в них применяются методы для получения доступа к скрытой информации и понимания механизмов поведения людей [23].

В настоящее время, благодаря достижениям нейронауки, мы знаем, что эмоции могут возникать раньше, чем сознательные процессы, и независимо от них [24]. Это означает, что аффективная реакция на стимулы может возникнуть за пределами любой сознательной обработки, в том числе и на медиаконтент по экологической тематике. Существует предположение, что один и тот же человек может иметь одновременно две различные установки по отношению к объекту: сознательную и бессознательную [25, 26].

Для понимания определённых когнитивных реакций аудитории на медиасообщения чаще всего в нейромаркетинговых исследованиях рассматривают различные показатели вовлеченности и возбуждения [27]. По мнению J. Claussen, вовлеченность можно определить как одновременно и психологическое состояние, и поведение [28]. В свою очередь S. Attfield определяет вовлеченность как время, внимание и эмоции, которые вкладывают в процесс медиапотребления пользователь [29].

Большинство исследований основаны на анкетировании респондентов, однако не исключено, что когнитивные реакции и эмоциональный отклик частично бессознательны, поэтому одних декларативных мер недостаточно для исследования этой проблемы. Решение этих проблем может

заклучаться в использовании измерений активности мозга и сенсорного восприятия, которые могут фиксировать более автоматические и бессознательные реакции на медиаконтент [30].

В целом необходимо сказать, что поликодовые медиасообщения по экологической тематике обладают способностью воздействовать на чувства и мысли аудитории, формировать определённые установки и стереотипы. В этих условиях актуальным представляется исследование когнитивной нагрузки и эмоциональной вовлеченности молодежи при чтении медиатекстов по экологии с использованием нейромаркетинговых технологий (айтрекинга и ЭЭГ).

Методы исследования

В работе применялся сравнительный анализ различных биометрических методов: электроэнцефалографический метод (ЭЭГ) и метод направления центрального зрения (айтрекинг). Применение методики отслеживания движения глаз (айтрекинг) у респондентов дает возможность определения степени концентрации внимания. Данный метод дает представление о динамических процессах движения взгляда через количественные показатели. В ходе айтрекинг-анализа изображений медиатекстов по экологии использовались тепловые карты и данные показателя saccad ampl common (общая длина пути сканирования области интереса, измеряемая в градусах (°)). Чем больше показатель, тем более детально происходит восприятие [31].

Для оценки с помощью ЭЭГ эмоционального отклика и когнитивной нагрузки на респондентов при воздействии медиатекстов применялись индексы вовлеченности (усл. ед.) и возбуждения (усл. ед.) [32]. При этом под вовлеченностью понимается эмоциональное и интеллектуальное состояние, отражающее степень, в которой человек внимателен и захвачен какой-либо деятельностью (в контексте данного исследования – просмотром и осознанием медиасообщения). В свою очередь, возбуждение – характеристика, отражающая степень активации центральной нервной системы в ответ на стимул (просмотр медиа сообщения)

База исследования – выборка, включающая 122 медиатекста по экологии из 25 сетевых СМИ и 14 сообществ «ВКонтакте» (Челябинская и Свердловская области, за 2019–2024 гг.). В исследовании принимали участие группа в возрасте 22–25 лет (25 чел.). В эксперименте респондентам демонстрировались стимульные материалы в рандомном порядке – по 20 секунд каждый материал.

Этапы исследования: 1) анализ вовлеченности с использованием ЭЭГ и оценка восприятия по значению saccad ampl common; 2) анализ возбуждения с использованием ЭЭГ и оценка восприятия по значению saccad ampl common. При этом каждый этап сопровождался анализом вербальных и невербальных элементов поликодовых медиа-

текстов по экологии с использованием тепловых карт айтрекинга.

Результаты и дискуссия

В соответствии с поставленной целью исследования с использованием нейромаркетинговых технологий осуществлялся анализ когнитивной нагрузки и эмоциональной вовлеченности молодежи при чтении медиатекстов по экологии. Нейромаркетинговые исследования позволяют преодолевать ограничения традиционных методов, фиксируя неосознаваемые когнитивные и эмоциональные реакции людей на медиаконтент с помощью нейровизуализации и биометрических устройств [33], где особую роль играют электроэнцефалография (ЭЭГ) и айтрекинг. Что касается ЭЭГ, то в литературе интерес часто связывают с вовлеченностью в задачу и оценивают по относительной мощности усредненной полной ЭЭГ скальпа в бета-, альфа- и тета-диапазонах. Эмоциональные реакции оцениваются по относительной мощности в бета- и альфа-диапазонах каналов F3 и F4 [34, 35]. В связи с этим детальный анализ эмоционального и когнитивного отклика респондента при просмотре медиасообщения проводилось с помощью электроэнцефалографических индексов вовлеченности и возбуждения.

На первом этапе при анализе вовлеченности респондентов с использованием ЭЭГ было выявлено их внимание как к позитивным, так и к негативным поликодовым медиатекстам по экологии (табл. 1). При этом диапазон по индексу вовлеченности составил: минимальные значения – 0,20 усл. ед., максимальные – 0,91 усл. ед., минимальные значения по показателю сенсорного восприятия (saccad ampl_common) – 103,64°, максимальные – 189,89°.

Таблица 1
Результаты ключевых параметров айтрекинг- и ЭЭГ-исследования при воздействии поликодовых медиатекстов на респондентов в возрасте 22–25 лет

Table 1
Results of key parameters of eye-tracking and EEG research on the impact of polycode media texts on respondents aged 22–25

№	Код	Индекс вовлеченности (усл. ед.)	Saccad ampl_common (°)
1	SA002	0,24	164,64
2	SA111	0,20	189,89
3	SA020	0,22	103,64
4	SA072	0,21	161,77
5	SA051	0,22	148,67
6	SA075	0,22	160,57
7	SA069	0,20	148,12
8	SA058	0,91	112,88

На основе проведенного ЭЭГ-анализа при просмотре медиасообщения были выявлены высокие значения индекса вовлеченности у респондентов в возрасте 22–25 лет на ряд положительных медиатекстов: SA002 (В Челябинске вновь появляются экограффити, КП. Челябинск, 28.08.23); SA111 (Мусорный ликбез..., Магнитогорский ра-

бочий, 17.07.23); SA020 (В Сатке в сквере Литераторов будет высажено более тысячи растений, Сатка 24, 21.09.23); SA072 (Не прошли мимо, АиФ Урал, 21.01.24).

Также у респондентов высокая заинтересованность по индексу вовлеченности была отмечена на медиатексты негативного характера: SA051 («Запах – тошнотворный», MGORSK.RU, 01.08.23); SA075 (Практически каждый день становится для коркинских огнеборцев испытанием на прочность, Горняцкая правда, 31.05.23); SA069 (Решение по возможности вести подобные работы на территории, находящейся в Башкортостане, принял Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд, МК Урал, Челябинск, 05.05.21); SA058 (На Уктусе обеспокоенные горожане заметили странные пятна на воде, Типичный Екатеринбург, 26.05.24).

Следует отметить, что наиболее высокая степень вовлеченности была отмечена на медиатекст SA058 – 0,91 усл. ед., отражающий негативную информацию про экологию Свердловской области. На втором месте по степени вовлеченности респондентов оказался медиатекст позитивного содержания – SA002 (В Челябинске вновь появляются экограффити, КП. Челябинск, 28.08.23). Наименьшую заинтересованность из 122 медиосообщений респонденты проявили к медиатексту SA042 (В Свердловской области объявили режим НМУ первой степени опасности, МК. Екатеринбург, 02.03.24), индекс вовлеченности здесь составил – 0.11 усл. ед.

Также был проведен анализ восприятия медиатекстов по экологической тематике с использованием айтрекинга, позволяющего фиксировать первичные зрительные реакции человека при получении внешней информации. Оценка восприятия поликодовых медиатекстов респондентами осуществлялась с помощью значений saccad ampl common. Наиболее высокие значения данного показателя были выявлены на поликодовые медиатексты с позитивной экологической тематикой (SA002, SA111 и SA072), связанные с обработкой ТКО, творческим подходом к экологии (экограффити) и спасением диких животных.

Только одно поликодовое медиасообщение, связанное с творческим подходом к экологической тематике (SA002), имеет высокие значения как по индексу вовлеченности (0,24 усл. ед.), так и по общей длине пути сканирования области интереса (164,64°). Что касается остальных медиатекстов, то здесь наблюдается асинхронизация значений индекса вовлеченности, отражающего активность мозговой деятельности, и саккад, отражающих сенсорное восприятие. Рассогласованность полученных результатов может быть связана с тем, что при предъявлении определенного медиатекста активизируются другие зоны больших полушарий, которые не рассчитываются в формуле.

На втором этапе исследования у респондентов высокие значения индекса возбуждения были отмечены преимущественно на негативные поликодовые медиатексты по экологии (табл. 2). При этом минимальные значения по индексу возбуждения были отмечены на уровне 0,78 усл. ед., максимальные значения на уровне 1,45 усл. ед. Минимальные значения по показателю сенсорного восприятия (saccad ampl common) составили – 91,33°, максимальные – 212,83°.

Таблица 2

Результаты ключевых параметров айтрекингового и ЭЭГ-исследования при воздействии поликодовых медиатекстов на респондентов в возрасте 22–25 лет

Table 2

Results of key parameters of eye-tracking and EEG research on the impact of polycode media texts on respondents aged 22–25

№	Код	Индекс возбуждения (усл. ед.)	Saccad ampl common (°)
1	SA098	1,45	154,59
2	SA042	1,43	123,82
3	SA083	1,01	212,83
4	SA088	0,97	125,12
5	SA091	0,87	91,33
6	SA046	0,81	127,61
7	SA076	0,80	109,66
8	SA105	0,80	186,46
9	SA060	0,78	103,87

Высокая степень возбуждения респондентов была выявлена на три положительных медиатекста, связанных преимущественно с благоустройством береговой линии и инновационными изобретениями: SA076 (С наступлением тепла на береговой линии озера Серебры возобновлены работы по благоустройству, Новый Карабаш, 03.05.24); SA105 (Уральские ученые придумали новый способ получения экологически чистого топлива, КП. Екатеринбург, 18.01.23); SA060 (В Карабаше скоро начнётся преобразование береговой линии озера, Новый Карабаш, 19.06.23).

Высокую степень возбуждения центральной нервной системы респонденты показали на шесть медиатекстов с негативной экологической тематикой: SA098 (Причина смога – лесные пожары в Свердловской области и ХМАО, Горняцкая правда, 17.07.23); SA042 (В Свердловской области объявили режим НМУ первой степени опасности, МК. Екатеринбург, 02.03.24); SA046 (НМУ в шести городах Челябинской области сохранятся еще двое суток, МК. Екатеринбург, 02.03.24); SA083 (В Снежинске спасли раненую косулю); SA088 (Массовый мор рыбы произошёл на озере Щучьем под Магнитогорском, Доступ, 30.03.24); SA091 (В Карабаше строят новый современный завод по производству минеральных удобрений – предприятие «ИнвестХимАгро», Карабаш ТВ, 27.10.23).

Наиболее высокая степень возбуждения была выявлена при предъявлении медиатекста с негативной экологической тематикой, связанной с лесными пожарами и неблагоприятными метеоусловиями в соседней Свердловской области SA098 и SA042. Минимальное значение индекса возбуждения отмечено на SA066 (В нескольких Свердловских городах почва сильно отравлена металлами, КП. Екатеринбург, 10.07.24) – 0,32 усл. ед.

Следует отметить, что ранжирование лидеров медиатекстов по полученным значениям индекса возбуждения и оценки восприятия (общая длина пути сканирования области интереса) несколько различалось. При этом совпадение высоких значений по индексу возбуждения и общей длины пути сканирования области интереса было выявлено у двух из девяти поликодовых медиатекстов (SA098 и SA083), связанных с лесными пожарами и спасением раненого животного. Высокие значения по показателю *saccad amp1 common* были отмечены у поликодовых медиатекстов – уже упомянутых SA098, SA083, а также у SA010 («Батарейки, сдавайтесь!», Сетевое издание «Говорит Сатка», 02.04.24). Очевидно, что полученные результаты по айтрекинговому и ЭЭГ-исследованию несколько различаются между собой по реакции на стимульные медиатексты, там, где высокие значения индекса вовлеченности и возбуждения, могут быть низкие показатели по сенсорному восприятию и наоборот. Только на нескольких медиатекстах были отмечены совпадения в виде выраженных реакций респондентов по электроэнцефалографическим данным и сенсорному восприятию (айтрекингу).

Результаты анализа вербальных и невербальных элементов поликодовых медиатекстов (ТОП-8 по индексу вовлеченности) по экологии с использованием тепловых карт айтрекинга приведены в таблице 3.

Особое внимание респондентов привлекли определенные вербальные элементы медиатекстов, связанные с творческой тематикой по экологии, с названиями различных городов и местностей, датами и цифрами, спасением животных, пожарами, а также с проблемами загрязнения воздуха, водоемов и сбора мусора. В поликодовом медиатексте с самым большим индексом вовлеченности (SA058) основное внимание респондентов было направлено на вербальные элементы, связанные с названием городов и местности соседнего региона, а также с загрязнением воды.

Невербальные элементы, которые привлекли наибольшее внимание, относятся как к позитивным, так и к негативным новостям. В положительных медиатекстах особенно выделяются образы, связанные с цветами и их посадкой, со спасением диких животных. Также внимание со стороны респондентов было направлено на невербальные элементы, связанные с творческим подходом к

экологической тематике (рисунок мышки на дереве) и с названием и логотипом компании.

Таблица 3
Вербальные и невербальные элементы поликодовых медиатекстов по экологической тематике у респондентов в возрасте 22–25 лет

Table 3
Verbal and non-verbal elements of polycode media texts on environmental topics among respondents aged 22–25

№	Код	Вербальные элементы	Невербальные элементы
1	SA002	<ul style="list-style-type: none"> экографити рисунки на деревьях акция Челябинск 2019 г., 2023 г. 	<ul style="list-style-type: none"> рисунок мышки на дереве #мечел-городу
2	SA111	<ul style="list-style-type: none"> мусорный ликбез обработки ТКО закрытие и рекультивация левобережной свалки загрязнения атмосферного атмосфера 	<ul style="list-style-type: none"> шлагбаум название «СИТИМАТИК» логотип
3	SA020	<ul style="list-style-type: none"> Сатка саткинцы растения высажено более тысячи растений в сквере литераторов 	<ul style="list-style-type: none"> цветы сажают цветы
4	SA072	<ul style="list-style-type: none"> спасение как уральцы спасают диких животных не прошли мимо мы уже писали о спасении рысенка ветеринаром другие люди тоже приходили на помощь зверью рысенок Первоуральск 	<ul style="list-style-type: none"> дикое животное на руках спасателя спасатель
5	SA051	<ul style="list-style-type: none"> тошнотворный запах неестественный голубой цвет воды магнитогорцы Урал администрация 	<ul style="list-style-type: none"> цвет реки Урал
6	SA075	<ul style="list-style-type: none"> горняцкая правда для коркинских огнеборцев испытанием загорелся автомобиль Камаз на месте происшествия работало первое отделение 37 пожарно-спасательной части тушили площадь более пяти-сот квадратных метров утром 29 мая в поселке Роза 	<ul style="list-style-type: none"> пожарный с гидрантом пожарные
7	SA069	<ul style="list-style-type: none"> Челябинский суд запретил разведку Горе Куштау добычу решение по возможности 	<ul style="list-style-type: none"> зал судебных заседаний просьба отключить сотовые телефоны
8	SA058	<ul style="list-style-type: none"> на Уктусе обеспокоенные горожане Типичный Екатеринбург Выбросы в Нижне-Исетское Типичного Екатеринбурга пятна на воде горожане заметили странные пятна на воде 	<ul style="list-style-type: none"> пятна на реке

Что касается негативных поликодовых медиатекстов, то здесь основное внимание респондентов было связано с образами загрязнения воды (реки), пожарами и надписью «судебные заседания» и спасатель. В поликодовом медиатексте с самым большим индексом вовлеченности (SA058) основное внимание респондентов было направлено на невербальный элемент, связанный с пятнами на реке.

Выводы

Вопросы экологии, как одни из важных в информационной повестке промышленных регионов, заметны и привлекают внимание общественности. Исследование практики освещения современными СМИ и социальными медиа темы экологии, а также взаимодействия общества с окружающей средой и реакции молодежной аудитории (когнитивной и эмоциональной) на поликодовые медиатексты опирается на когнитивный подход, который подразумевает логическую связь между открытым содержанием медиа и мотивами удержания внимания. Когнитивный уровень восприятия показывает расширение знаний людей, формирование, определение степени важности освещаемых проблем, а аффективный уровень демонстрирует формирование эмоций, оптимистического или пессимистического настроения.

Исследование когнитивной нагрузки и эмоционального отклика молодежной аудитории при чтении поликодовых медиатекстов по экологии с использованием нейромаркетинговых технологий (электроэнцефалографического исследования и айтрекинга) показало, что наиболее высокая степень вовлеченности была отмечена на медиатекстах, отражающих негативную информацию об экологии региона. На втором месте по степени вовлеченности респондентов оказался медиатекст позитивного содержания об экологической акции. Наиболее высокая степень возбуждения была выявлена при предъявлении медиатекста с негативной экологической тематикой, связанной с лесными пожарами и неблагоприятными метеоусловиями.

Результаты сравнения показателей ЭЭГ (индекс возбуждения) и показателей айтрекера (общая длина пути сканирования области интереса) несколько различались. Однако совпадение высоких значений данных показателей было выявлено у двух из девяти поликодовых медиатекстов, связанных с лесными пожарами и спасением раненого животного.

Анализ вербальных и невербальных элементов поликодовых медиатекстов по экологии с использованием тепловых карт айтрекинга показал, что основное внимание респондентов было направлено на вербальные элементы, связанные с названием городов и местности региона, а также с проблемами загрязнения водных объектов. Среди невербальных компонентов поликодовых медиатекстов молодежную аудиторию привлекли сти-

мулы с оригинальными изобразительными решениями экологической акции, образы загрязнения водных объектов, стихийных бедствий, а также стимулы, где присутствуют логотипы компаний.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 23-18-20090, <https://rscf.ru/project/23-18-20090/>.

Литература

1. Коханова, Л. Экологическая журналистика, PR и реклама / Л. Коханова. – М. : Litres, 2022.
2. Шаркова, Е. А. Экологическая журналистика / Е. А. Шаркова. – СПб., 2011.
3. Шаркова, Е. А. Экологическая журналистика в региональных политических процессах : дис. ... канд. полит. наук / Е. А. Шаркова. – СПб., 2012.
4. Сизова, Л. В. Проблемы экологии. Проблематика СМИ: Информационная повестка дня / Л. В. Сизова ; под ред. М. В. Шкондина, Г. С. Вычуба, Т. И. Фроловой. – М., 2008.
5. Калинина, Н. В. Экологическая журналистика / Н. В. Калинина. – Благовещенск, 2011.
6. Bodker, H. Environmental journalism / H. Bodker, I. Neverla. – Routledge, 2014.
7. Sachsman, D. B. M. Routledge handbook of environmental journalism / D. B. Sachsman, J. A. M. Valenti. – Routledge, 2020.
8. Freedman, E. In the crosshairs: The perils of environmental journalism / E. Freedman // Journal of Human Rights. – 2020. – Vol. 19 (3). – P. 275–290.
9. Орлова, М. В. Концепция перехода на путь устойчивого развития как ориентир для деятельности экологических СМИ / М. В. Орлова // Запад – Россия – Восток: политическое, экономическое и культурное взаимодействие : сборник статей X международной научно-практической конференции. – Тольятти: Изд-во ПВГУС, 2016. – С. 91–94.
10. Babaitsev, A. V. Semiotic discourse of the socio-political sphere of modern Russian society: Challenges of multimodality / A. V. Babaitsev, T. V. Schukina, I. V. Topchiy, V. Voskoboynikov // Lifescience Global. – 2022. – Vol. 9. – P. 1972–1978. – URL: <https://core.ac.uk/download/493036423.pdf>.
11. Chudinov, A. P. Imagens de pôsteres em um novo contexto lingüístico e extralingüístico / A. P. Chudinov, L. A. Mardieva, T. Y. Shchuklina, V. Shkurko // Universidad de la Amazonia. – 2018. – P. 123–135. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/328005104.pdf>.
12. Одилова, К. Genres of polycode texts and their genre features / К. Одилова // Лингвоспектр. – 2025. – Т. 2, № 1. – С. 12–20.
13. Ball-Rokeach, S. J. A Dependency Model of Mass-Media Effects / S. J. Ball-Rokeach, M. L. DeFleur // Communication Research. – 1976. – № 3 (1). – P. 3–21.
14. Подолян, И. Ю. Детерминанты ключевых парадигм в исследованиях медиаэффектов / И. Ю. По-

- долян // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – № 2. – С. 181–199.
15. Найссер, У. Что такое когнитивная психология? / У. Найссер. – URL: <http://psychology-online.net/articles/doc-1494.html>.
16. Lim, W. M. Demystifying neuromarketing / W. M. Lim // *Journal of Business Research*. – 2018. – Vol. 91(4). – P. 205–220.
17. Rojna, W. Eye tracking. Metodologia i jej zastosowanie w badaniach percepcji reklamy I zachowań konsumentów / W. Rojna // IV Ogólnopolski Kongres Badaczy Rynku i Opinii. – 2003.
18. Pozharliev, R. Social consumer neuroscience: neurophysiological measures of advertising effectiveness in a social context / R. Pozharliev, W. J. M. I. Verbeke, R. P. Bagozzi // *Journal of Advertising*. – 2017. – Vol. 46 (3). – P. 351–362.
19. Sanches-Fernandes, R. How social media influencers affect behavioural intentions towards recommended brands: the role of emotional attachment and information value / R. Sánchez-Fernández, D. Jiménez-Castillo // *Journal of Marketing Management*. – 2021. – № 37 (11–12). – P. 1123–1147.
20. Иньеста-Бонильо, М. А. Потребительское восприятие ценности: обзор литературы и новая концептуальная основа / М. А. Иньеста-Бонильо // Дж. Консум. Удовлетворительно. Недовольство Пожаловаться. Поведение. – 2006. – № 19. – С. 40–58.
21. LeDoux, J. Emotion circuits in the brain / J. LeDoux // *Annual Review of Neuroscience*. – 2000. – Vol. 23(1). – P. 155–184.
22. Чайкен, С. Теории двойственных процессов в социальной психологии / С. Чайкен, Ю. Тропе. – Нью-Йорк : Гилфорд Пресс, 1999.
23. Greenwald, A. Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes / A. Greenwald, M. Banaji. – *Psychol Rev.* – 1995. – Vol. 102 (1). – P. 4–27.
24. Mersey, R. D. Engagement with On line Media / R. D. Mersey, E. C. Malthouse, B. J. Calder // *Journal of Media Business Studies*. – 2010. – Vol. 7 (2). – P. 39–56.
25. Claussen, J. The effects of rewarding user engagement – The case of facebook apps / J. Claussen, T. Kretschmer, P. Mayrhofer // *Information Systems Research*. – 2013. – Vol. 24 (1). – P. 186–200.
26. Attfield, S. Towards a science of user engagement (Position Paper) / S. Attfield, G. Kazai, M. Lalmas, B. Piwowarski // *Conference Paper. WSDM'11, February 9–12.* – Hong Kong, China, 2011.
27. Шарма, П. Выходя за рамки традиционных показателей воздействия рекламы: использование нейронаучных методов для оценки сообщений социального маркетинга / П. Шарма, Дж. Гунтас, С. Гунтас, Д. Чорчиари // *Journal of business research*. – 2019. – Vol. 97. – P. 1–45.
28. Morey, A. C. Electroencephalography in communication research: a review of the past and a glimpse of future possibilities / A. C. Morey. – *Ann. Int. Commun. Assoc.* – 2018. – Vol. 42. – P. 243–269.
29. Хёня, Дж. Использование движений глаз в изучении мультимедийного обучения / Дж. Хёня // *Обучение и инструктаж*. – 2010. – № 20 (2). – С. 172–176.
30. Samsuri, N. Application of EEG/ERP and eye tracking in underlying mechanism of visual attention of auto dealer's advertisement – A Neuromarketing research / N. Samsuri, et al. // *International Journal of Engineering & Technology*. – 2018. – Т. 7, № 3. 22. – С. 5.
31. McMahan, T. Evaluating player task engagement and arousal using electroencephalography / T. McMahan, I. Parberry, T. D. Parsons // *Procedia Manuf.* – 2015. – № 3. – P. 2303–2310.
32. Baldo, D. Brain waves predict success of new fashion products: a practical application for the footwear retailing industry / D. Baldo, H. Parikh, Y. Piu, K. Müller // *Journal of Creating Value*. – 2015. – Vol. 1(1). – P. 61–71.
33. Berns, G. S. A neural predictor of cultural popularity / G. S. Berns, S. E. Moore // *Journal of Consumer Psychology*. – 2012. – Vol. 22 (1). – P. 154–160.
34. Freeman, F. G. Evaluation of an adaptive automation system using three EEG indices with a visual tracking task / F. G. Freeman, P. J. Mikulka, L. J. Prinzel, M. W. Scerbo // *Biological Psychology*. – 1999. – Vol. 50. – P. 61–76.
35. Giraldo, S. Brain-activity-driven real-time music emotive control / S. Giraldo, R. Ramirez // *Proceedings of the 3rd International Conference on Music & Emotion*. – Jyväskylä, Finland, 2013.

Лапшин Максим Сергеевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: lapshin1982@yandex.ru. ORCID № 0000-0001-8290-1774

Лободенко Лидия Камиловна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: lobodenkolk@susu.ru. ORCID 0000-0002-0809-1686

Чередникова Анна Борисовна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: cherednikovaab@susu.ru. ORCID 0000-0002-5681-8800

Шестеркина Людмила Петровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: shesterkinalp@susu.ru. ORCID 0000-0002-2859-7991

Басков Алексей Александрович – научный сотрудник НОЦ «Нейромаркетинговые технологии», Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: baskovaa@susu.ru

Поступила в редакцию 23 марта 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250210

ANALYSIS OF THE COGNITIVE LOAD AND EMOTIONAL ENGAGEMENT OF YOUNG PEOPLE WHEN READING ENVIRONMENTAL MEDIA TEXTS: THE EXPERIENCE OF USING EEG AND EYE TRACKING TECHNOLOGIES

M. S. Lapshin, L. K. Lobodenko, A. B. Cherednikova, L. P. Shesterkina, A. A. Baskov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article analyses the cognitive load and emotional involvement of young people (aged 22–25 years old) when reading environmental media texts in the mass and social media of industrial regions based on electroencephalographic research and eye-tracking technologies. The study was based on a sample of environmental media texts (122 units) selected from the mass and social media of the cities of the Chelyabinsk and Sverdlovsk regions. The EEG study demonstrated that the highest degree of involvement was shown by media texts covering environmental issues. The highest degree of arousal was noted when presenting a media text covering negative environmental topics related to forest fires and adverse weather conditions. Eye-tracking technologies based on video recording allowed recording the eye movements of the audience while reading media texts and generating the heat maps that provide graphical data representation and identify verbal and non-verbal elements. The results of the analysis showed that the respondents were dominated by verbal elements related to wildlife protection, air and water pollution, as well as garbage problems. Images of landscape greening and animal world attracted maximum attention among the non-verbal elements of media texts.

Keywords: media text, ecology, cognitive load, emotional response, EEG, eye tracker.

References

1. Kokhanova L. *Ekologicheskaya zhurnalistika, PR i reklama* [Environmental Journalism, PR and Advertising]. Moscow: Litres, 2022.
2. Sharkova E.A. *Ekologicheskaya zhurnalistika* [Environmental journalism]. Saint Petersburg, 2011.
3. Sharkova E.A. *Ekologicheskaya zhurnalistika v regional'nykh politicheskikh protsessakh* [Environmental Journalism in Regional Political Processes]: dis. ... kand. polit. nauk. SPb., 2012.
4. Sizova L.V. *Problemy ekologii. Problematika SMI: Informatsionnaya povestka dnya* [Environmental Issues. Media Issues: The Information Agenda]. M., 2008.
5. Kalinina N.V. *Ekologicheskaya zhurnalistika* [Environmental Journalism]. Blagoveshchensk, 2011.
6. Bodker H., Neverla I. *Environmental Journalism*. Routledge, 2014.
7. Sachsman D.B., Valenti J.A. M. *Routledge Handbook of Environmental Journalism*. Routledge, 2020.
8. Freedman E. In the Crosshairs: The Perils of Environmental Journalism // *Journal of Human Rights*. 2020. Vol. 19 (3). P. 275–290.
9. Orlova M.V. Kontseptsiya perekhoda na put' ustoychivogo razvitiya kak orientir dlya deyatelnosti ekologicheskikh SMI [The Concept of Transition to the Path of Sustainable Development as a Guideline for the Activities of Environmental Media] // *Zapad – Rossiya – Vostok: politicheskoe, ekonomicheskoe i kul'turnoe vzaimodeystvie: sbornik statei X mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tol'yatti: VRSUS Publishing House, 2016. P. 91–94.
10. Babaitsev A.V., Schukina T.V., Topchiy I.V., Voskoboynikov V. Semiotic Discourse of the Socio-Political Sphere of Modern Russian Society: Challenges of Multimodality. *Lifescience Global*. 2022. Vol. 9. P. 1972–1978. URL: <https://core.ac.uk/download/493036423.pdf>.

11. Chudinov A.P., Mardieva L.A., Shchuklina T.Y., Shkurko V. *Imagens de Pôsteres em um Novo Contexto Lingüístico e Extralingüístico*. Universidad de la Amazonia. 2018. P. 123–135. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/328005104.pdf>.
12. Odilova K. *Genres of Polycode Texts and Their Genre Features* // *Lingvospektr*. 2025. T. 2, №. 1. P. 12–20.
13. Ball-Rokeach S.J., & DeFleur M.L. *A Dependency Model of Mass-Media Effects* // *Communication Research*. 1976. № 3 (1). P. 3–21.
14. Podolyan I.Y. *Determinants of Key Paradigms in Media Effects Research* // *Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya 10: Journalistika*. 2021. № 2. P. 181–199.
15. Naysser U. *Что такое когнитивная психология? [What is COgnitive Psychology?]*. URL: <http://psychology-online.net/articles/doc-1494.html>.
16. Lim W.M. *Demystifying Neuromarketing* // *Journal of Business Research*. 2018. Vol. 91 (4). P. 205–220.
17. Rojna W. *Eye tracking. Metodologia i jej zastosowanie w badaniach percepcji reklamy i zachowań konsumentów* // *IV Ogólnopolski Kongres Badaczy Rynku i Opinii*. 2003.
18. Pozharliev R., Verbeke W.J.M.I., Bagozzi R.P. *Social Consumer Neuroscience: Neurophysiological Measures of Advertising Effectiveness in a Social Context* // *Journal of Advertising*. 2017. Vol. 46 (3). P. 351–362.
19. Sanches-Fernandes R., Jiménez-Castillo D. *How Social Media Influencers Affect Behavioural Intentions towards Recommended Brands: the Role of Emotional Attachment and Information Value* // *Journal of Marketing Management*. 2021. № 37 (11–12). P. 1123–1147.
20. In'esta-Bonil'o M.A. *Potrebiteľ'skoe vospriyat'ie tsennosti: obzor literatury i novaya kontseptual'naya osnova [Consumer Perception of Value: a Literature Review and a New Conceptual Framework]* // *Dzh. Konsum. Udovletvoritel'no. Nedovol'stvo Pozhalovat'sya. Povedenie*. 2006. № 19. P. 40–58.
21. LeDoux J. *Emotion Circuits in the Brain* // *Annual Review of Neuroscience*. 2000. Vol. 23 (1). P. 155–184.
22. Chayken S., Trope Yu. *Teorii dvoystvennykh protsessov v sotsial'noy psikhologii [Theories of Dual Processes in Social Psychology]*. New York: Guilford Press, 1999.
23. Greenwald A., Banaji M. *Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes* // *Psychol. Rev.*, 1995. Vol. 102 (1). P. 4–27.
24. Mersey R.D., Malthouse E.C., Calder B.J. *Engagement with On line Media* // *Journal of Media Business Studies*. 2010. Vol. 7 (2). P. 39–56.
25. Claussen J., Kretschmer T., Mayrhofer P. *The Effects of Rewarding User Engagement – The Case of Facebook Apps* // *Information Systems Research*. 2013. Vol. 24 (1). P. 186–200.
26. Attfield S., Kazai G., Lalmas M., Piwowarski B. *Towards a Science of User Engagement (Position Paper)* // *Conference Paper. WSDM'11*. Hong Kong, China, 2011.
27. Sharma P., Guntas Dzh., Guntas S., Chorchiari D. *Vykhodya za ramki traditsionnykh pokazateley vozdeystviya reklamy: ispol'zovanie neyronauchnykh metodov dlya otsenki soobshcheniy sotsial'nogo marketinga [Looking beyond Traditional Measures of Advertising Impact: Using Neuroscientific Methods to Evaluate Social Marketing Messages]* // *Journal of Business Research*. 2019. Vol. 97. P. 1–45.
28. Morey A.C. *Electroencephalography in Communication Research: a Review of the Past and a Glimpse of Future Possibilities* // *Ann. Int. Commun. Assoc.* 2018. Vol. 42. P. 243–269.
29. Hyönä J. *Ispol'zovanie dvizheniy glaz v izuchenii mul'timediynogo obucheniya [The Use of Eye Movements in the Study of Multimedia Learning]* // *Obuchenie i instruktazh*. 2010. № 20 (2). P. 172–176.
30. Samsuri N. et al. *Application of EEG/ERP and Eye Tracking in Underlying Mechanism of Visual Attention of Auto Dealer's Advertisement – A Neuromarketing Research* // *International Journal of Engineering & Technology*. 2018. T. 7, №. 3.22. P. 5.
31. McMahan T., Parberry I., Parsons T.D. *Evaluating Player Task Engagement and Arousal Using Electroencephalography* // *Procedia Manuf.* 2015. № 3. P. 2303–2310.
32. Baldo D., Parikh H., Piu Y., Müller K. *Brain Waves Predict Success of New Fashion Products: a Practical Application for the Footwear Retailing Industry* // *Journal of Creating Value*. 2015. Vol. 1 (1). P. 61–71.
33. Berns G.S., Moore S.E. *A Neural Predictor of Cultural Popularity* // *Journal of Consumer Psychology*. 2012. Vol. 22 (1). P. 154–160.
34. Freeman F.G., Mikulka P.J., Prinzel L.J., Scerbo M.W. *Evaluation of an Adaptive Automation System Using three EEG Indices with a Visual Tracking Task* // *Biological Psychology*. 1999. Vol. 50. P. 61–76.
35. Giraldo S., Ramirez R. *Brain-Activity-Driven Real-Time Music Emotive Control* // *Proceedings of the 3rd International Conference on Music & Emotion*. Jyväskylä, Finland, 2013.

Maksim S. Lapshin – Cand. Sc. (Biology), Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: lapshin1982@yandex.ru

Lidiya K. Lobodenko – D. Sc. (Philology), Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: lobodenkolk@susu.ru

Anna B. Cherednikova – D. Sc. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Lyudmila P. Shesterkina – D. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: shesterkinalp@susu.ru

Alexey A. Baskov – Research Fellow of Scientific and Educational Center “Neuromarketing Technologies”, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: baskovaa@susu.ru

Received March 23, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Анализ когнитивной нагрузки и эмоциональной вовлеченности молодежи при чтении медиатекстов по экологии: опыт применения ЭЭГ и айтрекера / М. С. Лапшин, Л. К. Лободенко, А. Б. Чередникова и др. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 86–95. DOI: 10.14529/ssh250210

FOR CITATION

Lapshin M. S., Lobodenko L. K., Cherednikova A. B., Shesterkina L. P., Baskov A. A. Analysis of the cognitive load and emotional engagement of young people when reading environmental media texts: the experience of using EEG and eye tracking technologies. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 86–95. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250210

ИММЕРСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОТРАЖЕНИИ МЕДИАСИСТЕМЫ**Е. С. Радионцева***Омский государственный технический университет, г. Омск, Российская Федерация*

Феномен иммерсивности привлекает внимание теоретиков и практиков разных отраслей знаний, в том числе медиакоммуникационной среды. Анализ медиатекстов ресурса по мониторингу СМИ и соцмедиа «Медиалогия» (раздел «Инфоповод года») показал, что актуальной темой сегодня являются иммерсивные медиарешения, направленные на информирование аудитории о PR-проектах, связанных с погружением реципиентов в искусственно созданную среду, активизирующую комплекс чувственно-образного восприятия и создающую эффект присутствия. На долю иммерсивных PR-проектов с 2021 года по настоящий момент пришлось 15 PR-кампаний или 3 941 медиатекст в разных типологических сегментах СМИ и соцмедиа. В базе анализа за этот период зафиксировано 116 PR-кампаний или 51 532 медиатекста. Распространение иммерсивности связано с развитием технологии web 3.0, частным преломлением которой являются AR-, MR-, VR-технологии, интерактивные трехмерные среды, метавселенные. Интерес журнализма к этой тематике, во многом являющийся маркером внимания общественности, видится в том, что иммерсия способствует развитию личности через удовлетворение потребностей и формирование эмоций. Версия автора подтверждается опросом, проведенным среди студенческой аудитории медийной специальности, имевшей опыт непосредственного погружения в искусственную реальность иммерсивного продукта. Исследование показало, что иммерсивные медиапроекты по преимуществу направлены на удовлетворение эстетической потребности, которая позволяет отвлечься от рутины и пережить эмоции, обогащающие внутренний мир личности. Специфика репрезентации иммерсивных решений сводится к формированию потока однотипных медиатекстов, не позволяющих раскрыть глубину и значимость медиакампаний.

Ключевые слова: иммерсивность, медиа, web-технологии, медиатекст, эстетические потребности личности, эмоции, цифровизация.

Введение

Феномен иммерсивности все больше привлекает внимание и теоретиков, и практиков. «Иммерсивность (от англ. immersion) подразумевает «глубокое погружение» <...> в искусственно созданную среду, активирующую весь комплекс чувственно-образного восприятия и создающую эффект присутствия» [1, с. 61].

Актуализация обращений к вопросам иммерсивности вызвана прежде всего технологическими реалиями и возможностью их внедрения в различные области человеческой деятельности [2], в том числе в медиа.

Интенсификация процессов восприятия реальности потребителем – причина активизации интереса к феномену, считает исследователь Е. В. Соколовская: «<...> современное поколение отличается клиповым мышлением, нацеленностью на высокую скорость прочтения и расшифровки информации, неготовностью тратить много времени на постижение сложных и многоуровневых явлений, текстов, процессов. Современный потребитель хочет получить конечный результат по формуле “все и сразу”, а значит, и иммерсивные среды работают на обеспечение такого запроса – погружают человека в моделируемую реальность» [3, с. 83].

В. Д. Эвалльё связывает популярность иммерсивных продуктов с переходом культуры к демасшифицированным и локально-нишевым форматам. «Отказ от массовости вызван, как нам кажется, потребностью ограничивать, фильтровать инфор-

мационные потоки. В связи с этим в социокультурной среде возникает парадокс: мультимедийные, по содержанию массовые, продукты становятся актуальными и востребованными, но они создают эффект эксклюзивности и более того – «персонального» подхода. Эта задача часто решается именно посредством физического погружения реципиента внутрь материи произведения искусства, внутрь объекта репрезентации» [4, с. 250].

Не исключено, что причина иммерсивности кроется в ориентации на гибридные продукты, миксе пространства, соединяющем различные модальности получения информации. Если еще сравнительно недавно способы трансляции информации осуществлялись через доминантную модальность (визуальную, аудиальную), то сегодня в тренде оказалось мультимедийное измерение.

Обзор литературы

Погрузить реципиента в художественную среду, в которой он ощущал бы себя наполненным чувствами и эмоциями, – основная задача иммерсивности. В этом медиа сближаются с искусством, для которого формирование художественной реальности и сближение с ней зрителя – традиционная задача. Формы иммерсии в разных видах деятельности – досуге, образовании, экономике – составляют предмет научного интереса и находят отражение в научном дискурсе [5–7].

В работе Е. В. Соколовской [3] представлена попытка классифицировать подходы к иммерсивности в социогуманитарном дискурсе, автор фикси-

рует основные направления при интерпретации вопроса:

– институциональный подход с указанием на использование иммерсивных практик в различных сферах: медийных, игровых, образовательных, художественных;

– текстуально-коммуникативный подход, когда акцентируется внимание на свойствах соединения различных коммуникативных сред;

– сервисный подход, когда внимание уделяется возможностям иммерсивных практик как маркетинговым инструментам и технологиям;

– функциональный подход, когда иммерсивность исследуется в «действии», что направлено на поиск реализации иммерсивных приемов, практик и форматов.

Современные зарубежные исследователи, не сомневаясь в положительных эффектах иммерсии как приема воздействия на реципиента, фокусируют внимание на аспекте, связанном с влиянием иммерсивности на личность, прогнозируют ее опасность [8–12]. В то время как многие ученые подчеркивают положительные эффекты высокой иммерсивности медиа, такие как повышенное удовольствие или убедительный успех, другие предупреждают об интенсивной когнитивной нагрузке, которую такие технологии, как VR, могут оказывать на своих пользователей, считают Р. Breves, J.-P. Stein [8].

Широкая распространенность вопроса в научном дискурсе, востребованность приемов иммерсивности свидетельствуют, что потенциал исследования феномена не исчерпан. В научных работах можно найти немало примеров исследования внедрений иммерсивности в медиасреду [13–15], однако многие аспекты вопроса остаются не до конца раскрытыми.

В настоящем исследовании мы обращаемся к осмыслению иммерсивного опыта PR-творчества, отраженного в медиакommunikationной среде. Сегодня журналисты признают, что большая доля контента формируется ими под влиянием PR-деятельности. «<...> Региональная журналистика на 80 % – журналистика пресс-релизов», – отмечает главный редактор газеты «Амурская правда» Е. Павлова [16, с. 18].

Методы исследования

Эмпирической базой нашего исследования стали медиакампании, представленные ресурсом «Медиаdialogия», российской площадкой по мониторингу СМИ и соцмедиа, база данных которого исчисляется 2,5 миллиардами аккаунтов соцсетей и 94 тысячами СМИ. «Медиаdialogия» автоматически мониторит более 500 тыс. сообщений СМИ и 100 млн сообщений соцмедиа в сутки. В нашу базу анализа выгружались иммерсивные PR-кампании, ставшие достоянием конкурса «Инфоповод года».

Специфика PR-продукта, исследуемого нами, заключается в его двусоставности: первый компо-

нент – сам коммуникационный продукт, имеющий иммерсивную природу, – объект отображения журналистики; второй – его медийное отражение, фиксируемое в количестве сообщений СМИ и соцмедиа. В исследовании нас будут интересовать оба компонента. Несмотря на то что неотъемлемой составляющей PR-кампании часто является ее представление в медиа, мы искусственно разграничили эти два сегмента. Предметом нашего внимания стали цифровые события, имеющие иммерсивный потенциал, предназначенные для вовлечения общественности в искусственную среду, в том числе через СМИ и соцмедиа, а также специфика их репрезентации.

Отражение и представление информации об иммерсивной PR-кампании в медиа – маркер общественного интереса, свидетельствующий об эффективности разработки продукта. Что определяет популярность иммерсивных коммуникационных продуктов в СМИ и соцмедиа? С чем связана их актуальность и значимость? Каковы основные формы репрезентации материала? Ответы на эти вопросы вписываются в предмет нашего исследования.

Хронологические рамки исследования – с 2021 года по настоящий момент. Это 116 PR-кампаний, зафиксированных в 51 532 медиатекстах. Период, выбранный автором, обусловлен активными социальными и общественными изменениями, – последствиями вирусных инфекций, геополитической ситуацией, усилением цифровизации, повлиявшими на digital-поведение человека.

На долю иммерсивных проектов приходится 15 PR-кампаний или 3 941 медиатекст, представленный в разных типологических сегментах СМИ и соцмедиа. Анализ показывает, что их доля остается стабильной и не снижается.

Сегодня, когда россияне стали проводить в интернете в среднем чуть более 8 часов в день¹, что составляет прижизненную дозу более 20 лет в среднем, актуальность обращения к иммерсивным технологиям возрастает. Иммерсивные приемы позволяют удерживать внимание, формировать эмоции, дарить впечатления – словом, удовлетворять аффективные потребности, связанные с усилением эстетического и эмоционального наслаждения.

¹ Datareportal, We Are Social и Meltwater в ежегодном обзоре «Цифровые технологии 2024: глобальный обзорный отчет» представили результаты изменения цифрового пространства как на мировом рынке в целом, так и в каждой конкретной стране. Согласно исследованию, в России на момент сбора информации, проживало 144,2 млн человек, из которых 130,4 млн активно пользовались интернетом. Проникновение сети в стране достигло 90,4 %. Число пользователей социальных сетей в России составило 106,0 млн человек (73,5 % от общего населения). В начале 2024 года российские пользователи проводили в интернете 8 часов 21 минуту в день, что на 4,5 % больше, чем в 2023 году. Исследование Datareportal-2024 подтвердило, что основной мотивацией для людей оставаться онлайн является потребность в поиске информации. Эту причину назвали 82,4 % респондентов (URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 8.08.2024)).

В ходе работы применялись методы комплексного теоретического и описательного анализа, метод контент-анализа, опрос, позволивший верифицировать представленные данные, а также методы интроспекции и проспекции. При этом опорой была и на общенаучные эмпирические методы – при наблюдении, сравнении и описании предмета исследования.

Результаты и дискуссия

Основой для развития иммерсивности в медиакоммуникационной среде стало появление технологии web 3.0.

Термин web 3.0 был сформулирован в 2007 году Джейсоном Калаканисом (англ. Jason Calacanis), руководителем Netscape.com. Он полагал, что web 3.0 – новая стадия в развитии интернета после web 1.0 и web 2.0. Суть ее заключается в том, что она обеспечивает взаимодействие и понимание данных в web компьютерными системами, а не человеком, как было на предыдущих этапах. Он говорил о том, что это не столько технологическая, сколько социокультурная платформа, используемая профессионалами для создания интересного, полезного и качественного контента [17].

Появление web 3.0 стало драйвером для развития иммерсивных технологий в медиакоммуникационной среде, что привело к образованию частных технологических решений: AR-технологии (augmented reality) или технологии дополненной реальности; VR-технологии (virtual reality) или виртуальной (искусственной) реальности; MR-реальности (mixed reality) или смешанной реальности, связанной со стилистикой оформления кампании в формате «computer game»; интерактивной трехмерной среды, метавселенных.

В нашей эмпирической базе оказались проекты, созданные на основе разных технологических решений web 3.0. Так, в 2022 году «Медialogия» обнародовала три информационных повода о реализации разных PR-кампаний в метавселенных: «ГК ФСК провела пресс-конференцию в метавселенной» (инфоповод-2022; количество сообщений – 62); «IT-компания начала набор сотрудников для работы в метавселенной» (инфоповод-2022; количество сообщений – 51); «М.Видео первым в России открыл шоу-рум в метавселенной» (инфоповод-2022; количество сообщений – 48).

В формате AR-реальности был представлен проект «Re-Store: онлайн-выставка цифрового искусства» (инфоповод-2021; количество сообщений – 929). Выставка, как писали СМИ, стирает границы между зрителями и миром искусства. Instagram²-маски, отражающие тему «Искусство находить и находиться», преобразовывали городскую среду и позволяли по-новому взглянуть на повседневность; все, что для этого было нужно, – камера телефона и желание исследовать.

В формате 3D была реализована часть PR-проекта соцмедиа «Одноклассники» о запуске интерактивной карты заповедников России (инфоповод-2021; количество сообщений – 99). К старту проекта ОК в тестовом режиме запустили 3D-обложки для личных профилей: пользователи соцсети могли установить себе обложки с изображениями заповедников, национальных и природных парков в новом объемном формате.

Интерактивная трехмерная среда лежит в основе коммуникационного проекта «Авито» – «Семейная игра о безопасности в Интернете» (инфоповод-2023; количество сообщений – 89). Чтобы пройти игру и получить возможность выиграть призы, нужно было зайти на специальный лендинг, авторизоваться и выбрать подходящий по возрасту сценарий.

Иммерсивность эпохи web 3.0 использует естественные склонности человека к соревнованиям, сотрудничеству, сотворчеству, выливающиеся в игровые приемы и практики. Они становятся своего рода мотивацией для погружения в проект, а значит – иммерсивности.

Доля проектов, созданных с помощью технологии web 3.0 в медиакоммуникационной среде, возрастает. Журнализму подобные проекты интересны в силу новизны и оригинальности. Чем подобные коммуникационные проекты, вписывающиеся в контент-индустрию медиасистемы, привлекают аудиторию?

Потребности и эмоции, считают психологи, связаны с формированием личности, с развитием ее интересов. Они возникают в результате взаимодействия человека с окружающим миром и занимают значимое место в структуре личности. Удовлетворение потребностей – один из главных мотиваторов к развитию.

Одной из наиболее популярных классификаций потребностей является концепция американского психолога Абрахама Х. Маслоу. В 1943 году в труде «A theory of human motivation», многократно переиздававшемся [18], он сформулировал перечень потребностей человека. Исследователь утверждал, что желание удовлетворить потребность мотивирует людей действовать. Он выделил несколько видов потребностей, представив их в виде иерархии, – физиологические потребности; потребность в безопасности; социальные потребности; потребности в признании и самореализации; а также познавательные и эстетические потребности.

Американский психолог Клейтон Альдерфер, опираясь на концепцию А. Маслоу, продолжил развивать теорию мотивации. Он выделил 3 потребности: потребность существовать (Existence), потребность общаться с другими (Relatedness), потребность своего роста и развития (Growth). Исследователь утверждал, что эти потребности во многом аналогичны тем, которые выделил А. Маслоу,

² Meta признана экстремистской организацией и запрещена в РФ.

но человек может быть мотивирован несколькими потребностями одновременно, и потребность, которая важна для личности в настоящий момент, со временем может меняться.

В медиакommunikационной среде признание обрела концепция потребностей Элиху Каца, последователя американского социолога Поля Лазарсфельда [19]. Учеными были выделены пять ключевых групп потребностей, удовлетворяемых при помощи медиа: когнитивные, аффективные, интегративные, делящиеся на две разновидности: потребности, связанные с усилением признания, и потребности, обеспечивающие контакт с людьми; а также потребности, связанные с ослаблением контактов с социумом и собственным местом в нем, – называемые «эскапизмом».

В настоящее время теория потребностей личности – одна из актуальнейших проблем в психологии, в частности, в востребованной рынком психологии управления персоналом. Методики диагностики актуальных потребностей личности основаны, как правило, на методах опроса или тестирования [20]. В нашем случае опрос будет применяться как инструмент верификации полученных данных. Для выявления потребностей важно понять, во-первых, что мотивировало редакцию на размещение информации, во-вторых, почему человек решил принять участие в иммерсивном PR-проекте, что его мотивировало на этот шаг.

Неоднократные вопросы журналистам, время от времени задаваемые автором в частных беседах, о том, что влияет на принятие решения о размещении материала в СМИ, зачастую сводятся к беседе о редакционных стандартах, значимости, актуальности темы, интересе со стороны аудитории, подкрепленном статистикой цифровой платформы и т. п. Это свидетельствует, на наш взгляд, о глубоком интуитивном понимании вопроса, основанном на знаниях профессиональных стандартов творческой деятельности.

Методикой для выявления потребностей личности при обращении непосредственно к PR-проекту стал контент-анализ, опирающийся на выявление смысловых доминант через понятия «тема» и «идея» проектов. Представляется, что идейно-тематическое своеобразие PR-кампаний позволяет сформулировать потребность личности, считываемую им при обращении к проекту.

Спектр тематических направлений иммерсивных PR-проектов с широким общественным резонансом с трудом поддается однозначной интерпретации. Это и образование (*PR-проект компании «Авито» – «Семейная игра о безопасности в Интернете»* (инфоповод-2023, количество сообщений – 89), *PR-проект компании МТС – «МТС подготовила более 200 творческих онлайн мастер-классов для детей»* (инфоповод-2021, количество сообщений – 197), *«Ростелеком запустил проект “IT-семья” по обучению пожилых людей*

цифровой грамотности» (инфоповод-2021, количество сообщений – 839), и искусство (*PR-проект Росбанка «Фестиваль цифрового искусства Rosbank Future cities»* (инфоповод-2021, количество сообщений – 260), *PR-проект Re-store «Онлайн-выставка цифрового искусства»* (инфоповод-2021, количество сообщений – 929), *«LG и Пушкинский музей завершили реставрацию картины Ван Гога»* (инфоповод-2021, количество сообщений – 382), и культурное, природное наследие (*PR-проект соцмедиа «Одноклассники» – «Видеоэкскурсии по архитектуре на примере известных зданий Москвы»* (инфоповод-2023, количество сообщений – 68), *«Одноклассники запустили интерактивную карту заповедников России»* (инфоповод-2021, количество сообщений – 99).

Хочется обратить внимание, что тематическая специфика компаний, представляющих свои PR-проекты на суд общественности, не коррелирует с темами, сформированными PR-сообществом организаций. Компании-разработчики иммерсивных медиапродуктов тематически связаны с разными индустриями: финансовой, производством и реализацией потребительских товаров, продуктов; сферой недвижимости. Тематика же PR-кампаний коррелирует с классическими ценностями – образованием, культурой, искусством и т. п.

Идея PR-кампаний иммерсивных проектов во всех случаях связана с категорией эстетики, воспевающей красоту и искусство как особую форму социального сознания. Преломление этой категории в проектах совершенно разное – это и эстетика отношений между поколениями, прослеживаемая в уже упомянутом PR-проекте «IT-семья», приоритетная задача которого заключается не в том, чтобы обучить старшее поколение цифровой грамотности (хотя и это важно), а сплотить дедов и внуков (внуки в проекте обучают своих пожилых родственников); это и эстетика продвижения новых знаний, читаемая во многих проектах (примеры представлены выше); и эстетика цифровой коммуникации, реализуемая в PR-проектах, выполненных на площадках метавселенных.

Частным преломлением эстетических потребностей могут быть совершенно разные аспекты. Например, в проекте М. Видео «В метавселенной Roblox открылся первый российский ретейлер» (инфоповод-2022, количество сообщений – 48) человек может удовлетворить свои экономические потребности (в центре виртуального пространства размещалась вращающаяся платформа с фирменной буквой-логотипом «М» и лидерборд игры «М. Гонки», участвуя в которой можно было получить бонусные баллы, действующие в реальном мире); потребность в развитии (игрокам нужно было собирать школьные товары трех категорий – «ноутбуки и игровые консоли», «смартфоны и планшеты», «наушники и клавиатуры»); лидерские потребности (рейтинг участников был пред-

ставлен в виде школьной доски и обновлялся каждые 10 дней) и т. д.

Идея, считываемая при прочтении медиатекста об иммерсивных PR-кампаниях, позволяет увидеть, какие потребности может удовлетворить личность при обращении к коммуникационному продукту. Частные преломления потребностей могут быть разными, но все их объединяет эстетическое начало. Именно эстетические потребности, удовлетворяемые через обращение к PR-проектам коммерческих компаний, свидетельствуют об общественном интересе к этой категории. Они связаны со стремлением к восприятию прекрасного, к поиску гармонии и удовольствия через взаимодействие с искусством, музыкой, красотой природы. Журнализм, активно поддерживающий проекты, направленные на удовлетворение эстетических потребностей, осознает, что они позволяют человеку переноситься за пределы повседневной рутины и переживать глубокие эмоции, которые обогащают внутренний мир личности.

Эмоции – психические процессы, отражающие субъективную оценку ситуации человеком. Считается, что эмоции определяют нашу повседневную жизнь. Пристальное внимание ученых к их исследованию не утихает, понимание эмоций и их положение в системе психологических знаний и понятий продолжает оставаться в поле научных дискуссий.

Спектр эмоциональных состояний, выделяемый разными исследователями, неоднородный. При этом в психологии нет единого подхода к понятию «базовые эмоции», поэтому мы опираемся на устоявшийся подход американского психолога Пола Экмана, выделявшего шесть эмоций: счастье, грусть, страх, отвращение, злость и удивление.

Относительно иммерсивных PR-кампаний можно утверждать, что практически все эмоции имеют место при обращении к продукту. Исключением является эмоция отвращения, поскольку она связана с категорией «треш-эстетики», не наблюдаемой в нашей эмпирической базе. Еще одна эмоция, которая не формируется в иммерсивной среде, – это страх, возникающий в результате угрозы биологическому или социальному существованию человека. Остальной диапазон эмоций реципиент может испытать даже при обращении к одному PR-продукту.

Чтобы заинтересоваться проектом и принять решение об участии в нем, человек должен испытать удивление – одну из самых быстропроходящих эмоций, возникающих как ответ на неожиданное и новое. Часто после знакомства с информацией о проекте именно она становится фактором поведенческого акта, предполагающего знакомство с сутью и сущностью проекта. Открытость сценарного плана позволяет удерживать эту эмоцию, делать ее продолжительной.

Далее – в зависимости от того, насколько легко, быстро, просто удалось реализовать свой потенциал в проекте – могут в хаотичном спектре чередоваться разные эмоции – от счастья, ментального состояния, определяемого ощущением радости, удовлетворения, до грусти с его ощущением разочарования, печали, безысходности или уныния и даже злости – сильнейшей эмоции, проявляющейся в ответ на раздражители.

По преимуществу, большая часть PR-проектов по валентности положительная. Можно предположить, что отрицательная валентность может проследиваться в PR-кампании Sunlight, запустившей первую платформу знакомств с видеоанкетами (инфоповод-2023, количество сообщения – 112), если она не оправдывает ожидания личности.

Интенсивность проявления эмоций может быть разной и определяется отнюдь не спецификой PR-повода, а личностными особенностями. Однако по содержанию – значению ситуаций, в которых проявляются эмоции, они близки – все проекты эмоционально влияют на состояние субъекта, но не определяют глубину настроения в социуме. В силу этого можно утверждать, что по стеничности – категории силы действия, формируемые эмоции более стеничные (мобилизующие), нежели астеничные (источающие).

Для верификации представленных предварительных выводов, связанных с гипотезой автора о том, что иммерсия способствует развитию личности через удовлетворение потребностей и формирование положительного эмоционального плана, мы обратились к опросу студентов специальности «Реклама и связи с общественностью» технического университета. В опросе приняли участие 15 человек, ранее знакомых с иммерсивными медиапродуктами. Студентам было предложено ответить на 3 вопроса:

1. Охарактеризовать иммерсивный медиапроект (для чего и кому предназначен, какие задачи решает).

2. Вспомнить и описать эмоции и их динамику, которая сопровождала реципиента при знакомстве и погружении в проект.

3. Порассуждать, связан ли проект с потребностями личности, какими именно?

Нет необходимости представлять здесь ответы на первый вопрос, задача которого заключалась лишь в том, чтобы проверить знакомство опрашиваемых с иммерсивными медиапродуктами. Ответы на второй вопрос были разными, но всегда речь шла об эмоциях, общая семантика в которых – положительный характер эмоций. Ребята упомянули о том, что эмоции были разными как по количеству, так и по качеству, среди них встречались не только базовые, но и сложные, например, ностальгия. При характеристике потребностей ни разу не было упомянуто понятие «эстетическая

потребность», она описывалась через разные характеристики семантического ряда, связанного с чувственно-образным восприятием действительности. В двух отдельных случаях наряду с эстетической была упомянута потребность в поддержке социума, или сообщества, один раз – в ностальгии и любви.

В целом опрос подтвердил нашу гипотезу: популярность иммерсивности связана с психологическим потенциалом феномена – с развитием личности. Высокотехнологические решения и их широкое освещение в медиа не дань модным трендам, а возможность погрузить личность в искусственно-созданную реальность, способствующую ее развитию.

Смысловые последовательности PR-нарративов в СМИ и соцмедиа при обращении к теме иммерсивных коммуникационных продуктов зачастую формируются на основе пресс-релизов. Это прослеживается на основе однообразной структуры в представлении информации, объеме, специфике раскрытия темы. Прием, применяемый журналистами для создания нового текста на основе пресс-релиза, обладающего высокой технической уникальностью при смысловом дублировании текста-источника, – рерайтинг – сегодня широко применяется в медийной практике. При этом мы наблюдаем не только смысловое дублирование, но и структурное: на уровне количества знаков, чередования смысловых фреймов, жанровой близости.

Однообразная подача PR-повода, зачастую в жанре информационного сообщения (расширенной заметки), не позволяет «вскрыть» глубину медиасообщения, показать его значимость. Эмоционально заряженное событие подается сухо – через новостную повестку дня, не привлекая к себе внимания ни аналитическим осмыслением, ни креативным подходом.

Сразу после появления сообщения, смысл которого воспроизводят СМИ и соцмедиа, интерес к нему проявляется, а потом резко затухает, не поддерживаемый аналитическим осмыслением или креативной подачей. В этих условиях гигантский по своей значимости PR-проект, не находя опоры в виде размышлений о причинах его зарождения, удовлетворяемых потребностях, общественной и социальной значимости, приравнивается к высказыванию обывателя. Это снижает эффективность PR-деятельности в целом, статус специалиста по коммуникациям в частности.

Знакомство с сутью и смыслом PR-кампании не позволяет сформировать полную картину о значимости проекта. Отсутствие аналитического подхода не провоцирует размышлений, а значит, снижает его эффективность. Представляется, что в сложившейся ситуации необходимо кросс-медийное освещение проекта с осмыслением ключевых аспектов на разных медиаплатформах. Возможно, после будет важно представить итоги публично.

Освещение подобных PR-проектов должно удовлетворять общественный запрос на тиражирование идей PR-сообщества. Однако часто аналитическое осмысление ситуаций подменяется второстепенными фактами: комментариями первых лиц, погружением в детали и т. д. Это приводит к быстрому угасанию интереса к информационным поводам, которые фиксируют событие, но не осмысливают его должным образом.

Медиасистема продуцирует огромный поток сообщений, наполняющих информационные волны. Этот поток динамизирует инновационную составляющую медиакультуры в процессе повседневности. Однако аудитория получает информацию о разных сообщениях, часто имеющих глубокий смысл для развития общества, но тонущих в общем потоке информации. Это приводит к росту информационной энтропии. Хаос можно структурировать, переводя журналистику на новый уровень осмысления, где будут выявляться причинно-следственные связи.

Специфика иммерсивных PR-кампаний находит слабое преломление в творческой деятельности как журналистов, так и редакций. Взаимодействие между субъектами – PR- и журналистским сообществами – ослаблено: журналисты слабо используют иммерсивные разработки PR-практиков, а PR-менеджеры оказываются не готовы содействовать журналистам в раскрытии иммерсивного потенциала их ресурсов. Этот разрыв можно нивелировать более тесным сотрудничеством, совместным целеполаганием в медийной деятельности.

Выводы

Интерес журнализма к иммерсивным коммуникационным продуктам сформировался. Об этом свидетельствуют результаты контент-анализа ресурса по мониторингу СМИ и соцмедиа «Медиа-логия», ежегодно формирующего перечень информационных поводов с широким общественным резонансом, в котором иммерсивные PR-проекты заняли устойчивое место.

Широкой популярности и распространению иммерсивных медиапродуктов способствовало развитие технологии web 3.0, частным проявлением которой считаются такие технологические решения, как AR-, MR-, VR-технологии, а также интерактивные трехмерные среды, метавселенные, погружающие реципиентов в искусственно созданную цифровую среду, активирующую весь комплекс чувственно-образного восприятия и создающую эффект присутствия.

Автор полагает, что причиной популярности иммерсивных проектов стало не столько техническое и технологическое развитие цифровой среды, сколько потенциал иммерсивных медиапроектов для развития личности. Он проявляется в удовлетворении разного спектра потребностей, ведущей в которых является эстетическая, позволяющая

личности переноситься за пределы повседневной рутины и переживать глубокие эмоции. Спектр эмоций, как показал опрос, пробуждаемый у реципиента посредством погружения в сценарий с открытым финалом, – разный.

Потребности и эмоции связаны с формированием личности, занимают значимое место в структуре ее развития. Это определяет интерес ответственности, в частности молодого поколения, к иммерсивным коммуникационным продуктам.

Специфика репрезентации темы в СМИ и соц-медиа зафиксирована на уровне представления фактов о событии. Подача материала, как правило, в жанре расширенной заметки не позволяет раскрыть глубину и значимость проекта, что снижает его эффективность. Представляется, что переход на новый этап развития журналистики, связанный с более глубоким осмыслением процессов в обществе, позволит в полной мере осознать общественные запросы и ожидания.

Литература

1. Никифорова, А. А. Иммерсивные практики в современном культурном пространстве (мировой и отечественный опыт) / А. А. Никифорова, Н. И. Воронова // *Философия и культура*. – 2023. – № 5.
2. Ларин, М. С. Моделирование дополненной реальности / М. С. Ларина // *Известия высших учебных заведений. Приборостроение*. – 2010. – Т. 53, № 2. – С. 52–56.
3. Соколовская, Е. В. Иммерсивность в социогуманитарном дискурсе: к систематизации подходов / Е. В. Соколовская // *Вестник культуры и искусств*. – 2023. – № 4 (76). – С. 82–91.
4. Эвальд, В. Д. Интерактивность и иммерсивность. К проблеме разграничения понятий / В. Д. Эвальд // *Художественная культура*. – 2019. – № 3. – С. 248–271.
5. Громова, О. М. Иммерсивность культурно-досуговой среды: от концепта – к практикам функционирования / О. М. Громова // *Вестник культуры и искусств*. – 2023. – № 3 (75). – С. 36–48.
6. Колотвина, О. В. Иммерсивные технологии медиаискусства Х. Валь дель Омара («Апанорамное переполнение образа», «Диафония», «Тактильное видение») как выражение его концепции «техномистицизма» / О. В. Колотвина // *Наука. Телевидение*. – 2021. – № 17.1. – С. 51–71.
7. Мукашева, М. У. Психолого-педагогические аспекты использования иммерсивных технологий в образовании / М. У. Мукашева, С. Г. Григорьев, А. А. Омирзакова, З. К. Калкабаева, А. С. Жанабаева // *Вестник МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования»*. – 2023. – № 1 (63). – С. 99–111.
8. Breves, P. Cognitive load in immersive media settings: the role of spatial presence and cybersickness // *Virtual Reality*. – 2023. – Vol. 27. – P. 1077–1089.
9. Pavic, K. Feeling Virtually Present Makes Me Happier: The Influence of Immersion, Sense of Presence, and Video Contents on Positive Emotion Induction. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. – 2023. – № 26 (4). – P. 238–245.
10. Koenitz, H. *Understanding Interactive Digital Narrative: Immersive Expressions for a Complex Time*. – London : Routledge. 2023.
11. Lee, H. M. So far yet so near: Exploring the effects of immersion, presence, and psychological distance on empathy and prosocial behavior // *International Journal of Human-Computer Studies*. – 2023. – № 176.
12. Wu, S. A field analysis of immersive technologies and their impact on journalism: technologist perspectives on the potential transformation of the journalistic field // *Journalism Studies*. – 2023. – № 24 (3). – P. 387–402.
13. Махлина, С. Т. Иммерсивность в современной культуре / С. Т. Махлина // *Вестник СПбГИК*. – 2022. – № 3 (5). – С. 69–79.
14. Сидунова, М. К. Точки роста иммерсивной журналистики в России / М. К. Сидунова // *Медиасреда*. – 2020. – № 1. – С. 53–57.
15. Новикова, А. А. Эстетика иммерсивности: особенности творческой деятельности журналиста в мультимедийных и трансмедийных проектах / А. А. Новикова, И. В. Кирия // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. – 2018. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 276–288.
16. Павлова, Е. Люди, оставшиеся в региональной журналистике, – герои / Е. Павлова // *Журналистика и медиарынок*. – 2024. – № 7–8. – С. 18–21.
17. Решетникова, М. Без владельцев и цензуры: каким будет интернет эпохи Web3 / М. Решетникова // *РБК-тренды*. – 2022. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/629070a99a79470ec4bdb673>.
18. Maslow, A. H. *A Theory of Human Motivation*. – Wilder Publications, 2018. – 40 s.
19. Katz, E. On the use of the Mass Media for important things / E. Katz, M. Gurevitch, H. Haas // *American Sociological Review*. – 1973. № 38 (2). – P. 164–181.
20. Капцов, А. В. Методика диагностики актуальных потребностей личности / А. В. Капцов // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология»*. – 2008. – № 2 (4). – С. 59–70.

Радионцева Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций, Омский государственный технический университет (Омск), e-mail: rakaty@yandex.ru. ORCID 0000-0002-2248-198X

Поступила в редакцию 19 ноября 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh250211

IMMERSIVE TECHNOLOGIES IN THE REFLECTION OF THE MEDIA SYSTEM

E. S. Radiontseva

Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

The phenomenon of immersion attracts the attention of theorists and practitioners in various fields of knowledge, including the media communications environment. The analysis of media texts from the Medialogy Media Monitoring Resource (section “News Story of the Year”) showed that a relevant topic today is immersive media solutions aimed at informing the audience about PR projects related to the immersion of recipients in an artificially created environment that activates a complex of sensory-figurative perception and creates the effect of presence. From 2021 to the present, immersive PR projects accounted for 15 PR campaigns or 3,941 media texts in different typological segments of the media. The analysis database for this period recorded 116 PR campaigns or 51,532 media texts. The spread of immersiveness is associated with the development of Web 3.0 technology, a particular refraction of which are AR, MR, VR technologies, interactive three-dimensional environments, and metauniverses. The interest of journalism in this topic, which is largely a marker of public attention, is seen in the fact that immersion contributes to the development of personality through the satisfaction of needs and the formation of emotions. The author’s version is confirmed by a survey conducted among the student audience of the media specialty, who had experience of direct immersion in the artificial reality of an immersive product. The study showed that immersive media projects are mainly aimed at satisfying the aesthetic need, which allows one to escape from the routine and experience emotions that enrich the inner world of the individual. The specificity of the representation of immersive solutions is reduced to the formation of a stream of uniform media texts that do not allow revealing the depth and significance of media campaigns.

Keywords: immersion, media, web technologies, media text, aesthetic needs of the individual, emotions, digitalization.

References

1. Nikiforova A.A., Voronova N.I. Immersivnye praktiki v sovremennom kul’turnom prostranstve (mirovoj i otechestvennyj opyt) [Immersive Practices in the Modern Cultural Space (World and Domestic Experience)] // *Filosofiya i kul’tura*. 2023. № 5.
2. Larin M.S. Modelirovanie dopolnennoj real’nosti [Augmented Reality Modeling] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Priborostroenie*. 2010. T. 53? № 2. P. 52–56.
3. Sokolovskaya E.V. Immersivnost’ v sociogumanitarnom diskurse: k sistematizacii podhodov [Immersiveness in the Socio-Humanitarian Discourse: towards a Systematization of Approaches] // *Vestnik kul’tury i iskusstv*. 2023. № 4 (76). P. 82–91.
4. Eval’yo V.D. Interaktivnost’ i immersivnost’. K probleme razgranicheniya ponyatij [Interactivity and Immersiveness. On the Problem of Distinguishing between Concepts] // *Hudozhestvennaya kul’tura*. 2019. № 3. P. 248–271.
5. Gromova O.M. Immersivnost’ kul’turno-dosugovoj sredy: ot koncepta – k praktikam funkcionirovaniya [Immersiveness of the Cultural and Leisure Environment: from Concept to Practices of Functioning] // *Vestnik kul’tury i iskusstv*. 2023. № 3 (75). P. 36–48.
6. Kolotvina O.V. Immersivnye tekhnologii mediiskusstva H. Val’ del’ Omara (“Apanoramnoe perepolnenie obraza”, “Diafoniya”, “Taktil’noe videnie”) kak vyrazhenie ego koncepcii «tekhnomisticizma» [Immersive Technologies of Media Art by J. Val del Omar (“Panoramic Overflow of the Image”, “Diaphony”, “Tactile Vision”) as an expression of his concept of “technomisticism”] // *Nauka. Televidenie*. 2021. № 17.1. P. 51–71.

7. Mukasheva M.U., Grigor'ev S.G., Omirzakova A.A., Kalkabaeva Z.K., Zhanasbaeva A.S. Psichologo-pedagogicheskie aspekty ispol'zovaniya immersivnykh tekhnologij v obrazovanii [Psychological and Pedagogical Aspects of Using Immersive Technologies in Education] // *Vestnik MGPU. Seriya «Informatika i informatizaciya obrazovaniya»*. 2023. № 1 (63). P. 99–111.
8. Breves P., Stein J.-P. Cognitive Load in Immersive Media Settings: the Role of Spatial Presence and Cybersickness // *Virtual Reality*. 2023. № 27. P. 1077–1089.
9. Pavic K., Chaby L., Gricourt T., Vergilino-Perez D. Feeling Virtually Present Makes Me Happier: The Influence of Immersion, Sense of Presence, and Video Contents on Positive Emotion Induction // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2023. № 26 (4). P. 238–245.
10. Koenitz H. Understanding Interactive Digital Narrative: Immersive Expressions for a Complex Time. London: Routledge, 2023.
11. Lee H. M., Li B. J. So Far Yet so Near: Exploring the Effects of Immersion, Presence, and Psychological Distance on Empathy and Prosocial Behavior // *International Journal of Human-Computer Studies*. 2023. № 176.
12. Wu S. A Field Analysis of Immersive Technologies and Their Impact on Journalism: Technologist Perspectives on the Potential Transformation of the Journalistic Field // *Journalism Studies*. 2023. № 24 (3). P. 387–402.
13. Mahlina S.T. Immersivnost' v sovremennoj kul'ture [Immersiveness in Contemporary Culture] // *Vestnik SPbGIK*. 2022. № 3 (5). P. 69–79.
14. Sidunova M.K. Tochki rosta immersivnoj zhurnalistiki v Rossii [Growth Points of Immersive Journalism in Russia] // *Mediasreda*. 2020. № 1. P. 53–57.
15. Novikova A.A., Kiriya I.V. Estetika immersivnosti: osobennosti tvorcheskoj deyatel'nosti zhurnalista v mul'timedijnykh i transmedijnykh proektakh [Aesthetics of Immersion: Features of Creative Activity of a Journalist in Multimedia and Transmedia Projects] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 2018. Vol. 15, Iss. 2. P. 276–288.
16. Pavlova E. Lyudi, ostavshiesya v regional'noj zhurnalistike, – geroi [People Who Remained in Regional Journalism are Heroes] // *Zhurnalistika i mediarynok*. 2024. № 7–8. P. 18–21.
17. Reshetnikova M. Bez vladel'cev i cenzury: kakim budet internet epohi Web3 [Without Owners and Censorship: What Will the Internet Be Like in the Web3 Era] // *RBK-trendy*. 2022. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/629070a99a79470ec4bdb673>.
18. Maslow A.H. A Theory of Human Motivation. Wilder Publications. 2018. 40 p.
19. Katz E., Gurevitch M., Haas H. On the Use of the Mass Media for Important Things // *American Sociological Review*. 1973. № 38 (2). P. 164–181.
20. Kapcov A.V. Metodika diagnostiki aktual'nykh potrebnostej lichnosti [Methodology for Diagnosing Current Needs of an Individual] // *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya "Psichologiya"*. 2008. № 2 (4). P. 59–70.

Ekaterina S. Radiontseva – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University (Omsk), e-mail: rakaty@yandex.ru

Received November 19, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Радионцева, Е. С. Иммерсивные технологии в отражении медиасистемы / Е. С. Радионцева // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 96–104. DOI: 10.14529/ssh250211

FOR CITATION

Radiontseva E. S. Immersive technologies in the reflection of the media system. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 96–104. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250211

ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕДИАОБРАЗА РЕГИОНА В РАКУРСЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ)

Н. В. Соловьева

*Администрация Звериноголовского муниципального округа Курганской области,
с. Звериноголовское Курганской области, Российская Федерация*

Статья посвящена исследованию медиаобраза региона с точки зрения ценностного наполнения в контексте информационной повестки, связанной со Специальной военной операцией. Выдвинута и доказывается гипотеза о том, что начало СВО побудило журналистов Забайкальского края выбрать созидательную модель деятельности и повернуть вектор работы в сторону конструирования медиаобраза региона, репрезентирующего духовно-нравственные ценности. Цель работы – выявить аксиологический вектор регионального медиадискурса Забайкальского края в контексте СВО, определить ценности, получившие наибольшее распространение с 1.11.2023 по 1.11.2024 гг. Новизна исследования обусловлена отсутствием системных данных о конструировании медиаобраза территории в контексте Специальной военной операции и введением в научный оборот ранее не рассматриваемого эмпирического материала. Актуальность статьи вызвана тем, что, во-первых, роль медиаобраза, способного репрезентировать значимые для социума ценности, возрастает кратно на фоне происходящей гибридной геополитической войны. Во-вторых, наблюдается дефицит исследований о целенаправленном конструировании медиаобраза с использованием определенных смыслов и ценностей для выполнения задач в контексте проводимой Специальной военной операции.

С помощью лингвокультурологического анализа нами было исследовано 2423 текстовых сообщения ведущего СМИ Забайкальского края – ГТРК «Чита» – с 1.11.2023 по 1.11.2024 гг., а также с 1.01.2021 по 1.01.2022 гг. Автором выявлена тенденция укрепления в медиаобразе региона следующих ценностей: единство, патриотизм, долг, помощь. В качестве ценности особо обозначена *Победа* и её роль в побуждении жителей региона к проявлению солидарности с участниками СВО.

Ключевые слова: медиаобраз региона, ценности, Специальная военная операция, Забайкальский край, репрезентация, лингвокультурологический анализ.

Введение

В эпоху геополитических гибридных войн и социально-политических переворотов вопросы о смысле жизни и необходимости ориентира у представителей определенных социумов обостряются. Как утверждает Л. Б. Зубанова, «...новое состояние политико-культурного поля – это состояние актуального прогноза, национально значимая диагностика, ответ на вечно актуальное вопрошание “что делать?”, “что нас ждет?”, “куда идти дальше?”, “вокруг чего сплотиться?”. Ответы на извечные вопросы о смысле жизни лежат в плоскости символов, представляющей совокупность мировоззренческих конструктов, своеобразный код массового восприятия себя в мире и мира в себе» [1, с. 6].

В контексте Специальной военной операции, где информация может как поддерживать моральный дух противоборствующих сторон, так и подрывать его, вопросы поиска смыслов среди авторов медиaproстранства становятся особенно актуальными. В формировании общественного мнения, социальных и культурных идентичностей важнейшую роль играет медиаобраз региона.

Ценности как основной конструкт медиаобраза, в информационно-идеологической медиаполитике выходят на первый план. Социально-политическая

обстановка в стране и мире диктует набор лексем, часто упоминаемых в медиaproстранстве региона.

После февраля 2022 г. коммуникативная ситуация предельно усложнилась. Новая реальность получила «беспрецедентное по насыщенности и разнообразию» медийное сопровождение [2, с. 91], но, против ожиданий, отнюдь не в логике предшествующих десятилетий. Стрессовая ситуация глобального конфликта поставила профессионального журналиста перед необходимостью не просто модернизации, а выбора коммуникативной позиции, прежде всего, коммуникативной установки, предполагающей направленность, ориентацию на определенную систему ценностей [3, с. 106].

Если еще несколько лет назад, во времена пандемии коронавируса, аксиологию регионально-медиадискурса мы рассматривали в контексте туристической привлекательности, с точки зрения культурно-исторических и природных ценностей, то с началом Специальной военной операции угол внимания авторов медиаконтента сместился в сторону репрезентации духовно-нравственных и, что немаловажно, семейных ценностей. Медиаобраз региона, в свою очередь, как закодированное в медийном тексте ценностное представление автора о медиаобъекте, влияет на настроение и повседневную жизнь граждан. В созданных условиях

происходит переосмысление ряда ценностей: патриотизм, единство, готовность встать на защиту Родины становятся центральными в медийном дискурсе.

Данная статья призвана подчеркнуть важность понимания ценностного компонента медиаобраза в контексте актуальных событий и их влияния на общественное сознание.

Обзор литературы

В нашем исследовании под медиаобразом, вслед за Л. В. Хочунской, будем понимать закодированное в медийном тексте ценностное представление автора о медиаобъекте, имеющее диалогический (полилогический) характер и вызывающее на ценностную реакцию адресата [4]. Как и Л. В. Хочунская, считаем, что медийный текст имеет латентное содержание, несущее главный смысл информации – ценность. С этим утверждением соглашаются и А. Н. Гуреева и П. А. Киреева. Ученые уверены, что, исходя из данного определения медиаобраза, журналисты должны формировать позитивный медиаобраз государства, транслирующий ценности и вызывающий ценностную реакцию аудитории [5].

На наш взгляд, ценности являются более эффективными конструктами медиаобраза региона. Ценности обеспечивают прочность эмоциональной связи зрителя / читателя с происходящими событиями. К примеру, если ценности героя, о котором рассказывается в информационном сюжете, соотносятся с собственными взглядами зрителя, это может существенно усилить эффект сопереживания.

В последние несколько лет проследивается тенденция увеличения количества исследований о ценностях не только в научном, но и в политическом и медийном дискурсах. В системе медиасреды ценности рассматривают А. А. Ивин [6], И. А. Ильин [7], Д. О. Смирнов [8] и другие. По мнению исследователя А. А. Ивина, ценность – это базовое условие приобщения человека к реальности, то есть возможность обладания ценностями позволяет не потерять связь с реальными процессами, сохранить идентичность человека. Таким образом, использование ценностей в процессе конструирования медиаобраза способствует более глубокому осмыслению освещаемых СМИ событий.

Так, Л. С. Макарова говорит о необходимости прививать будущим журналистам такие ценности, как патриотизм, в рамках вузовской подготовки. Патриотизм интерпретируется, как «...неравнодушное отношение к своей стране», «...несовместимость с ксенофобией, высокомерным и презрительным отношением к другим народам». С точки зрения ученого, необходимо не забывать о различении понятий «...любовь к своей стране» и «...ненависть и высокомерие по отношению ко всем остальным» [9]. По мнению А. В. Возженикова, на репрезентацию духовно-нравственных ценностей СМИ «...должны быть ориентированы собственными коллективами» [10]. Ключевой и наиболее эффективной формой вовлечения журнали-

стов в систему патриотического воспитания граждан на основе их личных и корпоративных установок А. Н. Чумиков считает профессиональные конкурсы, которые становятся предметом глубокого рассмотрения ученого [11].

Феномен «ценность» с точки зрения философии и психологии рассматривает большое число ученых. К примеру, Н. А. Бердяев утверждает, что абсолютную ценность представляет человек, выступающий творцом [12]. И. М. Дуранов считает необходимым относить к традиционным духовно-нравственным ценностям (добро, справедливость, свобода, милосердие, мир, честь, верность, долг, человеколюбие) и такие ценности, как любовь к Отечеству, почитание отца и матери, могил и памятников предков. Он справедливо отмечает, что эти ценности не нуждаются в доказательствах, в их рациональном обосновании, они имеют чувственную основу [13].

Между тем, перечень основополагающих ценностей российского народа обозначает Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Согласно документу, к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России, приоритет духовного над материальным. Не случайно государственный документ о ценностях российского народа вышел в год начала Специальной военной операции. Считаем, что подписание Указа стало переломным моментом в государственной информационной политике России. Можно считать, что началась на законодательном уровне, но имеющая латентный принцип, работа по введению в том числе в российское медиапространство, смыслов и ориентиров, на которые должна опираться аудитория и которых так этой аудитории не хватало. Цель данной статьи – проследить, насколько поменялось ценностное наполнение медиаобраза региона в связи с началом Специальной военной операции.

Методы исследования

Данное исследование проводится на стыке нескольких дисциплин: журналистики, лингвистики, филологии, психологии журналистики. Основополагающим стал лингвокультурологический анализ, утверждающий единство культуры и языка. Этот метод использован при анализе лексем, представляющих интерес для исследования. Дискурс-анализ позволил определить актуальную информационную повестку региона, выявить тенденцию выбора и репрезентации ценностей журналистами ГТРК «Чита» в своих материалах в зависимости от информационной повестки.

Эмпирическим материалом для исследования послужили тексты новостных публикаций и телевизионных сюжетов Государственной телерадиокомпании «Чита» за период с 1.11.2023 по 1.11.2024 г., а также за период с 1.01.2021 по 1.01.2022 г. Временные рамки выборки новостных публикаций определены с учетом двух разных обстоятельств: мирного течения времени и уже широко развернувшихся действий в рамках Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины – для сравнительного анализа медиаконтента в контексте мира и начавшихся боевых действий. С помощью дискурс-анализа было изучено 2423 информационных сообщения.

Результаты и дискуссия

Забайкальский край – особенный регион. По мнению многих ученых, отличительной чертой ментальности забайкальцев является неверие во власть и Бога. Дихотомию отношения к власти описывает в своей монографии И. В. Ерофеева: «...власть одновременно олицетворяет Добро и Зло, представляет собой источник мудрости и силы, а также хаоса и лжи [14, с. 259]. По мнению В. В. Дементьева, власть в Российском государстве была изначально не русская, “немецкая” (пошла от Рюрика), затем долго продолжался период крепостного права [15, с. 19]. Указанными выше аспектами обусловлено ставшее широко распространенным и даже традиционным недоверие к власти, нелюбовь к ней (от власти не ждут справедливости, тем более правды, милосердия и т. д.). На территории Забайкальского края ситуация усугублена ссыльным прошлым региона. Между тем, стоит отметить, что в процессе проявления единства перед одним общим врагом (каким считают нацистский режим, долго правивший на Донбассе), неприятие власти уходит на второй план и явной становится пророссийская огосударствленная позиция как отдельных граждан, так и созданных с нуля сообществ. Появляются группы по интересам: плетение сетей, сбор гуманитарных грузов, благотворительные концерты, мастерские, изготавливающие одежду и окопные свечи для бойцов СВО и проч.

Региональные медиа служат платформой для выражения поддержки и солидарности как между жителями внутри региона, так и с жителями других территорий. На первый план в конструировании медиаобраза региона выходят такие ценности, как милосердие, взаимопомощь, единство: «Мы всё постараемся сделать, чтобы поддержать их семьи»: Забайкалье скорбит по бойцам, павшим под артобстрелом ВСУ в ДНР (ГТРК «Чита», 18.04.2024 г.); «Своих не бросаем»: «Добрые сердца Аги» продолжают сбор посылок для участников СВО (ГТРК «Чита», 13.08.2023 г.); «Они не одиноки, их поддерживают забайкальцы: от мала до велика, их поддерживает – вся страна (ГТРК «Чита», 25.09.2023 г.) и др.

Один из самых эффективных методов репрезентации ценностей как главных конструкторов ме-

диаобраза – демонстрация примеров через персонализацию, то есть конкретного человека с его историей или конкретного предприятия с устоявшейся позицией по отношению к бойцам СВО. Вышеназванное явление можно проследить в медиатексте, повествующем о том, что из Забайкалья отправился автопоезд с внедорожниками для участников СВО (ГТРК «Чита», 19.04.2024 г.). Отношение личное и коллектива к происходящим событиям, поддержка земляков, участвующих в СВО, а также ответственный подход к выполнению задач, поставленных государством, на любых участках, будь то фронт или рабочее место в тылу, прослеживается в словах заместителя начальника Забайкальской железной дороги Дмитрия Кожина: «Многие работники магистрали выполняют свой воинский долг на полях сражений, а оставшийся коллектив не только честно выполняет задачи, поставленные государством по обеспечению надежных перевозок пассажиров и грузов, но и, конечно же, принимает участие в подготовке гуманитарных грузов, и автомобильной техники». Оказание помощи тем, кто в ней нуждается, все чаще становится поводом для гордости и радости. «Конечно, переполняет чувство гордости за то, что мы частичку своей души вложили в ремонт этого автомобиля, и я рад, что эта машина будет служить помощником нашим пацанам», – говорит читинец Николай Арапов.

Демонстрация рефлексии обычных жителей Забайкальского края на оказание помощи ближним также имеет скрытые смыслы. Авторы медиапространства доносят до зрителя / читателя идею о том, что проявление милосердия и щедрости приносит пользу не только адресатам гуманитарных грузов, но и тем, кто их собирает, милосердие активизирует «центры вознаграждения» в мозге. Участие в благотворительных акциях способствует снижению уровня стресса и тревожности [16], а выполнение добрых дел вырабатывает дофамин, что вызывает чувство радости и удовлетворения [17]. Занятие благотворительностью не только помогает отдельным индивидуумам, но и способствует укреплению социального капитала. Исследования показывают, что сообщества, в которых активно практикуется проявление взаимопомощи и милосердия, обладают более высоким уровнем доверия и сотрудничества, что, в свою очередь, способствует созданию более сплоченных и безопасных сообществ [18].

При изучении медиатекстов ГТРК «Чита» с 1.11.2023 по 1.11.2024 г. выявлено, что лексема «помощь» встречается 498 раз. В доминирующем информационном потоке тематика медиатекстов с употреблением лексем «помощь» однообразна и связана непосредственно с СВО: деятельность фонда «Защитники Отечества», гуманитарная помощь, поддержка семей участников СВО, помощь жителям ДНР, Курской области и другим.

Для сравнения мы изучили медиатексты данной телерадиокомпании до начала Специальной военной

операции на предмет выявления лексемы «помощь». Количество упоминаний изучаемой нами ценности «помощь» в период с 1.01.2021 по 1.01.2022 г. равняется 200. Естественно, тематика уже другая: поддержка многодетных семей, деятельность благотворительных фондов в помощь больным детям, помощь бездомным собакам, волонтерство в сфере благоустройства территорий и проч. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ценность «помощь» стала в два раза чаще употребляться в медиапространстве региона. Значительно поменялся контекст употребления вышеуказанной лексемы, вектор тематики практически полностью развернулся в сторону Специальной военной операции. Такие ценности, как добро, взаимовыручка, любовь и милосердие, все чаще объективируются в материалах забайкальских журналистов.

К базовым человеческим ценностям относят патриотизм и гражданственность, служение Отчеству и ответственность за его судьбу. В этом смысле мы решили взять в качестве исследуемой единицы собирательную ценность «Долг». Количество медиатекстов с упоминанием лексемы «долг» с 1.11.2023 по 1.11.2024 г. равняется 79 (за аналогичный период 2021–2022 гг. – 34). Причем если в информационных сообщениях 2020–2021 гг. *Долг* часто встречается в значении обязательств перед кредиторами, невыполнение которых влечёт за собой возмещение вреда по решению суда («Мужчину выселили из общежития за долги», «Принудительное отключение: должников в Забайкалье оставят без воды» и т. д.), то в 2023–2024 гг. сообщений подобной тематики с лексемой «долг» не найдено. В большинстве случаев *Долг* используется в контексте «обязанность перед Родиной, народом». В философии *Долг* определяется как «внутренне принимаемое (добровольное) моральное обязательство». Тематика сообщений видна из заголовков: «212-й окружной учебный центр, дислоцированный в Забайкалье, стал лучшим по итогам 2023 года», «Госслужащие органов власти ДФО проходят боевую подготовку для участия в СВО», «Более 170 тысяч рублей собрали на благотворительном концерте в помощь бойцам СВО в Петровске-Забайкальском» и др.

Среди главных ценностей многие ученые называют *счастье, долг, щедрость, любовь, милосердие, добро, душа* и проч. Примечательно, что в изучении эмпирического материала мы не нашли подтверждения гипотезы о том, что укрепление приоритета духовного над материальным с началом СВО происходит через увеличение количества упоминаний ценности «душа». *Душа* в обоих временных периодах (до и после начала СВО) встречается практически равное количество раз: 55 и 51. Тематика сообщений с упоминанием лексемы также остается прежней: концерты, спектакли, вечера памяти и проч.

Считаем, что в разрезе проведения Специальной военной операции важно отдельно рассмотреть лексему «Победа». В данной социально-

политической обстановке *Победа* становится ценностью, основой которой являются победа народа над фашизмом, единство в противостоянии проявлениям фашизма, поддержка и взаимовыручка. С ноября 2023 г. по ноябрь 2024 г. в новостной ленте ГТРК «Чита» нами выявлено 195 упоминаний лексемы «*Победа*», тогда как в 2021–2022 гг. – 93 упоминания. Количество публикаций с использованием ценности «*Победа*» в медиатекстах журналистов региональной телекомпании возросло больше, чем вдвое. Авторы медиапространства программируют зрителей на то, что Победа будет совсем скоро и ее приближение – задача и важное условие жизни каждого члена регионального сообщества. Об этом говорит еще одна ценность – помощь, о чем мы говорили чуть выше.

Региональный медиадискурс Забайкальского края имеет событийный характер, зависит от социально-политической повестки. С февраля 2022 г. как на региональном, так и на федеральном уровне проводится множество мероприятий, связанных с проведением Специальной военной операции. Основой информационной повестки становятся благотворительные концерты и ярмарки, сбор гуманитарной помощи, посещение губернатором участников СВО в госпиталях, встреча главы региона с семьями участников СВО. Ценностный компонент медиаобраза Забайкальского края включает не только сплоченность, но и готовность жителей региона сплотить все российское сообщество. Специальная военная операция аккумулировала вокруг себя самые важные и острые проблемы сегодняшнего дня, требующие живого отклика аудитории. Самой эффективной площадкой для ведения диалога с аудиторией, по мнению М. Н. Булаевой и А. Р. Марфицкой, становятся медиапроекты [19]. 15.05.2024 г. в эфире ГТРК «Чита» рассказывается о Проекте «Многонациональная Россия – страна героев», стартовавшем в Забайкальском крае. Автор и руководитель проекта Рамил Алиев с экрана телевизора рассказывает о значении и целях проекта: «*Мы охватили по 20 героев с каждого региона. Этим мы хотим показать и представить обществу, что во всех регионах все национальности готовы сражаться во имя нашей святой Родины России, и это долг каждого гражданина, независимо от его национальности*». В рамках проекта готовятся фильмы о многонациональном единстве, которые транслируются в каждом регионе страны. Патриотически настроенные герои фильмов являются ярким примером персонализации как эффективного метода использования ценностей в конструировании регионального медиаобраза и, как следствие, медиаобраза России.

Выводы

Таким образом, на основе проведенных исследований можно сделать вывод о том, что в условиях проведения Специальной военной операции конструкторы медиаобраза региона, какими выступают ценности, меняются. Фокус внимания авторов ме-

диапространства устремляется в сторону поиска общего для российского социума ориентира. В условиях конфликта патриотические настроения усиливаются. Посредством историй о героизме местных жителей и помощи бойцам СВО журналисты активно транслируют такие ценности, как патриотизм, любовь, милосердие, помощь, что создает положительный медиаобраз региона. Солидарность, взаимовыручка, победа становятся фундаментом для построения медийного представления о территории.

Как утверждает Л. Г. Свитич, продуктом журналистского труда является выражение аксиальных (от лат. axis – ось) и аксиологических (от греч. axios – ценный) константных Смыслов. Но итог журналистского творчества может как выражать, так и не выражать константные Смыслы, то есть выступать в качестве носителя антисмыслов. В зависимости от цели модели журналистской деятельности могут быть либо созидательными, либо разрушительными для общества [19]. В медиадискурсе региона в контексте Специальной военной операции очевиден переход от разрушительной к созидательной модели деятельности СМИ. По мере продвижения российских войск на фронте тенденция создания созидательной модели усиливается.

Российское многонациональное общество, основы менталитета которого уходят корнями в далекую историю и строятся на ценностях общежития, на когнитивном уровне начинает стремиться к соборности, или, как пишет в своей книге «Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике» В. В. Дементьева, в поведении и коммуникации русских наблюдается обостренное проявление коллективизма, «коммуникативный пессимизм», или склонность обсуждать в гармоническом общении негативные стороны жизни, события, оценки и др. [15] Журналисты как неотъемлемая часть российского общества являются носителями духовно-нравственных ценностей, но имеющими возможность транслировать данные ценности на аудиторию.

Между тем, в работе журналистов по конструированию медиаобраза региона просматривается спонтанность, в то время как векторы работы указаны государственной информационной политикой. Такое положение дел говорит о необходимости более четкого формулирования смыслов и выборе ценностного наполнения медиатекстов перед началом подготовки материалов. Важно понимать, что медиа не только отражают реальность, но и активно участвуют в ее создании, тем самым формируя будущее не только отдельных регионов, но и страны в целом. Эти обстоятельства делают возможным распространение результатов проведенного исследования на дальнейшее изучение аксиологического вектора медиадискурса не только Забайкальского края, но и других регионов России.

Литература

1. Зубанова, Л. Б. Современное медиапро-

странство: подходы к исследованию и принципы интерпретации / Л. Б. Зубанова // Вестник ЧГАКИ. – 2008. – № 2 (14). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-mediaprostranstvo-podhody-k-issledovaniyu-i-printsipy-interpretatsii> (дата обращения: 26.10.2024).

2. Федоров, В. И. Социальные сети и формирование информационного пространства / В. И. Федоров. – Екатеринбург, 2019.

3. Цветова, Н. С. Журналистика военного времени: коммуникативная позиция автора медиатекста / Н. С. Цветова // Гуманитарный вектор. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 101–111.

4. Хочунская, Л. В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект / Л. В. Хочунская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2013. – № 2. – С. 91–95.

5. Гуреева, А. Н. Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации / А. Н. Гуреева, П. А. Киреева // Вестник Московского университета. Серия 10. «Журналистика». – 2022. – № 6. – С. 28–55.

6. Ивин, А. А. Ценности и понимание / А. А. Ивин // Вопросы философии. – 1987. – № 8. – С. 31–43.

7. Ильин, И. А. Кризис безбожия / И. А. Ильин // Собрание сочинений : в 10 т. – М., 1996. – Т. 1. – 46 с.

8. Смирнов, А. Н. Патриотизм в современной России: новый взгляд / А. Н. Смирнов. – СПб. : Изд-во СПбУ, 2021.

9. Макарова, Л. С. Патриотизм и толерантность как ценностные установки будущего журналиста / Л. С. Макарова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 889–892. – URL: <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?anum=3587>.

10. Возжеников, А. В. СМИ как субъект формирования патриотизма и гражданственности: исторический опыт и перспективы / А. В. Возжеников, А. Н. Кузнецов // Коммуникология. – 2022. – № 10 (1). – С. 107–118.

11. Чумиков, А. Н. Государственные медийные конкурсы как форма продвижения патриотических ценностей / А. Н. Чумиков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 111–120.

12. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1991. – 318 с.

13. Дуранов, И. М. Социокультурные основы гражданско-патриотического воспитания учащейся молодежи: теория и практика / И. М. Дуранов. – Магнитогорск, 2003. – 154 с.

14. Ерофеева, И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века) / И. В. Ерофеева. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. – 340 с.

15. Дементьев, В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персонально-

сти в лексике и прагматике / В. В. Дементьев. – М., 2013. – 336 с.

16. Brown, S. The Healing Power of Giving. *Journal of Health Psychology* / S. Brown. – 2003.

17. Langer, E. J. The Benefits of Mindful Giving / E. J. Langer, et al. // *Psychological Science*. – 2010.

18. Putnam, R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community* / R. D. Putnam // Simon & Schuster. – 2000.

19. Булаева, М. Н. Социальный медиапроект

«Женщины Донбасса»: жанрово-содержательные и коммуникативные особенности / М. Н. Булаева, А. Р. Марфицына // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 72–81.

20. Свитич, Л. Г. Журнализм как аксиологический феномен / Л. Г. Свитич // Массмедиа и ценностные отношения общества ; под ред. Г. В. Лазутиной. – М., 2013. – С. 67–77.

Соловьева Наталья Викторовна – специалист по связям с общественностью, Администрация Звериноголовского муниципального округа Курганской области (с. Звериноголовское Курганской области), e-mail: ProstakishinaNV@mail.ru

Поступила в редакцию 8 января 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250212

VALUE COMPONENT OF THE MEDIA IMAGE OF A REGION IN THE CONTEXT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION (USING THE EXAMPLE OF THE TRANS-BAIKAL TERRITORY)

N. V. Soloveva

Administration of Zverinogolovsky Municipal District of Kurgan region, vil. Zverinogolovskoe, Kurgan region, Russian Federation

The article is devoted to the study of the media image of the region from the point of view of value content in the context of the information agenda related to the special military operation (SMO). The author of the article puts forward and proves the hypothesis that the beginning of the SMO prompted journalists of the Trans-Baikal Territory to choose a creative model of their activities and turn the vector of work towards constructing a media image of the region representing spiritual and moral values.

The purpose of the work is to identify the axiological vector of the regional media discourse of the Trans-Baikal Territory in the context of the SMO, to determine the values that have become most widespread in the media discourse of the Trans-Baikal Territory for the period from November 1st 2023 to November 1st 2024. The novelty of the study is due to the lack of systematic data on the construction of the media image of the territory in the context of the SMO and the introduction of previously unrecognized empirical material into scientific circulation.

The relevance of the article is due to the fact that, firstly, the role of a media image capable of representing socially significant values is increasing exponentially against the background of the ongoing hybrid geopolitical war. Secondly, there is a shortage of research on the purposeful construction of a media image using certain meanings and values to perform tasks in the context of the SMO.

Using the linguistic and cultural analysis, 2,423 text messages from the leading regional media outlet of the Trans-Baikal Territory, Chita State Television and Radio Company, have been examined from November 11th, 2023 to November 11th, 2024 and from January 1st, 2021 to January 1st, 2022. The author has identified a tendency to strengthen the following values in the media image of the region: unity, patriotism, duty, and assistance. The Victory and its role in encouraging the residents of the region to show solidarity towards the participants of the SMO have been highlighted as a value.

Keywords: media image of a region, values, special military operation, Trans-Baikal Territory, representation, linguistic and cultural analysis.

References

1. Zubanova L.B. *Sovremennoe mediaprostranstvo: podkhody k issledovaniyu i printsipy interpretatsii* [Modern Media Space: Research Approaches and Principles of Interpretation] // *Vestnik ChGAKI*. 2008. № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-mediaprostranstvo-podhody-k-issledovaniyu-i-printsipy-interpretatsii> (date of accessed: 26.10.2024).

2. Fedorov V.I. Sotsial'nye seti i formirovanie informatsionnogo prostranstva [Social Networks and the Formation of the Information Space]. Ekaterinburg: USUPK Publishing House, 2019.
3. Tsvetova N.S. Zhurnalistika voennogo vremeni: kommunikativnaya pozitsiya avtora mediateksta [Wartime Journalism: the Communicative Position of the Author of the Media Text] // *Gumanitarnyy vector*. 2023. Vol. 18, № 3. P. 101–111.
4. Khochunskaya L.V. Fenomen mediaobraza: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt [The Phenomenon of Media Image: Socio-Psychological Aspect] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Literaturovedenie. Zhurnalistika"*. 2013. № 2. P. 91–95.
5. Gureeva A.N., Kireeva P.A. Formirovanie mediaobraza gosudarstva v kontekste mediatizatsii politicheskoy kommunikatsii [Formation of the Media Image of the State in the Context of Mediatization of Political Communication] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. "Zhurnalistika"*. 2022. № 6. P. 28–55.
6. Ivin A.A. Tsennosti i ponimanie [Values and Understanding] // *Voprosy filosofii*. 1987. № 8. P. 31–43.
7. Il'in I A. Krizis bezbozhiya [The Crisis of Godlessness]: sobranie sochinenii. Moscow, 1996. Vol. 1. 46 p.
8. Smirnov A.N. Patriotizm v sovremennoy Rossii: novyy vzglyad [Patriotism in Modern Russia: A New Look]. Saint Petersburg: SPbU Publishing House, 2021.
9. Makarova L.S. Patriotizm i tolerantnost' kak tsennostnye ustanovki budushchego zhurnalista [Patriotism and Tolerance as Values of a Future journalist] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2010. № 4 (2). P. 889–892. URL: <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?anum=3587>.
10. Vozzhenikov A.V. A. N. Kuznetsov SMI kak sub"ekt formirovaniya patriotizma i grazhdanstvennosti: istoricheskiy opyt i perspektivy [Mass Media as a Subject of Formation of Patriotism and Citizenship: Historical Experience and Prospects] // *Kommunikologiya*. 2022. № 10 (1). P. 107–118.
11. Chumikov A. N. Gosudarstvennye medijnye konkursy kak forma prodvizheniya patrioticheskikh cennostey [State Media Contests as a Form of Promotion of Patriotic Values] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Social'no-gumanitarnye nauki"*. 2024. T. 24, № 3. P. 111–120.
12. Berdyayev N. A. Samopoznanie [Self-Discovery]. Moscow: Idea, 1991. 318 p.
13. Duranov I.M. Sotsiokul'turnye osnovy grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya uchashcheyshya molodezhi: teoriya i praktika [Socio-Cultural Foundations of Civic and Patriotic Education of Students: Theory and Practice]. Magnitogorsk, 2003. 154 p.
14. Erofeeva I.V. Aksiologiya mediateksta v rossiyskoy kul'ture (reprezentatsiya tsennostey v zhurnalistike nachala XXI veka) [Axiology of Media Text in Russian Culture (Representation of Values in Journalism at the Beginning of the 21st Century)]. Novosibirsk: SO RAS Publishing House, 2009. 340 p.
15. Dement'ev V.V. Kommunikativnye tsennosti russkoy kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike [Communicative Values of Russian Culture: the Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. M.: Global kom, 2013. 336 p.
16. Brown S. The Healing Power of Giving // *Journal of Health Psychology*. 2003.
17. Langer E.J. et al. The Benefits of Mindful Giving. *Psychological Science*. 2010.
18. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. Simon & Schuster. 2000.
19. Bulaeva M.N. A. R. Marficya Social'nyj mediaproekt "Zhenshchiny Donbassa": zhanrovo-soderzhatel'nye i kommunikativnye osobennosti [Social Media Project "Women of Donbass": Genre, Content and Communication Features] *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Social'no-gumanitarnye nauki"*. 2023. Vol. 23, № 4. P. 72–81.
20. Svitich L.G. Zhurnalizm kak aksiologicheskii fenomen [Journalism as an Axiological Phenomenon] // *Massmedia i tsennostnye otnosheniya obshchestva*; pod red. G.V. Lazutinoy. Moscow: MediaWorld, 2013. P. 67–77.

Natalia V. Soloveva – Public Relations Specialist, the Administration of the Zverinogolovsky municipal district Kurgan region, vil. Zverinogolovskoe, Kurgan region, e-mail: ProstakishinaNV@mail.ru

Received January 8, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Соловьева, Н. В. Ценностный компонент медиаобраза региона в ракурсе Специальной военной операции (на примере Забайкальского края) / Н. В. Соловьева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 105–111. DOI: 10.14529/ssh250212

FOR CITATION

Soloveva N. V. Value component of the media image of a region in the context of the Special military operation (using the example of the Trans-Baikal Territory). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 105–111. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250212

Рецензии

УДК 94(476).084.6 «1953 – 1965»

DOI: 10.14529/ssh250213

ОБРЕТЕНИЕ ПРИВАТНОСТИ. О КНИГЕ Н. Б. ЛЕБИНОЙ «ХРУЩЕВКА. СОВЕТСКОЕ И НЕСОВЕТСКОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ» (МОСКВА, 2024)

А. И. Казанков

Пермский государственный институт культуры, г. Пермь, Российская Федерация

Рецензия посвящена вышедшей в январе 2024 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» книге Н. Б. Лебиной «Хрущевка. Советское и нессоветское в пространстве повседневности». Рецензент отмечает актуальность проблематики текста, продолжающего традицию исследований советской повседневности. Главная категория, с которой работает Н. Б. Лебина, по ее собственному признанию, пространство. Действительно, пространство малогабаритной квартиры, созданной в период начала массового жилищного строительства в СССР, проработано очень тщательно. В исследовании показаны и объективные характеристики этого пространства, и его смысловое наполнение.

Рецензент обращает внимание на исследовательские технологии и приемы, позволяющие достичь такого эффекта: последовательное перенесение внимания с официальных документов, статистики и т. д. в область личных восприятий, эмоций, повседневных практик, зафиксированных различными жанрами искусства.

В книге Н. Б. Лебиной последовательно и четко реализован сравнительно-исторический подход. Перемены в советской повседневности соотнесены с аналогичными европейскими (главным образом, французскими и германскими). Вывод оказывается неожиданным – к началу 1960-х годов образ жизни советского горожанина максимально приблизился к образу жизни среднего обитателя послевоенной Европы.

В заключении рецензент подчеркивает максимальное уважение Н. Б. Лебиной к интересам читателя – книга написана ярко и интересно, но с сохранением традиционной научной объективности.

Ключевые слова: советская история, повседневность, массовое типовое жилищное строительство, Н. Б. Лебина, 1953–1965 гг.

Любое хорошее исследование, посвященное повседневной жизни советской эпохи, непременно становится значимым событием – хотя бы потому, что появляются они реже, чем того заслуживает сама тема. Тем более это ожидаемо, когда за перо берется Н. Б. Лебина. В области изучения советской повседневности она является признанным мастером и безусловным авторитетом. Вышедшая недавно в издательстве «Новое литературное обозрение» книга «Хрущевка. Советское и нессоветское в пространстве повседневности» [1] продолжает цикл публикаций, последовательно ведущих читателя сквозь жизненные миры советских граждан – начиная с времен военного коммунизма и НЭПа, через эпохи «большого стиля», «космоса и кукурузы», в итоге с комфортом усаживая его в вагоны «колбасных поездов». Благодарный читатель уже успел в полной мере оценить колоссальную работоспособность и безграничную эрудицию Натальи Борисовны, ее тонкий юмор и яркий до дерзости стиль.

Поэтому, взяв в руки увесистый томик (да еще с иллюстрациями!), невольно предвкушаешь нечто восхитительное. Заглавие обещает знакомство с центральным, да-да, безусловно центральным феноменом эпохи оттепели – повседневностью малометражных квартир на одну семью в экономичной пятиэтажке, что все вместе и назы-

вается хрущевкой. По масштабу, значению и последствиям именно массовое типовое жилищное строительство второй половины 1950-х и начала 1960-х годов в СССР представляет собой настоящий формационный сдвиг, предопределивший всю дальнейшую советскую историю.

Книга заявлена как научно-популярная. Поэтому мы вправе представить двух гипотетических ее читателей – человека просто любознательного, и человека, любознательного во всех отношениях, т. е. коллегу Н. Б. Лебиной по историческому цеху. Вполне вероятно, что первый примет начало книги, озаглавленное «Преимущества пространства. Вместо предисловия», к сведению и станет читать дальше. Второй, что еще более вероятно, примется брюзжать.

Дело в том, что в этой части книги (я бы назвал ее методологической) для «аккредитации» социального пространства почему-то выполнена «дискредитация» времени. Это, разумеется, не наказывается, и все же странно: «Но нельзя забывать, что время одномерно и даже в какой-то степени плоско. У него есть начало и конец, но нет объема и предметности. Кроме того, в прошедшее невозможно вернуться». Такое понимание времени (одномерного и необратимого) существует, пожалуй, только в термодинамике. А вот повседневное время

уж точно многомерно, разнонаправленно и предельно фигуративно. Оно рвется, коллапсирует, грозя апокалипсисом, движется вспять. В нем прошлое обладает реальностью «доброе старое время». Иногда остро и отчетливо переживается безвременно. В историографической традиции о рельефности и антропологической соразмерности времени упоминалось не раз. Достаточно указать на работы Ж. Ле Гоффа, различавшего «время церкви и время купцов» [2]; А. Я. Гуревича, уделившего достаточно внимания вопросу «Что есть время?» [3]; М. М. Бахтина, обнаружившего соединенность культурного времени и пространства в единый хронотоп [4]. Да, заполняют его не бытовые рефрижераторы и кресла-кровати, а человеческая экзистенция, но ведь не зря же в списке литературы, сопровождающем книгу, упомянута работа М. Хайдеггера.

Но, впрочем, довольно. Наталья Борисовна просто не очень удачно выразилась. Дело в том, что метрика повседневного времени непременно должна стать предметом серьезного самостоятельного исследования – или даже серии исследований. В действительности Н. Б. Лебина время прекрасно понимает и чувствует. И различает эпохи не по хронологии, а по содержанию, ритму и темпу, стилю и эстетике. В самом деле, «эпоха большого стиля» и «оттепель» для нее не только метки в хронологии. Просто далее в книге речь пойдет именно о пространстве, главным образом. И там уже самый критический взгляд не обнаружит ни малейших недостатков. Феноменология локусов повседневности описана очень точно, исследовательский подход Анри Лефевра, Валерия Подороги, Юрия Слезкина тщательно осмыслен и безукоризненно реализован.

Хотелось бы обратить внимание на то, что сам текст имеет внятную пространственную диспозицию. Наталья Борисовна умеет правильно масштабировать изображение, предьявляя сначала микрорайон, затем подъезд, места общего пользования, интимные и коллективные локусы. Каждому из них соответствует подробная дескрипция повседневных практик – потребительских, гигиенических, коммуникативных, эстетических, досуговых. По мере развертывания описания пространства, в нем размещаются вещи, выступающие приметами (все-таки) времени: журнал «Юность», стиральная машина «Рига», ваза «Кристалл», малогабаритная мебель, бочка с квашеной капустой, шампуни и кремы, текстиль и обои – всего не перечислить. Пространства, практики и вещи образуют осмысленные комплексы, многие из которых формируются впервые именно в хрущевках.

Но для тех, кто любит созерцать приемы осмысления и письма (на каждом уровне и в каждом пространстве), я рекомендую обратить внимание на то, с каким изяществом в книге разыгрывается своего рода бадминтон (Н. Б. Лебина и его

упомянет в надлежащем месте). Фокус авторского внимания, словно воздушный воланчик, перелетает с поля казенных документов, СНиПов, партийных постановлений, сведений о метраже потолков, кубометров кухонных ниш, статистических данных (даже о количестве производимых стульев) в поле человеческих переживаний, горестей, надежд, интимных эмоций, сексуальности. И обратно. И снова туда. При этом происходит постоянная, крест-накрест верификация данных, к примеру, «Энциклопедии домашнего хозяйства» и личного опыта, начальственных акций и обывательских реакций, создавая объемный образ того самого усвоения, т. е. хабиутализации нового жизненного мира.

Добавим, что если официальная документация в принципе доступна, то до «другой стороны» добраться не очень легко. И здесь обнаруживается еще один прием. Наталья Борисовна умело и оправданно пользуется средствами искусства, в котором дурная бесконечность повседневного уже обработана и снята. Воплощена в эйдетических образах. Кинематограф и театр, проза А. Алексина и В. Аксенова, В. Пановой и В. Драгунского, поэзия Е. Евтушенко, опереточные скетчи, живопись Ю. Пименова, даже карикатуры журнала «Крокодил» (которые автор упорно называет «изошутками») и анекдоты становятся ценными источниками, позволяющими увидеть мир «изнутри», глазами маленького человека.

Одной из сквозных тем книги является последовательно проводимый компаративный анализ. Перемены, происходящие в СССР, постоянно контекстуализируются европейским (преимущественно германским и французским) опытом. Любопытный читатель, возможно, не без удивления узнает, что советская повседневность эпохи оттепели была отражением общеевропейских тенденций. На свой манер, разумеется. Приведенная Н. Б. Лебиной аргументация, опять-таки от статистики до прозы Эльзы Триоле и Г. Белля, вполне убеждает в этом. Здесь все абсолютно прозрачно и недвусмысленно. Совпадения настолько масштабны, что любой читатель убедится – под видом массового типового жилищного строительства в Советском Союзе в действительности строился архипелаг островков вполне буржуазного потребительского рая – что бы ни было написано при этом в программе КПСС.

В любимой книге шестидесятников – «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова – есть известная всем глава «Уважайте матрацы, граждане» [5]. В ней обычный «голубой», в лоснящихся цветочках» матрац меняет жизнь своего обладателя, одинокого и гордого поэта, выступая одновременно деспотом и генератором желаний. Книга Н. Б. Лебиной доводит эту тему до логического завершения, демонстрируя читателю, какой непредсказуемой взрывной мощью обладала даже обычная малогабарит-

Рецензии

ная «однушка», каким освобождающим потенциалом она была наделена. Тест написан с максимальной заботой и любовью к читателю. Некоторые его фрагменты будут непроизвольно вызывать ностальгию, но это не ностальгическое сочинение. Наталья Борисовна стремится к максимальной объективности. Она не формирует оценок, а создает основания для их вынесения.

Литература

1. Лебина, Н. Б. Хрущевка. Советское и несоветское в пространстве повседневности / Н. Б. Лебина. – М. : НЛЮ, 2024. – 422 с.
2. Le Goff, J. Time, Work & Culture in the Mid-

dle Ages / J. Le Goff. – Chicago : The University of Chicago Press, 1980.

3. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич // Избранные труды. Средневековый мир. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 560 с.

4. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.

5. Ильф, И. А. Золотой теленок / И. А. Ильф, Е. П. Петров // Двенадцать стульев. Золотой теленок. – Орджоникидзе : Ир, 1979. – 632 с.

Казанков Александр Игоревич – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры (Пермь), e-mail: tokugava2005@rambler.ru. ORCID 0000-0002-6647-5047

Поступила в редакцию 20 февраля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250213

GAINING PRIVACY. ABOUT N. B. LEBINA'S BOOK "KHRUSHCHEV. SOVIET AND NON-SOVIET IN THE SPACE OF EVERYDAY LIFE" (MOSCOW, 2024)

A. I. Kazankov

Perm State Institute of Culture, Perm, Russian Federation

The paper is devoted to the book by N. B. Leбина "Khrushchevka. Soviet and Non-Soviet Issues in the Space of Everyday Life", published in January 2024 by the New Literary Review publishing house. The author notes the relevance of the problems of the text, which continues the tradition of research into Soviet everyday life. The main category that N. B. Leбина works with, by her own admission, is space. Indeed, the space of a small apartment created during the early period of mass housing construction in the USSR has been worked out very carefully. The study shows both the objective characteristics of this space and its semantic content.

The author draws attention to the research technologies and techniques that make it possible to achieve this effect: a consistent transfer of attention from official documents, statistics, etc. to the field of personal perceptions, emotions, and everyday practices recorded by various genres of art.

In the book by N. B. Leбина's, a comparative historical approach is consistently and clearly implemented. Changes in Soviet everyday life are correlated with similar European ones (mainly French and German). The conclusion turns out to be unexpected – by the early 1960s, the lifestyle of a Soviet citizen was as close as possible to the lifestyle of an average inhabitant of post-war Europe.

In conclusion, the author emphasizes N. B. Leбина's utmost respect for the interests of the reader – the book is written vividly and interestingly, but with the preservation of traditional scientific objectivity.

Keywords: Soviet history, everyday life, mass standard housing construction, N. B. Leбина, 1953–1965.

References

1. Leбина N.B. Khrushchevka. Sovetskoe i nesovetskoe v prostranstve povsednevnosti [Khrushchev. Soviet and non-Soviet in the Space of Everyday Life]. Moscow: NLO, 2024. 422 p.
2. Le Goff J. Time, Work & Culture in the Middle Ages. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
3. Gurevich A.Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Categories of Medieval Culture] // *Izbrannye trudy. Srednevekovyj mir*. Saint Petersburg: SPbU Publishing House, 2007. – 560 p.
4. Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi pojetike [The Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics] // *Voprosy literatury i jestetiki*. M.: Artistic literature, 1975. P. 234–407.
5. Il'f I.A., Petrov E.P. Zolotoj telenok [The Little Golden Calf] // *Dvenadcat' stul'ev. Zolotoj telenok*. Ordzhonikidze: Ir, 1979. 632 p.

Alexander I. Kazankov – D. Sc. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture (Perm), e-mail: tokugava2005@rambler.ru

Received February 20, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Казанков, А. И. Обретение приватности. о книге Н. Б. Лебиной «Хрущевка. Советское и несоветское в пространстве повседневности» (Москва, 2024) / А. И. Казанков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 112–115. DOI: 10.14529/ssh250213

FOR CITATION

Kazankov A. I. Gaining privacy. about N. B. Leбина's book "Khrushchev. Soviet and Non-Soviet in the space of everyday life" (Moscow, 2024). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 112–115. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250213

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ РИЧАРДА УОТМОРА «ЧТО ТАКОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ?» (МОСКВА, 2023)**М. Д. Пархоменко***Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация*

В предлагаемом обзоре рассмотрена переведенная на русский язык книга британского историка Ричарда Уотмора, специалиста по интеллектуальной истории, вышедшая в свет в 2023 году. Интеллектуальную историю можно определить как особое направление в исторической науке, сосредоточенное на изучении идей, концепций, учений, теорий и других продуктов мыслительной деятельности людей, обращенное в текстовую или любую другую форму. Это направление позволяет проанализировать влияние исторических эпох и обстоятельств на развитие мыслей и решений ключевых исторических личностей, мыслителей, людей, определяющих судьбы человечества. Исследуя идеи и концепции, изложенные в исторических текстах и документах, интеллектуальная история находит ответ на множество различных вопросов. В книге рассматриваются вопросы определения границ интеллектуальной истории, история возникновения данной дисциплины, ее методология. Работа сосредоточена на подходах так называемой Кембриджской школы интеллектуальной истории, хотя также упоминается и *Begriffsgeschichte* (история понятий). Книга может заинтересовать как тех, кто только начал изучать интеллектуальную историю, так и специалистов в данной области.

Ключевые слова: Ричард Уотмор, интеллектуальная история, методы интеллектуальной истории, *Begriffsgeschichte*, Квентин Скиннер, Джон Покок.

«Как бы мы ни пытались определить, что такое интеллектуальная история, определение будет неполным. Равным образом, оно неизбежно будет субъективным; остается лишь надеяться, что этот недостаток простителен для вводно-ознакомительного текста, каковым является настоящая работа». Такими словами начинается книга Ричарда Уотмора «Что такое интеллектуальная история?» [1, с. 8].

Ричард Уотмор – профессор современной истории в университете Сент-Эндрюс (регион Файф, Шотландия, Великобритания), директор Института интеллектуальной истории, главный редактор журнала «History of European Ideas». В настоящее время он исследует и преподаёт интеллектуальную историю Нового времени Европы (включая политику, международные отношения, политическую экономию и религию). Сфера его интересов включает теории империи, демократии и войны, идеологию просвещения и революции, политическую карикатуру [2]. На счету Уотмора много публикаций в виде книг и статей.

В данной рецензии анализируется книга Ричарда Уотмора, посвященная основаниям и дисциплинарному статусу интеллектуальной истории. Книга вышла в 2016 г. на родном автору английском языке [3]. В 2023 г. ее издали на русском языке. Этой книге Уотмора предшествовал выход учебного пособия «Введение в интеллектуальную историю» (2015), в составлении которого принял участие и автор рассматриваемой книги [4].

Рецензируемая книга является скорее своеобразным сводом размышлений автора, его ответов на критику и просто некоторых мыслей относительно того, что такое интеллектуальная история, каковы ее объект и предмет изучения. Автор пытается ответить на такие вопросы: чем занимаются

интеллектуальные историки? чем они руководствуются в своих изысканиях? Обычно становление интеллектуальной истории связывают с Кембриджским университетом (штат Массачусетс, США), где сформировалась школа по изучению истории идей. Студентом этого университета когда-то был и автор рецензируемой работы.

Книга Уотмора структурно состоит из введения, шести глав и заключения, снабжена большим количеством единиц справочного аппарата. Во введении даны некоторые разъяснения о том, что интеллектуальная история занимается изучением идей прошлого. В первой главе «Сущность интеллектуальной истории» ставится вопрос: как определить, что такое интеллектуальная история? По мнению автора, сегодня ученые, называющие себя интеллектуальными историками или проявляющие интерес к этой дисциплине, помимо тем, традиционно ассоциирующихся с интеллектуальной историей, политической теорией и международными отношениями, могут также заниматься историей идентичности, времени и пространства, империй и народов, пола и гендера, академической и популярной науки, тела и его функций, историей отношения к еде, животным, окружающей среде и миру живой природы, перемещениями народов и распространением идей, историей издательского дела и историей вещей, историей искусства и историей книги. И в самом деле, это настолько широкое поле, что на него может зайти едва ли не любой желающий. Так, интеллектуальную историю, можно определить как особое направление в исторической науке, сосредоточенное на изучении идей, концепций, учений, теорий и других продуктов мыслительной деятельности людей, обращенных в текстовую или любую другую форму.

Хотя интеллектуальная история, прежде всего, работает с текстом, следует также упомянуть, что она изначально междисциплинарна по своей природе.

Во второй главе «История интеллектуальной истории» Уотмор отвечает на вопрос, как сложилась американская школа интеллектуальной истории в Кембриджском университете и немецкая *Begriffsgeschichte*. Перечислены основные, наиболее известные представители этих направлений. Концепцию интеллектуальной истории он возводит к таким авторам, как А. Лавджой, а *Begriffsgeschichte* – к О. Бруннеру. Понятие «идеи» он возводит к Ш. Л. Монтескье. Кроме того, он приводит ряд работ французских философов, историков и социологов, повлиявших на круг исследовательских интересов интеллектуальных историков. Таким образом, интеллектуальная история сформировалась одновременно с другими, гораздо более известными направлениями.

Следующая глава называется «Метод интеллектуальной истории», в ней автор раскрывает особенности методологии интеллектуальной истории, опираясь на методику британского историка и философа Квентина Скиннера. Последний считает, что для реконструкции истории идей, носителями которых являлись интеллектуалы прошлого, историк должен ставить следующие вопросы и пытаться ответить на них:

а) Что делал автор, когда писал свой текст, по отношению к другим имеющимся в наличии текстам, образующим идеологический контекст?

б) Что делал автор, когда писал свой текст, по отношению к наличному и проблематичному действию, образующему практический контекст?

в) Можем ли мы идентифицировать идеологии, а также анализировать и объяснять их формирование, критику и изменение?

г) Какого рода связь между политической идеологией и политическим действием способна лучше всего объяснить распространение некоторых идеологий и какое влияние она имеет на политическое поведение?

д) Какие формы политической мысли и политического действия участвуют в распространении и конвенционализации идеологических изменений? [1, с. 85–86]

Подход Скиннера, по мнению Уотмора, фокусирует исследователя на намерениях авторов и идеологическом фоне их деятельности. Далее Уотмор рассматривает как достоинства, так и недостатки такого подхода. К сожалению, он подробно не рассматривает метод лингвистического контекстуализма, хотя и упоминает его. Имеется в виду изучение текстов, помещённых в контекст, других авторов, путём установления аналогий и поиска влияний, которые далеко не всегда артикулируются автором текста.

Следующая глава «Практика интеллектуальной истории» содержит примеры работ, наиболее

близких к сфере исследовательских интересов Уотмора. Главным образом это работы Скиннера, Покока и других специалистов по истории политической мысли Нового времени. Выходные данные таких работ представлены в списке рекомендованной литературы в конце книги.

Пятая глава «Актуальность интеллектуальной истории» содержит примеры работ К. Скиннера с целью доказательства необходимости интеллектуальной истории как самостоятельного тематического направления исследований. На примерах истории идей демократии, истории идей обоснования войн как средства решения экономических и политических проблем Уотмор поясняет важность и актуальность таких исследований для понимания прошлого и осознания происходящего в наше время. По мнению автора, именно интеллектуальная история может помочь удовлетворить подобные запросы.

В последней главе «Интеллектуальная история в настоящем и будущем» Уотмор рисует картину незавидного положения интеллектуальных историков в англоязычном научном пространстве. Но при этом показывает, что и сейчас появляется новое поколение интеллектуальных историков, создающих оригинальные работы.

Завершая работу, автор приводит несколько интересных тезисов. Например, такой: «Многие из лучших интеллектуальных историков утверждают, что критический и научный подходы несовместимы. Если интеллектуальный историк сталкивается с тошнотворным утверждением или идеей, высказанными автором иной эпохи, он не обязан выступать с осуждением. Главное – понять, как автору удалось протащить эту идею и почему в контексте той эпохи подобные высказывания были допустимы. Так мы получаем более комплексное представление о том, что тогда происходило, и начинаем понимать, что некое суждение, каким бы тошнотворным оно нам ни казалось, в свое время было вполне нормальным. Впрочем, полностью избежать оценочного отношения к текстам нельзя, по крайней мере вот в каком смысле. Интеллектуальные историки правы, когда возмущаются поверхностно-критическим прочтением текстов прошлых эпох. Нас окружают суждения, почерпнутые из исторических произведений, и с ними приходится считаться. И совершенно бесполезно пытаться поставить мыслителей и деятелей прошлого к стенке, состоящей из нынешних моральных ценностей, и расстреливать их за то, что они не похожи на нас» [1, с. 148–149].

Таким образом, автор книги подробно объясняет, в чем состоят основные дисциплинарные параметры интеллектуальной истории. Он показывает, как философские, научные, политические, религиозные и художественные идеи зарождаются, формируются в различных исторических контекстах, а затем оказывают прямое влияние на раз-

витие общества и действия людей разных исторических эпох. Он также делает обзор трудов по изучению исторических идей. В заключении книги представлены некоторые размышления о последних достижениях интеллектуальной истории. Однако читателям, которые рассчитывают на широкое разнообразие примеров, охватывающих весь диапазон исследований в сфере интеллектуальной истории, нужно иметь в виду, что по большей части автор не выходит за пределы наиболее изученной им территории. Знакома читателя с современным состоянием интеллектуальной истории, ученый предлагает собственное определение границ этой дисциплины: история политической мысли, история идей, концепций, понятий, научных и философских изысканий, при этом их можно помещать в различные контексты (политика, экономика, экология, география и др.).

В данной книге имеется послесловие редакторов русскоязычного издания Тимура Атнашева и Михаила Велижева «По следам Уотмора. Реализм в интеллектуальной истории», которое носит вводный характер. Помимо этого, книга включает и несколько страниц обширного списка рекомендуемой литературы (преимущественно англоязычной) по интеллектуальной истории. Предлагаемый список трудов разбит на разделы «Классические работы», «История интеллектуальной истории», «Метод интеллектуальной истории», «Интеллектуальная история и история политической мысли», «Интеллектуальная история и история философии», «Постструктурализм и интеллектуальная история», «Интеллектуальная история как Begriffsgeschichte», «Интеллектуальная история и история науки». Перечень таких трудов, безусловно, делает издание еще более информативным.

Книга Ричарда Уотмора «Что такое интеллектуальная история?», без сомнения, имеет большое

значение для популяризации интеллектуальной истории. Тот факт, что работа переведена на русский язык и издана, представляет собой, безусловно, очень важный шаг в развитии интеллектуальной истории в русскоязычном пространстве. Такой вывод можно сделать, как минимум, по двум причинам. Во-первых, интеллектуальная история, к сожалению, не является приоритетным направлением для российской исторической науки в целом, и для того, чтобы утвердить эту дисциплину в русскоязычной научной среде, необходимо больше переводить и издавать подобную литературу. Во-вторых, методологические основы интеллектуальной истории, разъясненные автором, могут способствовать развитию также и других направлений российской исторической науки, побудить по-новому осмыслить уже достаточно хорошо известные работы. Безусловно, книга может послужить и хорошим начальным пособием для тех, кто только собирается заниматься интеллектуальной историей. Впрочем, и люди, которые уже знакомы с этим направлением в исторической науке, также найдут работу Уотмора интересной и полезной.

Литература

1. Уотмор, Р. Что такое интеллектуальная история? / Р. Уотмор. – М. : Новое литературное обозрение, 2023. – 200 с.
2. Richard Whatmore. – URL: <https://standrews.academia.edu/RichardWhatmore> (дата обращения: 15.01.2025).
3. Whatmore, R. What is intellectual history? / R/ Whatmore. – Cambridge : Polity Press Ltd, 2016. – 137 p.
4. A Companion to Intellectual History / ed. by R. Whatmore, B. Young. – Oxford (Massachusetts): John Wiley & Sons, Ltd, 2016. – 456 p.

Пархоменко Михаил Дмитриевич – аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: mihail.ph774@gmail.com. ORCID 0009-0001-9555-2232

Поступила в редакцию 22 января 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250214

REVIEW OF THE BOOK BY RICHARD WHATMORE “WHAT IS INTELLECTUAL HISTORY?” (MOSCOW, 2023)

M. D. Parkhomenko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The paper examines the book translated into Russian by the British historian Richard Whatmore, a specialist in intellectual history, published in 2023. Intellectual history can be defined as a special direction in historical science focused on the study of ideas, concepts, doctrines, theories and other products of people's intellectual activity, converted into text or any other form. This

direction allows us to analyze the influence of historical epochs and circumstances on the development of thoughts and decisions of key historical figures, thinkers, people who determine the fate of mankind. Exploring the ideas and concepts set out in historical texts and documents, intellectual history finds an answer to many different questions. The book addresses the issues of defining the boundaries of intellectual history, the history of the emergence of the discipline and its methodology. The work focuses on the approaches of the so-called Cambridge school of intellectual history, although Begriffsgeschichte is also mentioned. The book may be of interest to both those who have just begun to study intellectual history and specialists in this field of research.

Keywords: Richard Whatmore, intellectual history, intellectual history methods, Begriffsgeschichte, Quentin Skinner, John Pocock.

References

1. Whatmore R. Chto takoe intellektual'naya istoriya? [What is Intellectual History?]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2023. 200 p.
2. Richard Whatmore. URL: <https://st-andrews.academia.edu/RichardWhatmore> (date of accessed: 15.01.2025).
3. Whatmore, R. What is intellectual history? Cambridge: Polity Press Ltd, 2016. 137 p.
4. A Companion to Intellectual History / Ed. by R. Whatmore, B. Young. Oxford (Massachusetts): John Wiley & Sons, Ltd, 2016. 456 p.

Mikhail D. Parkhomenko – Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: mihail.ph774@gmail.com

Received January 22, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Пархоменко, М. Д. Рецензия на книгу Ричарда Уотмора «Что такое интеллектуальная история?» (Москва, 2023) / М. Д. Пархоменко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 116–119. DOI: 10.14529/ssh250214

FOR CITATION

Parkhomenko M. D. Review of the book by Richard Whatmore “What is intellectual history?” (Moscow, 2023). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 116–119. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250214

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНИТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Адрес редакции, издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 32.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200—250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее — 30, нижнее — 30, левое — 30, правое — 30 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkina@susul.ru, главный редактор — профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь — доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2025 Том 25, № 2

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка: *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 21.04.2025. Дата выхода в свет 28.04.2025. Формат 60×84 1/8.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ 99/127. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.